

ИРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМЫ

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

В О П Р О С Ы

современной лингвистики
Voprosy sovremennoj lingvistiki

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Полиmodalные дискурсивные практики
в нарративе на русском языке
как иностранном

2026 / № 1

ISSN 2949-5059 (print)

2026 / № 1

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 – Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 – Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2026 / № 1

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. – д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. – канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Демьянков В. З. – д-р филол. наук, проф., Институт языкознания РАН;

Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Калинин О. И. – д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Киосе М. И. – д-р филол. наук, доц., Московский государственный лингвистический университет

Ковачевич Б. – доктор наук, полный профессор, Белградский университет (Сербия)

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Морадхани Ш. – доктор философских наук, доцент, Университет Рази (Керманшах, Иран)

Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. – д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. – д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguamgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. – 2026. – № 1. – 156 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

V. Z. Demyankov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

M. I. Kiöse – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Moscow State Linguistic University;

B. Kovačević – PhD, Full Professor, University of Beograd (Serbia)

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

S. Moradkhani – PhD (Doctor of Philosophy), Associate Professor, Razi University (Kermanshah, Iran)

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2026. – № 1. – 156 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Авдосенко Е. В., Агеева Г. А., Янькова П. В.</i> Лингвистика фишинга: функционально-стилистический анализ фишинговых писем.	6
<i>Киосе М. И., Ржешевская А. А., Потехин В. О.</i> Полимодальные дискурсивные практики в нарративе на русском языке как иностранном	29
<i>Скуратов И. В., Бен Айсса Ибрахим.</i> Слоганы во французском языке: лингвостилистический анализ и прагматика воздействия	50
<i>Уразаев М. Д.</i> Образ опьянения в концептуальной метафоре эмоциональной избыточности.	61

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Аверина А. В.</i> Категория миративности и средства её выражения в немецком языке.	77
<i>Архипова И. В.</i> Инструментально-таксисный и медиально-таксисный семантические субкомплексы в немецком языке	90
<i>Грошев Д. В.</i> Просодический рисунок иллокутивного акта угрожающего требования (на основе экспериментально-фонетического исследования)	103
<i>Заалишвили И. В.</i> Речевые репрезентации идеи единства в публичном дискурсе чилийского президента Габриэля Борича Фонта	112
<i>Первак Т. В., Казачевская О. В., Кукина Н. В.</i> Словообразовательный потенциал заимствованного суффикса <i>-ing / -инг</i> в немецком и русском языках. . .	126
<i>Соколова Е. Г.</i> Речэтикетная единица «жалоба» в диалогическом единстве: прагматическая полифункциональность, типология ответных ходов и условия перлокутивного успеха.	138

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>E. Avdosenko, G. Ageeva, P. Yan'kova.</i> Phishing linguistics: a functional and stylistic analysis of phishing emails	6
<i>M. Kiose, A. Rzhesheskaya, V. Potekhin.</i> Multimodal discursive practices in narrative discourse production in a non-native language	29
<i>I. Skuratov, Ben Aissa Ibrahim.</i> Slogans in the French language: linguo-stylistic analysis and pragmatic force	50
<i>M. Urazaev.</i> The image of inebriation in the conceptual metaphor of emotional excess	61

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

<i>A. Averina.</i> The category of mirativity and the means of its expression in German	77
<i>I. Arkhipova.</i> Instrumental-taxis and medial-taxis semantic subcomplexes in the German language	90
<i>D. Groshev.</i> Prosodic pattern of the illocutionary act of a threatening demand (based on an experimental and phonetic study)	103
<i>I. Zaalishvili.</i> Speech representations of unity in the public discourse of the Chilean president Gabriel Boric Font	112
<i>T. Pervak, O. Kazachevskaya, N. Kukina.</i> Word-formation potential of the borrowed suffix <i>-ing</i> in German and Russian	126
<i>E. Sokolova.</i> The speech etiquette unit "complaint" in dialogic unity: pragmatic polyfunctionality, typology of response moves, and conditions of perlocutionary success.	138

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81`2, 808

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-6-28

ЛИНГВИСТИКА ФИШИНГА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИШИНГОВЫХ ПИСЕМ

Авдосенко Е. В., Агеева Г. А., Янькова П. В.*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск,
Российская Федерация*

**Корреспондирующий автор, e-mail: Pauline157@ya.ru*

Поступила в редакцию 25.06.2025

После доработки 15.10.2025

Принята к публикации 17.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление взаимосвязи между выбором функциональных стилей и средствами скрытого манипулятивного воздействия в текстах фишинговых сообщений.

Процедура и методы. Проанализировано сто образцов почтового фишинга (пятьдесят на английском языке и пятьдесят на немецком языке), отобранных методом сплошной выборки из открытых интернет-источников. Фактический материал исследован с помощью интерпретативного и контекстуального видов анализа.

Результаты. Проведённый анализ позволил установить закономерности использования различных функциональных стилей в структуре фишинговых сообщений, выявить доминирующие языковые маркеры и механизмы манипуляции посредством естественного языка.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейших междисциплинарных исследований в области информационной безопасности и лингвистики обмана, а также в преподавании теории и практики английского и немецкого языков.

Ключевые слова: фишинговые письма, функциональный стиль, лингвистический анализ, лексико-грамматические признаки, манипулятивное воздействие

Для цитирования:

Авдосенко Е. В., Агеева Г. А., Янькова П. В. Лингвистика фишинга: функционально-стили-
стический анализ фишинговых писем // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 6–28.
<https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-6-28>

© СС ВУ Авдосенко Е. В., Агеева Г. А., Янькова П. В., 2026.

Original research article

PHISHING LINGUISTICS: A FUNCTIONAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF PHISHING EMAILS

*E. Avdosenko, G. Ageeva, P. Yan'kova**

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: Pauline157@ya.ru*

Received by the editorial office 25.06.2025

Revised by the author 15.10.2025

Accepted for publication 17.10.2025

Abstract

Aim. The study is focused on identifying the relationship between the choice of functional styles and the means of hidden manipulative influence in the texts of phishing messages.

Methodology. A total of one hundred samples of email phishing (fifty in English and fifty in German) were analyzed, selected using a continuous sampling method from open Internet sources. Interpretative and contextual analysis methods are employed to investigate the factual material.

Results. The analysis allowed us to establish patterns in the use of various functional styles in the structure of phishing messages, thereby identifying prevailing style preferences and manipulation mechanisms through natural language.

Research implications. These findings could be useful for further interdisciplinary research in information security and deception linguistics, as well as for teaching English and German language theory and practice.

Keywords: phishing emails, functional style, linguistic analysis, lexico-grammatical features, manipulative influence

For citation:

Avdosenko, E. V., Ageeva, G. A. & Yan'kova, P. V. (2026). Word-formation potential of the borrowed suffix -ing in German and Russian. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp.6–28. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-6-28>

Введение

В условиях интенсивного использования интернета в личных и профессиональных целях фишинг стал серьёзной проблемой для современного общества. Фишинговые атаки демонстрируют растущую результативность в получении конфиденциальной информации пользователей с помощью специфических вербальных стратегий, моделируя убедительные манипулятивные сообщения. Почтовый фишинг характеризуется видовым и жанровым разнообразием, имитируя легитимные сообщения, отправ-

ленные «банковскими учреждениями», «государственными органами», «платформами социальных сетей» и другими организациями, что существенно осложняет его идентификацию и обуславливает необходимость совершенствования методов защиты.

Технические, психологические и социологические аспекты фишинговых атак нашли отражение в ряде работ российских и зарубежных учёных: Александрова А. Г., Архиповой А. Б., Дмитриевой О. А., Игнатовой Е. С., Пискуновой В. В., Чомаевой Ф. М., Абур-

роус М., Аленизи М. А., Кардона Ж., Шоркман М. и др. В их исследованиях анализируются угрозы в сфере информационной безопасности на основе изучения методов и приёмов, используемых злоумышленниками; разрабатываются технологии обнаружения и предотвращения фишинговых атак [1; 2], исследуются возможности методов машинного обучения и искусственного интеллекта для обнаружения фишинговых сообщений в электронной почте [3; 4], а также психологические факторы, влияющие на успешность фишинга [5; 6].

Учёные-лингвисты также вносят значительный вклад для защиты пользователей и повышения цифровой грамотности общества. Так, изучаются лингвокультурные характеристики «нигерийских писем» [7]; анализируются речевые акты и стратегии манипуляции в социальной инженерии на материале фишинговых сообщений [8; 9]; изучаются грамматические отклонения [10] и общие вербальные признаки лжи [11, S. 23–25]. Однако очевидно, что перечисленных трудов недостаточно для чёткого понимания механизмов манипулятивного воздействия почтового фишинга на адресата средствами естественного языка, и вопрос, имеется ли связь этого механизма с определённым функциональным стилем, остаётся открытым. Перечисленные факторы обуславливают актуальность данного исследования, способного внести практический вклад в разработку новых подходов к распознаванию и предотвращению манипулятивного воздействия, осуществляемого средствами естественного языка.

Материалом исследования послужили реальные фишинговые письма на английском и немецком языках, полученные методом сплошной выборки из открытых источников сети Интернет¹. Объём про-

анализированного фактического материала составляет 50 англоязычных и 50 немецкоязычных фишинговых писем.

Цель исследования, таким образом, заключается в выявлении взаимосвязи между выбором функциональных стилей и средствами скрытого манипулятивного воздействия в текстах фишинговых сообщений.

Для реализации цели были поставлены следующие задачи: изучить отличительные особенности функциональных стилей и спроецировать их на исследуемый материал; установить реестр возможных лексико-грамматических особенностей фишинговых писем; оценить частотность этих средств, применяемых для обмана и манипулятивного воздействия на адресата.

Для достижения цели и решения задач использовались интерпретативный и контекстуальный виды анализа в рамках функционально-стилистического подхода: интерпретативный анализ направлен на выявление скрытых смыслов – скрытой манипуляции – фишинговых сообщений, стоящих за использованием определённых лексико-грамматических средств определённого функционального стиля; контекстуальный анализ используется для выявления влияния внешних условий и обстоятельств на процесс формирования и восприятия фишинговых сообщений.

Научная новизна работы заключается в разработке оригинальной модели анализа фишинговых сообщений, которая впервые систематически интегрирует кон-

What Not To Fall For Now [Электронный ресурс] // Aura : [сайт]. URL: <https://www.aura.com/learn/phishing-email-examples>; Baum Fr. Amazon Phishing: Diese E-Mails sind Betrug, Spam, Abofalle [Электронный ресурс] // Biallo.de : [сайт]. URL: <https://www.biallo.de/verbraucherschutz/news/amazon-phishing-diese-mails-sind-betrug/>; Phishing-Radar: Aktuelle Warnungen [Электронный ресурс] // Verbraucherzentrale : [сайт]. URL: <https://www.verbraucherzentrale.nrw/wissen/digitale-welt/phishingradar/phishingradar-aktuelle-warnungen-6059?deviceClass=smartphone> (дата обращения: 06.06.2025)

¹ Salla S. 52 Phishing Email Examples and How to Spot Them [Электронный ресурс] // CanIphish : [сайт]. URL: <https://caniphish.com/phishing-email-examples>; Benny A. 20 Phishing Email Examples:

цепции функциональных стилей с механизмами манипулятивного воздействия.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что предложенная модель анализа фишинговых сообщений позволяет расширить возможности междисциплинарных исследований в области лингвистики и стратегий информационной безопасности.

Анализ материала и результаты исследования

Понятие «функциональный стиль», используемое в настоящем исследовании, подразумевает совокупность языковых средств, характеризующихся общими признаками и употребляемых для реализации конкретной коммуникативной цели [12, с. 7-8]. Каждый функциональный стиль отражает отдельную область социальной деятельности, обладает тематической спецификой, определяется особыми параметрами коммуникации и интенцией, а также располагает набором характерных языковых средств [12, с. 7-8]. В рамках данного исследования рассматривались пять базовых функционально-стилевых разновидностей: разговорный, публицистический, научный,

официально-деловой и художественный. Отметим, что границы между функциональными стилями часто размыты [13, с. 413], и отдельные языковые средства могут функционировать в качестве индикаторов сразу нескольких стилей, что подтверждает результаты нашего исследования. Тем не менее, выбор определённых языковых средств позволяет идентифицировать функциональный стиль или сочетание функциональных стилей сообщения, что, на наш взгляд, может интерпретироваться как осознанный манипулятивный приём, направленный на скрытое влияние на адресата в рамках фишинговой коммуникации.

Анализируя картотеку примеров почтового фишинга, мы зафиксировали элементы разговорного стиля, используемые в манипулятивных целях для создания впечатления доверительного общения и эффекта дружеского участия. Подобно разговорному стилю в целом [12, с. 13–16] данные языковые средства придают фишинговым сообщениям непринуждённость, экспрессивность и лаконичность, что реализуется простыми устойчивыми разговорными конструкциями и идиоматическими выражениями (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Лексико-грамматические элементы разговорного стиля, используемые при фишинге в манипулятивных целях / Lexical and grammatical elements of conversational style used in phishing for manipulative purposes

Английский язык	Немецкий язык
Лексический уровень	
1. Устойчивые (разговорные) выражения	
<p>... we are excited to kick off 2025 with a token of our appreciation / ... мы рады объявить о начале 2025 года в знак нашей признательности²;</p> <p>LastPass allowed this attempt, but you should take a closer look / LastPass разрешил эту попытку, но Вам стоит присмотреться повнимательнее.</p>	<p>Herzlichen Glückwunsch! Sie haben einen exklusiven Amazon-Gewinn erhalten! / От души поздравляем! Вы выиграли эксклюзивный приз;</p> <p>Wie geht es weiter? / Что дальше?</p>

² Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи

Таблица 1 / Table 1 (продолжение)

2. Разговорные элементы	
<i>If this was you, then you can safely ignore this email / Если это были Вы, то можете спокойно проигнорировать это письмо; If it wasn't you, don't worry / Если это были не Вы, не волнуйтесь.</i>	... aber dafür ein nagelneues iPhone / ... но за это новёхонький айфон; Egal , ob Arbeitsweg, Schulweg oder Urlaub... / Без разницы , будь то дорога на работу, в школу или в отпуск ...
3. Неформальные формы приветствия, прощания или обращения	
<i>Hi John, ... / Привет, Джон; Thanks. / Спасибо.</i>	Lieber E-Mail-Benutzer, ... / Дорогой пользователь, ...; Klicke hier. / Здесь щёлкни мышкой.
4. Маркеры усиления	
... are quite significant and warrant further investigation / являются весьма существенными и требуют дальнейшего изучения; We are really pleased with the progress ... of the new policy / Мы действительно довольны прогрессом ... в реализации новой политики.	Ihre Bahnfahrten sind ... doppelt gut ... / Ваши поездки по железной дороге выгоднее вдвойне ; ... irrtümlich zu viel berechnet wurde / ... ошибочно было начислено слишком много .
5. Маркеры ограничения	
... this is your last chance to save your account / это Ваш последний шанс сохранить свой аккаунт; ... we propose you to devote 2 minutes of your time and go on our page to ... / ... мы предлагаем Вам уделить 2 минуты своего времени и зайти на нашу страницу, чтобы kann die Reaktivierung nur per Post erfolgen / ... повторная активация возможна только по почте ; Die Teilnahme dauert nur wenige Minuten ... / Участие (в опросе) займёт всего несколько минут ...
Грамматический уровень	
1. Простые предложения	
You can get a \$90 Promo Reward Your Opinion is important; Limited time offer. Just answer this question to enter. / Вы можете получить промо-вознаграждение в размере 90 долларов, нам важно Ваше мнение; предложение ограничено по времени. Чтобы принять участие, просто ответьте на этот вопрос.	Wir danken Ihnen für Ihre Mithilfe zur Sicherung Ihrer Daten. / Мы благодарим Вас за помощь в обеспечении безопасности Ваших данных; Ihr Konto hat eine verdächtige Aktivität. / На Вашем счёте имеются признаки подозрительной активности.
2. Фрагментарность	
We are happy you have chosen us to do business with / Мы рады, что Вы выбрали нас, чтобы сотрудничать ; The Cyberthreat Security suite. We protect what other endpoint solutions can't. / Cyberthreat Security suite. Мы защищаем то, что другие решения для конечных устройств не могут .	Jetzt teilnehmen! / Принять участие сейчас; Jetzt bestätigen! / Подтвердить сейчас!

Таблица 1 / Table 1 (окончание)

3. Имитация диалога (например, вопрос с личным обращением)	
<i>Can you please confirm this card request? Do you have a moment? / Не могли бы Вы, пожалуйста, подтвердить запрос на получение карты? У Вас найдётся свободная минутка?</i>	Wie laden Sie die App herunter? / Как Вам скачать приложение? <i>Vor einiger Zeit haben Sie an einem Gewinnspiel teilgenommen, erinnern Sie sich? / Недавно Вы принимали участие в розыгрыше призов, вспоминаете?</i>
4. Маркеры тона и интонации	
<i>For you, from us! 10 free rides for all Contoso Corp employees! Attention please! / Специально для вас, от нас! 10 бесплатных поездок для всех сотрудников Contoso Corp! Пожалуйста, обратите внимание!</i>	<i>Also, worauf warten Sie noch?! / Итак, чего же Вы ждёте?!;</i> <i>Eine erfolgreiche Anmeldung aktiviert Ihr Konto und Sie werden zum Bibliotheksprofil weitergeleitet ... / Успешная регистрация активизирует Вашу учётную запись, и Вы будете перенаправлены к личному кабинету пользователя библиотеки ...</i>
5. Ошибки и/или опечатки	
<i>We have recieved notice that you recently ... work to resolve this discrepancy / Мы получили уведомление о том, что Вы недавно ... работали над устранением этого несоответствия;</i> <i>Your order will be send to you in a shortest time, our managers already working on it! / Ваш заказ будет отправлен Вам в кратчайшие сроки, наши менеджеры уже работают над ним!</i>	<i>Wir werden Ihnen ... aktualisierungen schicken ... / Мы отправим Вам изменения ...;</i> <i>Die Frist für die Umstellung läuft am 25.03.2025. / Крайний срок переустановки – 25 марта 2025 года.</i>

Перечисленные в табл. 1 лексико-грамматические элементы эксплицируют разговорность, спонтанность, или неформальность языка, что значительно способствует скрытому манипулятивному воздействию на адресата по нескольким причинам. Во-первых, они создают иллюзию искренности и честности, поскольку разговорная речь, как правило, кажется более искренней, так как ей свойственна спонтанность и простота. Это снижает уровень сопротивляемости и повышает доверие адресата. Во-вторых, эти средства «разрыхляют» логическую структуру общения элементами диалогизации, интимизации, делая его более дружеским, что способствует установлению определённой психологической связи. Эта психологи-

ческая связь, в свою очередь, уменьшает критичность восприятия: когда общение протекает легко и непринужденно, адресат менее склонен анализировать информацию критически, воспринимая её как естественную часть общения, а не как навязанный аргумент. Такая стратегия, на наш взгляд, призвана снизить настороженность и критичность адресата и повысить восприимчивость к воздействию. Кроме того, несмотря на имитацию официального сообщения, многие фишинговые письма содержат опечатки, некорректные формулировки и сокращения, грамматические, орфографические и/или пунктуационные ошибки, что контрастирует с тщательно выверенными официальными сообщениями (см. рис. 1).

Dear Cosumer,

We inform you that our automated system has detected an unpaid sum (invoice n ° 9328321743) on your rackspace invoices for this year, and to solve your situation we propose you to devote 2 minutes of your time and go on our page to settle your bill.

[To access click here.](#)

Note: Please perform the activation within 24 hours as the link above is only valid during this time period.

Thank your for using rackspace.

Sehr geehrter Kunde,

Ab dem **15. Juni 2022** können Sie Ihre Karte nicht mehr verwenden, wenn Sie das neue Web-Sicherheitssystem nicht aktiviert haben.

Das neue Sicherheitsnetz ist eine Lösung, die mehr Sicherheit und Zuverlässigkeit Ihres garantiert Operationen.

So aktivieren Sie das neue Sicherheitssystem

[Klicke hier](#)

KUNDENSERVICE - Deutsche Kreditbank AG

Mit freundlichen Grüßen,

* Dies ist eine automatische Nachricht. Bitte nicht antworten.

© Deutsche Kreditbank AG. Alle Rechte vorbehalten.

**WICHTIGE MITTEILUNG:
BESTÄTIGEN SIE IHRE EASYTAN-DATEN**

Sehr geehrter TARGOBANK-Kunde,

um die Sicherheit und Funktionalität Ihres Kontos weiterhin zu gewährleisten, bitten wir Sie, Ihre easyTAN-Daten innerhalb der nächsten 24 Stunden zu bestätigen und zu aktualisieren.

Was Sie tun müssen:

1. Klicken Sie auf den untenstehenden Link, um unser sicheres Formular aufzurufen und Ihre Daten zu bestätigen.
2. Geben Sie, falls erforderlich, alle benötigten Informationen ein und bestätigen Sie den Vorgang per SMS, um Ihre easyTAN auf dem neuesten Stand zu halten.

[Hier beZstätigen](#)

Wichtig: Bitte schließen Sie diesen Vorgang innerhalb der nächsten 24 Stunden ab, um eine vorübergehende Sperrung Ihrer Karte und Ihres Kontos zu vermeiden. Sollten wir innerhalb dieser Frist keine Bestätigung erhalten, werden Ihre Karte und Ihr Konto vorübergehend gesperrt, bis die Aktualisierung abgeschlossen ist.

Die Sicherheit Ihres Kontos hat für uns oberste Priorität, und diese schnelle Aktualisierung hilft uns, Ihnen weiterhin ein sicheres Erlebnis zu bieten.

Mit freundlichen Grüßen
Ihre TARGOBANK

Dear valued customer of TrustedBank,

We have recieved notice that you have recently attempted to withdraw the following amount from your checking account while in another country. \$135.25.

If this information is not correct, someone unknown may have access to your account. As a safety measure, please visit our website via the link below to verify your personal information:

<http://www.trustedbank.com/general/custverify/info.asp>

Once you have done this, our fraud department will work to resolve this discrepancy. We are happy you have chosen us to do business with.

Thank you,
TrustedBank

Notice of verification failure

Dear Customer

We have encountered some problems during our monthly verification process of your [billing](#) **FINANCIAL** address and [payment](#) **FINANCIAL** details.

Your subscription will be suspended in 24 hours if you fail to update your information [promptly](#) **URGENCY**.

[Click Here To Update your Information!](#) **GOOD URL**

Notice: This notice was sent to Your Email, because your email preferences are set to receive "News and Promotions".

[Click here to Unsubscribe.](#) To manage your communication preferences, please visit our preference centre.

Рис. 1 / Fig. 1. Примеры фишинговых писем на английском и немецком языках (единица) / Examples of phishing emails in English and German (unit)

Источник: подобрано авторами

Наш материал отчётливо демонстрирует использование элементов публицистического стиля. Этот стиль интегрирует информативность с выра-

зительными средствами и элементами эмоциональной оценки, сохраняя потенциал для объективного освещения событий [12, с. 17–23]. Использование

элементов публицистического стиля в фишинговых сообщениях заключается в целенаправленном воздействии на эмоции адресата. Типичными психоло-

гическими триггерами в фишинговых сообщениях являются угроза безопасности и тревога, интерес и любопытство (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Лексико-грамматические маркеры публицистического стиля, используемые в фишинговых сообщениях / Lexical and grammatical markers of journalistic style used in phishing messages

Английский язык	Немецкий язык
Лексический уровень	
1. Выбор общественно значимых тем и социальных проблем (эксплицируемых часто в теме сообщения)	
<i>Enjoy 10 free rides from now until 30 December 2025 / Воспользуйтесь 10 бесплатными поездками с сегодняшнего дня до 30 декабря 2025 года;</i> <i>Wire Transfer /безналичный перевод.</i>	<i>Kleinanzeigen-Konto gesperrt / Ваш счёт заблокирован;</i> <i>Corona Masken / Маски, защищающие от ковида.</i>
2. (Обобщённые) цифровые данные	
<i>If you didn't change your password, click here to reverse this change in the next 24 hours / Если Вы не меняли свой пароль, нажмите здесь, чтобы отменить это изменение в течение следующих 24 часов;</i> <i>If the package is not scheduled for delivery or picked up within 48 hours, it will be returned to the sender / Если посылка не будет отправлена по расписанию или не будет получена в течение 48 часов, она будет возвращена отправителю.</i>	<i>Sie müssen Ihr Konto innerhalb der nächsten 48 Stunden bestätigen / Вам необходимо подтвердить свою учётную запись в течение следующих 48 часов;</i> <i>... erhalten Sie 45% Vergünstigung bei Reisebuchung, bis zu 60% auf Luxusuhren ... / ... Вы получите скидку 45% на бронирование путешествий и скидку до 60% на часы класса люкс ...</i>
3. Неологизмы и англицизмы (в немецком языке)	
	<i>..., der Sie vor Skimming und Angriffen ... schützt / ..., который защищает Вас от скимминга и других атак ...;</i> <i>Scannen Sie die QR-Code unten mit Ihrem Smartphone ... / QR-код, размещённый внизу, отсканируйте с помощью своего смартфона ...</i>
4. Лексические повторы	
<i>It's safe, secure, and legally binding ... provides a professional trusted solution / Это безопасно, надёжно, имеет обязательную юридическую силу ... предоставляет профессиональное и заслуживающее доверие решение;</i>	<i>Ihre Identifikation ... muss erneut erneuert werden / Ваши идентификационные данные ... необходимо заново обновить;</i>

Таблица 2 / Table 2 (продолжение)

<p>Based on fringe benefits requirements, if an employee's individual fringe benefits amount is more than \$ 2,000, ... value of that amount on the employee's PAYG payment summary. This amount is known as a reportable fringe benefits amount. / В соответствии с требованиями к дополнительным льготам, если сумма индивидуальных дополнительных льгот сотрудника превышает 2000 долларов ... значение этой суммы указывается в платёжной ведомости сотрудника. Эта сумма известна как подлежащая отчётности сумма дополнительных льгот.</p>	<p>Bitte bestätigen Sie den Bestätigungsprozess, indem ... Nach erfolgter Bestätigung wird Ihr Konto wieder aktiviert. / Пожалуйста, подтвердите процедуру подтверждения, в которой ... После успешного подтверждения личности Ваша учётная запись снова активизируется.</p>
5. Эмоционально-оценочные слова и выражения	
<p>As a precaution, we urge you to change your password immediately to prevent unauthorised access to your account ... / В качестве меры предосторожности мы настоятельно рекомендуем Вам немедленно сменить пароль, чтобы предотвратить несанкционированный доступ к Вашей учётной записи ...; ... reset your password immediately to avoid unauthorised activity on your account. / ... немедленно сбросьте свой пароль, чтобы избежать несанкционированных действий в Вашей учётной записи.</p>	<p>Wir ... möchten schnellstmöglich diese Änderungen durchführen / Мы ... хотели бы внести эти изменения в кратчайшие сроки; Wir benötigen dringend Ihre aktuellen Unternehmensdaten / Нам в срочном порядке требуются актуальные сведения о Вашем предприятии.</p>
Грамматический уровень	
1. Модальные глаголы и конструкции	
<p>They may contain lawfully privileged info and must not be disclosed to anyone else / Они могут содержать законно охраняемую информацию и не должны быть переданы кому-либо ещё; After your information has been validated, you should receive your refund within 3 business days / После того, как Ваша информация будет подтверждена, Вы должны получить свои денежные средства в течение 3 рабочих дней.</p>	<p>Was müssen Sie tun, um ... weiterhin ohne Wartezeiten nutzen zu können? / Что Вам нужно сделать, чтобы иметь возможность и дальше пользоваться ... без ожидания?; So können Ihre Daten einfach über den untenstehenden Link aktualisieren / Вы можете легко обновить свои данные, перейдя по ссылке ниже.</p>
2. Грамматический и синтаксический параллелизм	
<p>If this wasn't you, you can secure your account here. Learn more about keeping your account secure. / Если это были не Вы, Вы можете защитить свою учётную запись здесь. Узнайте больше о том, как обеспечить защиту Вашей учётной записи; Your account is disabled because there are suspicious things in your account / Ваша учётная запись отключена из-за наличия подозрительных данных в Вашей учётной записи.</p>	<p>Um die Nutzung unserer Dienste fortzusetzen, ... / Чтобы продолжить пользоваться нашими услугами, ...; Um die Überprüfung zu starten, ... / Чтобы начать проверку, ...; Schritt 1: Scannen Sie ... Schritt 2: Folgen Sie ... / Шаг 1: Отсканируйте ... Шаг 2: Следуйте ...</p>

Таблица 2 / Table 2 (окончание)

3. Прилагательные и наречия в превосходной степени	
<i>Fastest publication service within 48 hrs! / Самый быстрый сервис публикации в течение 48 часов;</i> <i>To create Norton LifeLock Security the most dependable, secure, and potent solution to enhance ... / Чтобы создать Norton LifeLock Security – самое надёжное, защищённое и мощное решение для повышения ...</i>	<i>..., dass die Sicherheit Ihrer Daten für uns oberste Priorität hat / ... , что безопасность Ваших данных является самым главным нашим приоритетом;</i> <i>..., die App auf die neueste Version zu aktualisieren / ... , обновить приложение до самой новой версии.</i>
4. Личные местоимения 1 лица ед. или мн. числа	
<i>We appreciate your business / Мы ценим Ваш бизнес;</i> <i>I am sending this email to announce: After the last annual calculation of your fiscal activity we ... / Я отправляю это электронное письмо, чтобы сообщить: после последнего годового расчёта Вашей финансовой деятельности мы ...</i>	<i>Wir empfehlen Ihnen dringend ... / Мы настоятельно рекомендуем Вам ... ;</i> <i>Wir werden Ihnen sicherheitsrelevante Informationen und Tipps zum Schutz Ihre Konten mitteilen. / Мы поделимся с Вами информацией и дадим советы по безопасности, чтобы защитить Ваши аккаунты.</i>
5. Придаточные с отрицанием (например, придаточные условные)	
<i>Your domain will go on hold if we can't confirm your email address / Ваш домен будет заблокирован, если мы не сможем подтвердить Ваш адрес электронной почты;</i> <i>If we do not receive a response the package will be returned to sander / Если мы не получим ответа, посылка будет возвращена отправителю.</i>	<i>Sollten Sie Ihre Informationen nicht aktualisieren, könnte dies zu einer Unterbrechung Ihrer Services führen / Если Вы не обновите информацию, то это может привести к приостановлению предоставления услуги;</i> <i>Wenn Sie dieses wichtige Update nicht rechtzeitig durchführen, können wir leider nicht garantieren, ... / Если Вы не проведёте вовремя это важное обновление, то мы, к сожалению, не сможем гарантировать ...</i>

Выше нами отмечалась одна из особенностей публицистического стиля, типичная фишинговым письмам, – целенаправленное воздействие на эмоции адресата. В связи с этим для программирования его поведенческих реакций в фишинговых сообщениях используются приёмы эмоциональной манипуляции и мистификации. Представленные примеры иллюстрируют тематику таких сообщений, эксплицирующих «наличие проблемы» (например, необходимость обновления данных счёта в банке) или потенциальную «выгоду» (денежный приз и в связи с ним эксклюзивное предложение). Указание в письме ограниченного временного интервала для совершения требуемого действия усиливает

ощущение срочности и создаёт мнимый эффект неотложности, стимулируя немедленное реагирование. Кроме того, в сообщениях часто акцентируются негативные последствия и возможные риски в случае игнорирования предложенных инструкций – ещё один приём «игры на чувствах», реализуемый, в частности, через условные конструкции «Если (не)..., то...». Повышение значимости и убедительности сообщения осуществляется прагматическими инструментами – повторами и параллелизмом, а выбор грамматических средств и синтаксических конструкций обеспечивают скрытость воздействия. Например, модальные глаголы формируют впечатление возможности выбора («Вы можете»), предлага-

ют решение («можно», «нужно»), а также манипулятивно демонстрируют личное участие («Мы хотим помочь»).

Фишинговые письма могут имитировать и научный стиль, в особенности, если они адресуются организациям и спе-

циалистам определённых отраслей (см. табл. 3). В таком случае в них стилизуется логичность, аргументация, используется профессиональная терминология и исключаются личностные оценочные суждения [12, с. 32–38; 13, с. 413].

Таблица 3 / Table 3

Лексико-грамматические маркеры научного стиля, используемые в фишинговых письмах / Lexical and grammatical markers of scientific style used in phishing emails

Английский язык	Немецкий язык
Лексический уровень	
1. Наличие соответствующей терминологии	
<p>After your successful authentication, you will be redirected to the university services homepage / После успешной авторизации Вы будете перенаправлены на домашнюю страницу университетских служб; ... we will handle this transaction ourselves avoid the by those off Current, your funds of ... have been credited into an My debit card. / ... мы сами проведём эту транзакцию, чтобы избежать ситуации, когда Ваши средства с ... были зачислены на Мою дебетовую карту.</p>	<p>..., empfehlen wir Ihnen, die Verifizierung zeitnah abzuschließen / ... мы рекомендуем Вам в кратчайшие сроки завершить верификацию; Die Verifizierung ist notwendig, um Ihre Kontodaten zu schützen und einen besseren Service zu bieten / Верификация необходима для защиты реквизитов Вашего банковского счета и для улучшения сервиса услуг.</p>
2. Номинализация	
<p>... and acknowledge your understanding and adherence to it by replying to this email / ... и подтвердите своё понимание и приверженность этому, ответив на это электронное письмо; We value your contribution to our team / Мы ценим Ваш вклад в работу нашей команды.</p>	<p>Die Frist zur Aktualisierung Ihrer Daten endete am 13.03.2024 / Срок обновления Ваших данных истёк 13.03.2024; Falls wir innerhalb von 2 Tagen keinen Rückmeldung erhalten, kann die Reaktivierung nur per Post erfolgen / Если в течение 2 дней мы не получим подтверждения, то повторную активацию можно будет осуществить только по почте.</p>
3. Наличие абстрактных существительных	
<p>We value quality and reliability and are looking to establish ... / Мы ценим качество и надёжность и стремимся установить ...; For your safety we have suspend your login access / В целях Вашей безопасности мы приостановили Ваш доступ для входа в систему.</p>	<p>... um Sicherheit und Effizienz aufgrund der neuesten empfangenen Spam-Nachrichten zu verbessern / ... для повышения безопасности и эффективности работы [электр. почты] при получении нежелательных спам-сообщений последнего времени; ..., um die Zuverlässigkeit und Aktualität der Informationen zu gewährleisten / ... чтобы гарантировать надёжность и актуальность информации.</p>

Таблица 3 / Table 3 (продолжение)

4. Обобщения	
<p>People's privacy and security is incredibly important, and we're sorry this happened / Конфиденциальность и безопасность людей невероятно важны, и мы сожалеем, что это произошло;</p> <p>The HR department is currently creating a ... shared with all employees once finalized / В настоящее время отдел кадров создаёт ..., который после завершения работы будет доступен всем сотрудникам.</p>	<p>Sehr geehrte Kundin, sehr geehrter Kunde, ... / Уважаемый клиент, ... ;</p> <p>Um den Schutz aller Bügerrinnen und Bürger sicherzustellen, ist es notwendig, dass jeder Haushalt diese App installiert / Чтобы обеспечить защиту всех граждан, необходимо в каждом доме установить это приложение.</p>
5. Наречия и союзы усиления	
<p>... we take the security of your account very seriously / ... мы очень серьёзно относимся к безопасности Вашей учётной записи;</p> <p>... threats and performance problems, we strongly recommend you to install this update / ... из-за угроз и проблем с производительностью мы настоятельно рекомендуем Вам установить это обновление.</p>	<p>Es ist zwar sehr geschäftig bei uns, aber ich garantiere, dass ... / Несмотря на нашу очень большую загруженность, я гарантирую, что ...;</p> <p>Sowohl Privatpersonen als auch Unternehmen ist darauf vertrauen können, dass ... / Как частные лица, так и организации могут полагаться на то, что ...</p>
Грамматический уровень	
1. Сложные предложения (чаще с придаточными дополнительными или цели)	
<p>The committee requested that the report be submitted by the end of the month to ensure ... / Комитет потребовал, чтобы отчёт был представлен до конца месяца, чтобы убедиться в этом ...;</p> <p>We ask that you do not open new accounts as any new order you ... / Мы просим Вас не открывать новые счета, так как любой новый заказ, который Вы ...</p>	<p>Könnten Sie Ihre Daten überprüfen, damit wir Ihnen das Smartphone zukommen lassen können? / Не могли бы Вы подтвердить свои данные для того, чтобы мы могли доставить Вам смартфон?;</p> <p>Es ist wichtig, dass Sie alle erforderlichen Schritte zur Aktivierung Ihres Photo Tan zügig abschließen / Важно, чтобы Вы как можно быстрее завершили все необходимые этапы для активации Вашего фото TAN.</p>
2. Пассивный залог	
<p>We have been authored by the present president of World Bank Group Mr. Ajay Banga ... / Нашим автором является нынешний президент Группы Всемирного банка г-н Аджай Банга ...;</p> <p>... we discovered that your funds have been unnecessarily delayed ... / ... мы обнаружили, что Ваши денежные средства были неоправданно задержаны</p>	<p>Ihr Benutzerkonto wurde vorübergehend gesperrt / Ваш аккаунт временно заблокирован;</p> <p>Für die erneute Zustellung wird eine geringe Gebühr erhoben / За повторную доставку будет взиматься небольшая плата.</p>

Таблица 3 / Table 3 (окончание)

3. Пассивный залог с модальными глаголами	
<p><i>We ask that you do not open new accounts as any new order you place may be delayed / Мы просим Вас не открывать новые учётные записи, так как любой новый заказ, который Вы разместите, может быть отложен;</i></p> <p><i>Computer viruses can be transmitted by e-mail / Компьютерные вирусы могут передаваться по электронной почте.</i></p>	<p><i>Ihr Paket konnte am 03.03.2023 nicht geliefert werden, da kein Zoll bezahlt wurde ... / Ваша посылка не могла быть доставлена 3 марта 2023 года, поскольку не была оплачена таможенная пошлина ...;</i></p> <p><i>Nur durch eine erneute Legitimation vor Ablauf der Frist kann ... sichergestellt werden / Только повторная легитимация до истечения срока может гарантировать ...</i></p>
4. Инфинитив и инфинитивные конструкции	
<p><i>To customize what's included in this email, who gets it, or to unsubscribe, set your Message ... / Чтобы настроить содержимое этого электронного письма, определить, кто его получит, или отказаться от подписки, настройте своё сообщение ...;</i></p> <p><i>If you are interested, I would like to invite you to consider Journal of ... / Если Вам интересно, я хотел бы пригласить Вас ознакомиться с Журналом</i></p>	<p><i>... um eine mögliche temporäre Sperrung Ihres Kontos zu vermeiden / ... для того, чтобы избежать возможной временной блокировки Вашего счёта;</i></p> <p><i>..., um einfach auf eine Vielzahl von Apple Dienste zuzugreifen / ..., чтобы легко получить доступ к широкому спектру сервисов Apple.</i></p>
5. Прилагательные и наречия в сравнительной степени	
<p><i>... before we proceed further to erase your documents / ... прежде чем мы приступим далее к удалению Ваших документов;</i></p> <p><i>Please do note that all names ... used less than 30% of their annual leave for 2022 / Пожалуйста, обратите внимание, что все имена ... использовали менее 30% своего ежегодного отпуска в 2022 году.</i></p>	<p><i>... sind wir gesetzlich verpflichtet, das Handelsregister strenger zu kontrollieren, ... / ... мы обязаны по закону более требовательно контролировать торговый реестр ... ;</i></p> <p><i>Die Verifizierung ist notwendig, um ... und einen besseren Service zu bieten / Верификация необходима для ... и предоставления более качественного обслуживания.</i></p>

Использование специализированной терминологии, номинализация глаголов и абстрактные существительные интегрированы в манипулятивные приёмы избыточного информирования, профессиональной симуляции и семантической неопределённости. За счёт применения узкопрофессиональных терминов и аббревиатур, сложных синтаксических конструкций, включая пассивный залог и инфинитивные конструкции, адресант, с

одной стороны, создаёт иллюзию компетентности и стилизует важность сообщения, а с другой – снижает прозрачность смыслового содержания и усложняет восприятие текста. Это отвлекает внимание адресата от ключевых деталей и способствует сокрытию истинных намерений адресанта.

Наш фактический материал наглядно демонстрирует наличие элементов официально-делового стиля. В фишинговых

письмах часто имитируется нейтральный стиль изложения, и используются клишированные формулировки. Грамматические маркеры официально-делового

стиля в фишинговых письмах частично совпадают с научным стилем, но отличаются грамматической «многослойностью» (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Лексико-грамматические маркеры официально-делового стиля, используемые в фишинговых письмах / Lexical and grammatical markers of official business style used in phishing emails

Английский язык	Немецкий язык
Лексический уровень	
1. Формальные приветствия, характерные для официальной коммуникации	
<i>Welcome to Box!</i> / Добро пожаловать в Бокс!; <i>Good morning</i> / Доброе утро.	<i>Mit freundlichen Grüßen, ...</i> / С уважением, ...; <i>Sehr geehrte</i> / geehrter ... / Уважаемый ...
2. Формулы вежливости	
<i>Thank you for your prompt attention to this matter. We apologize for any inconvenience this may cause and appreciate your understanding.</i> / Благодарим Вас за оперативное внимание к этому вопросу. Приносим извинения за возможные неудобства и ценим Ваше понимание.	<i>Bitte senden Sie Ihre aktuelle Debitkarte ...</i> / Пожалуйста, отправьте Вашу действующую дебетовую карту ...; <i>Wir danken Ihnen für Ihr entgegengebrachtes Vertrauen und entschuldigen uns für ...</i> / Благодарим Вас за оказанное доверие и приносим извинения за ...
3. Наличие даты отправления: (как правило, в полной форме с указанием числа, месяца, года)	
<i>Your Auto policy is scheduled to cancel on 01/22/2021 at 12:01 a.m.</i> / Отмена Вашего полиса автострахования запланирована на 22.01.2021 в 12:01; <i>You need to review your information with us now on 11/8/2019 10:28:38 AM.</i> / Вам необходимо просмотреть свою информацию с нами 8.11.2019 в 10:28:38.	<i>Die Frist zur Aktualisierung Ihrer Daten endet am 13.03.2024</i> / Срок модификации Ваших данных истёк 13 марта 2024 года; <i>Bis zum 24. März 2025 haben alle unsere Kunden die Möglichkeit, ...</i> / У всех наших клиентов до 24 марта 2025 года имеется возможность ...
4. Наличие ссылок (для заполнения формуляра, анкеты, для сверки данных и т. п.)	
<i>Click here to Unsubscribe</i> / Нажмите здесь, чтобы отказаться от подписки; <i>We requested information from you for some reason. Click here to continue</i> / По какой-то причине мы запросили у вас информацию. Нажмите здесь, чтобы продолжить.	<i>Klicken Sie auf den untenstehenden Link, um ... zu bestätigen</i> / Для подтверждения ... нажмите на ссылку ниже; <i>Bitte folgen Sie diesem Link, um Ihre Informationen zu aktualisieren</i> / Пожалуйста, перейдите по ссылке, чтобы обновить информацию.
5. Канцеляризмы (как отдельные слова, так и словосочетания)	
<i>We look forward to your response</i> / Мы с нетерпением ждём Вашего ответа; <i>Should you have any queries, please log a ticket with Payroll</i> / Если у Вас возникнут какие-либо вопросы, пожалуйста, зарегистрируйте заявку в Payroll.	<i>Um Ihren Anspruch geltend zu machen, ...</i> / Чтобы предъявить претензию, ...; <i>..., steht unser Kundenservice Ihnen jederzeit zur Verfügung</i> / ..., наша служба поддержки клиентов находится в Вашем распоряжении.

Таблица 4 / Table 4 (продолжение)

Грамматический уровень	
1. Многочленное предложение (сложное предложение с несколькими придаточными)	
<p><i>You are required to contact this office as soon as you receive this notification as your recipient's email is listed in our central database / Вам необходимо связаться с этим офисом, как только Вы получите это уведомление, поскольку адрес электронной почты Вашего получателя указан в нашей центральной базе данных;</i></p> <p><i>If nothing changes after you have run the file, probably in the settings of your OS you have an indication to run all the updates at a background routine / Если после запуска файла ничего не изменилось, возможно, в настройках Вашей операционной системы есть указание запускать все обновления в фоновом режиме.</i></p>	<p><i>Wenn Sie Ihr Konto nicht innerhalb von 24 Stunden übertragen, wird Ihr Konto vorübergehend gesperrt, sodass Sie keine E-Mails mehr empfangen und senden können. / Если Вы не перенесёте свою учётную запись в течение 24 часов, она будет временно заблокирована, вследствие чего Вы не сможете отправлять и получать электронные письма;</i></p> <p><i>Es ist von größter Bedeutung, dass Ihre Daten korrekt sind, damit unsere Dienstleistungen ... / Исключительно важен тот факт, чтобы Ваши данные были корректны, для того, чтобы наши услуги ...</i></p>
2. Пассивный залог в сочетании с активным	
<p><i>Your NatWest online information has been flagged for routine check and this requires your attention / Ваша информация на сайте NatWest online была помечена как подлежащая регулярной проверке, и это требует Вашего внимания;</i></p> <p><i>... we are working within a strict deadline and require all quotes to be submitted within 72 hours / ... мы работаем в сжатые сроки и требуем, чтобы все предложения были представлены в течение 72 часов.</i></p>	<p><i>Wir freuen uns, Ihnen mitteilen zu können, dass Sie für unser exklusives Kunden-Belohnungsprogramm ausgewählt wurden / Мы рады сообщить, что Вас выбрали для участия в нашей эксклюзивной программе поощрения клиентов;</i></p> <p><i>Dies ist eine speziell angewendete Technik, welche ... bereits seit vielen Jahren getestet wird / Эта система представляет собой прикладной метод, которой тестируется уже в течение нескольких лет.</i></p>
3. Двойные инфинитивные конструкции или инфинитив в сочетании с придаточными предложениями	
<p><i>We need to verify your account information to continue using iCloud in 24 hours / Нам необходимо подтвердить данные Вашей учетной записи, чтобы продолжить пользоваться iCloud в течение 24 часов;</i></p> <p><i>... and to solve your situation we propose you to devote 2 minutes of your time and go on our page to settle your bill / ... и чтобы решить вашу проблему, мы предлагаем Вам уделить 2 минуты своего времени и перейти на нашу страницу, чтобы оплатить счета.</i></p>	<p><i>Klicken Sie folgenden Link, um ... zu aktualisieren und melden Sie sich an, um ... zu blockieren / Нажмите следующую ссылку, чтобы обновить ... и зарегистрируйтесь, чтобы заблокировать ...;</i></p> <p><i>Diese Aktualisierung ist notwendig, um sicherzustellen, dass die App auch in Zukunft einwandfrei funktioniert / Это обновление необходимо, чтобы быть уверенным в том, что это приложение будет безупречно работать и в будущем.</i></p>

Таблица 4 / Table 4 (окончание)

4. Безличные конструкции	
<i>It will be a direct form your Bank Checking account ... / Это будет сделано непосредственно на Ваш расчётный счет в банке; Furthermore, should there be any change of address, do inform your claim Agent as soon as possible / Кроме того, в случае изменения адреса, пожалуйста, сообщите об этом своему агенту по претензиям как можно скорее.</i>	<i>Es ist wichtig, dass Sie ... / Важно, чтобы Вы ...; Ab diesem Zeitpunkt ist es für Sie nicht mehr möglich ... / С этого момента не представляется возможным ...</i>
5. Повелительное наклонение	
<i>Verify your domain address to use your domain / Подтвердите свой доменный адрес, чтобы использовать свой домен; Sign documents electronically in just minutes / Подпишите документы в электронном виде всего за несколько минут.</i>	<i>Starten Sie den Prozess ... / Запустите процесс ...; Folgen Sie den Anweisungen, ... / Следуйте инструкциям ...</i>

Использование языковых средств официально-делового стиля в фишинговых сообщениях оказывает скрытое влияние посредством создания ложного авторитета, искажения и подмены понятий с помощью гиперболлизации вежливости и псевдолегитимности, что, на наш взгляд, служит скрытому манипулятивному воздействию.

Анализ картотеки примеров показал, что элементы художественного стиля в фишинговых письмах используются эпизодично и чаще всего в сочетании с

элементами разговорного стиля, в частности, с повтором союзов, что создаёт впечатление свободного и естественного потока мысли. Это происходит за счёт создания динамичности, подчёркивания значимости каждой детали и усиления воздействия на эмоциональную и интеллектуальную сферы адресата. Это же воздействие оказывают и образные языковые средства, характерные как для художественного стиля в целом [13, с. 414], так и фишинговых писем в частности (см. табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Лексико-грамматические элементы художественного стиля в фишинговых письмах / Lexical and grammatical elements of artistic style in phishing emails

Английский язык	Немецкий язык
Лексический уровень	
1. Метафоры	
<i>We will be glad to cover your bases / Мы будем рады помочь Вам предусмотреть всё.</i>	<i>Das Glück war auf Ihrer Seite! / Удача была на Вашей стороне!</i>
2. Фразеологизмы и/или идиомы	
<i>... this is your last chance to save your account / ... это Ваш последний шанс сохранить свой аккаунт;</i>	<i>..., um Sie auf dem Laufenden zu halten / ..., чтобы держать Вас в курсе дела.</i>

Таблица 5 / Table 5 (продолжение)

<p><i>I am doing my best to put smile on the faces of everyone in the world, in every way I can / Я делаю всё возможное, чтобы вызвать улыбку на лицах всех людей в мире, всеми возможными способами.</i></p>	
3. Сравнения	
<p><i>We launched PAYPAL to serve small business owners (like you) who we think of as „creators with a purpose“ / Мы запустили PAYPAL, чтобы обслуживать владельцев малого бизнеса (таких как Вы), которых мы считаем «целеустремлёнными творцами».</i></p>	<p><i>... holen Sie es in weniger als 1 Minute! / Менее чем за 1 минуту Вы получите ... Sie wurden als einer der wenigen Glücklichen ausgewählt ... / Вас выбрали как одного из немногих счастливчиков ...</i></p>
4. Оксюморон или другое сочетание отрицательного и положительного	
<p><i>... name order to help protect your computer against security threats and performance problems / ... назовите порядок, который поможет защитить Ваш компьютер от угроз безопасности и проблем с производительностью</i></p>	<p><i>Das ist die einzige Wahl ... / Это единственный выбор ...; ... die einmalige Gelegenheit, ein brandneues Exemplar zu erhalten / ... единственная возможность получить совершенно новый экземпляр.</i></p>
5. Эпитеты	
<p><i>... which gives you an excellent opportunity to make your valuable contribution to the scientific community / что даёт Вам прекрасную возможность внести свой ценный вклад в научное сообщество; <i>July is proving to be a brilliant month for picking up last-minute banner adverts ... / Июль оказался отличным месяцем для размещения рекламных баннеров в последнюю минуту ...</i></i></p>	<p><i>Nutzen Sie Ihre einmalige Chance! / Используйте свой единственный шанс; ... ist es wichtig, dass Ihre Karteninformationen auf dem neuesten Stand sind / ... важно, чтобы данные Вашей карты были на уровне.</i></p>
Грамматический уровень	
1. Парцелляция:	
<p><i>Limited time offer. Just answer this question to enter. Where do you prefer to do your shopping? / Предложение ограничено по времени. Чтобы зарегистрироваться, просто ответьте на этот вопрос. Где Вы предпочитаете делать покупки?</i></p>	<p><i>... Sie tun müssen? Ganz einfach. Bestätigen Sie einfach Ihre Teilnahme, ... / ... что Вам нужно сделать? Всё просто. Просто подтвердите своё участие ...; Kein Vertrag, keine Kosten, nur eine Bedingung! / Никакого договора, никаких затрат, только одно условие!</i></p>
2. Многосоюзие:	
<p><i>And we are very much aware of the fraudulent lottery ... this is why we have made ... verifiable so be carefull who you contact and please report any notification that claim to to be from us to ... to inform you of the result of the winners of the NEW MEXICO LOTTERY ... / И мы очень хорошо осведомлены о мошеннической лотерее ... вот почему мы создали ... поддающийся проверке, поэтому будьте внимательны к тому, с кем Вы связываетесь, и, пожалуйста, сообщайте</i></p>	<p><i>Ihr Name ist erschienen, und zwar gleich zweimal, und das recht bemerkenswert! / Ваше имя появилось дважды, и это весьма примечательно!</i></p>

Таблица 5 / Table 5 (окончание)

о любых уведомлениях, которые, как утверждается, исходят от нас; ..., чтобы сообщить Вам результаты победителей лотереи в НЬЮ-МЕКСИКО.	..., um den Link zu folgen, um Ihre Beiträge zu aktualisieren / ..., чтобы перейти по ссылке, чтобы обновить свои записи.
3. Риторические вопросы	
Prefer to pay by phone? / Предпочитаете платить по телефону? Do you have any work ready for publication? / У Вас есть какие-нибудь готовые работы для публикации?	Also, worauf warten Sie noch?! / Итак, чего же Вы ждёте?! Was sollte ich tun? / Что же мне нужно сделать?
4. Восклицательные предложения	
Attention please! Your Account Is On Hold! / Пожалуйста, обратите внимание! Ваша Учётная Запись Заблокирована!	Wir schätzen Ihr Feedback! / Ваши отзывы ценны для нас! Seien Sie einer der Ersten! / Будьте одним из первых!
5. Ритмические и рифмованные фрагменты	
You have a discount on your account / У Вас есть скидка на Ваш счёт.	BahnCard: gelegentlich fahren – sofort sparen / Поездки редко? Экономия метко! ..., um mehrere Spam-Mails zu migrieren und zu blockieren / ... чтобы спам-сообщения остановить и на другой сайт (данные) переносить .

В фишинговых письмах перечисленные в табл. 5 художественные средства используются для смещения фокуса внимания адресата, ускорения принятия решения и дозирования информации. Смещённый фокус внимания, в частности, формирует целенаправленный эмоциональный отклик адресата, способствующий достижению манипулятивных целей.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ явно продемонстрировал, что фишинговые письма характеризуются сочетанием элементов различных функциональных стилей, что правомерно рассматривать в качестве одной из их типичных лингвистических особенностей. Вместе с тем в каждом конкретном примере, как правило, доминирует один или два функциональных стиля, выбор которых определяется целью манипулятивного воздействия.

На рис. 2 приведена доля маркеров каждого из пяти функциональных стилей в анализируемых письмах. Диаграмма показывает, что в рассматриваемом материале в качестве доминирующих выступают официально-деловой и публицистический стили.

Что касается лексико-грамматической структуры фишинговых писем, она варьируется в зависимости от целевой аудитории, типа и вида сообщения, однако неизменно включает элементы двух или трёх функциональных стилей. Так, в письмах, имитирующих обращения официальных финансовых учреждений или коммерческих структур, преобладают маркеры официально-делового и/или научного стилей, и публицистического стиля. Сообщения, содержащие «привлекательные» и «выгодные» пользователю предложения или уведомления о выигрышах, отличаются доминированием маркеров публицистического, разговорного или художественного стилей.

Признаки функциональных стилей

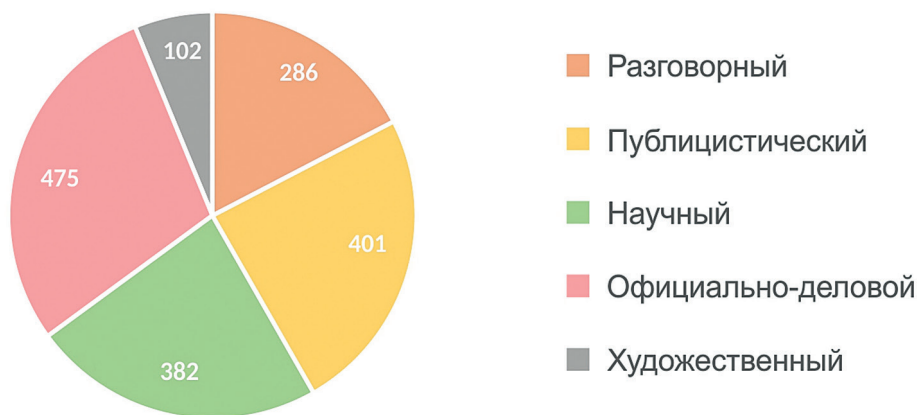

Рис. 2 / Fig. 2. Сравнение функциональных стилей (единица) / Comparison of functional styles (unit)

Становится очевидным, что одним из специфических индикаторов фишинговых писем является стилистический диссонанс, т. е. комбинация маркеров различных стилей, часто несовместимых, в одном письме (например, маркеры официально-делового и разговорного стилей). На рис. 3 представлены все лексико-грамматические маркеры функциональных стилей, выявленные в фишинговых письмах. Диаграммы, представленные на рис. 3, служат чёткими и однозначными индикаторами доминирующих лексико-грамматических маркеров каждого функционального стиля, используемого в фишинговых письмах. К самым частотным относятся:

Использование временных маркеров с высокой степенью прагматической нагрузки, эксплицирующих императивность (лексические единицы «немедленно», «в течение 24 часов» и др.), в сочетании с намеренной неопределённостью временных рамок, что формирует эффект искусственной срочности и снижает когнитивную рефлексию адресата.

Использование неформальных речевых маркеров, что нацелено на моделирование ложной коммуникативной близости. Как показывают проанализированные примеры, это реализуется фатическими формулами приветствия, прощания, обращений; снижением социальной дистанции переходом на ты-формы, парцелляцией, эллиптическими (фрагментарными) конструкциями; использованием усилительных маркеров, устойчивых разговорных выражений.

Наличие излишней экспрессивности, что выражается в большом количестве повелительных и восклицательных предложений и восклицательных знаков, ярких эпитетов и риторических вопросов, что является негативным признаком официальных писем.

Наличие орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок, поскольку официальные организации, как правило, осуществляют многоуровневое редактирование и лингвистическую верификацию корреспонденции перед её распространением.

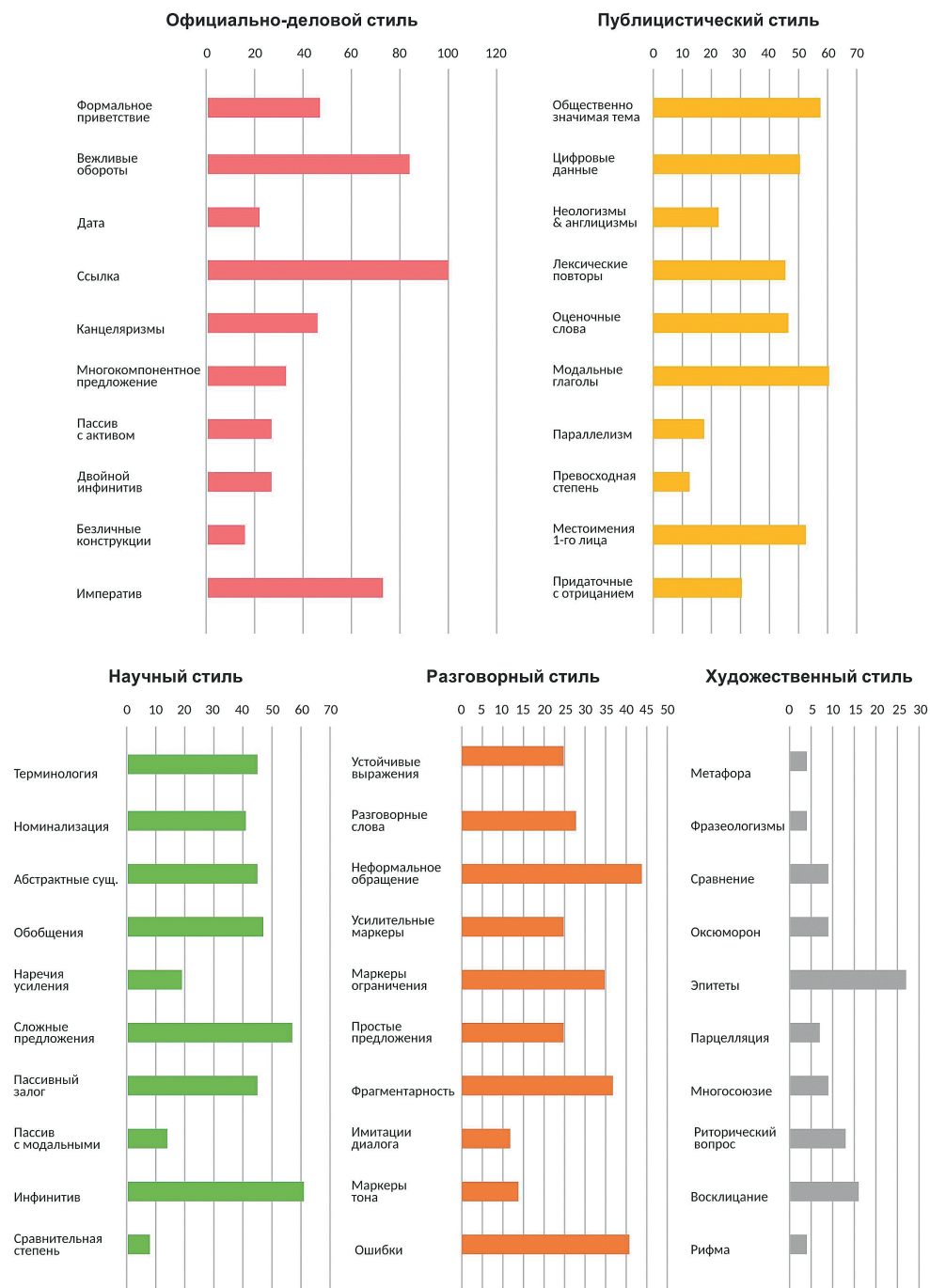

Рис. 3 / Fig. 3. Лексико-грамматические маркеры функциональных стилей в фишинге (единица) / Lexico-grammatical features of functional styles in phishing (unit)

Заключение

Проведенный функционально-стилистический анализ аутентичных фишинговых писем выявил зависимость между выбором функциональных стилей и использованием приёмов скрытой манипуляции адресатом. Анализ, осуществлённый на лексико-грамматическом уровне в рамках пяти базовых функциональных стилей (разговорного, публицистического, научного, официально-делового и художественного) на материале английского и немецкого языков, позволил идентифицировать характерные лексико-грамматические маркеры каждого стиля.

Среди проанализированных сообщений доминирующими оказались официально-деловой и публицистический стили, имплицитные такие манипулятивные техники, как гиперболизация вежливости и псевдолегитимность, а также апелляция к эмоциям и введение в заблуждение.

Установленные закономерности в использовании различных функциональ-

ных стилей и лексико-грамматических индикаторов фишинговых писем формируют основу для дальнейших исследований данного феномена. Понимание стилистико-прагматических механизмов манипулятивного воздействия способствует разработке более эффективных стратегий противодействия фишинговым атакам и повышению цифровой грамотности пользователей.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть полезны лингвистам, изучающим приёмы манипулятивного воздействия в разных речевых жанрах, студентам, изучающим дисциплину «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» по направлению «Информационная безопасность», студентам-филологам, изучающим дисциплину «Стилистика» в условиях цифровой коммуникации, а также широкому кругу пользователей, интересующихся вопросами манипулятивного воздействия средствами естественного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. Г., Петухов А. Ю., Данильян А. С. Анализ угроз информационной безопасности при использовании фишинговых сайтов // Юрист-Правовед. 2022. № 4 (103). С. 156–161.
2. Alenizi M. A., Mansour H. Y. A. A New Intelligent Hybrid Feature Selection Method // IEEE/ACS 15th International Conference on Computer Systems and Applications (AICCSA) (Aqaba, Jordan 2018). Red Hook, NY: Curran Associates, Inc., 2018. P. 1–6. DOI: 10.1109/AICCSA.2018.8612812.
3. Gylychdurdyev D., Otuzova B. Using AI to detect fake emails and phishing attacks // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 1. № 12-2. С. 15-16.
4. Архипова А. Б., Ижик В. А. Применение методов машинного обучения для обнаружения фишинговых писем: алгоритмы и подходы // Безопасность цифровых технологий. 2025. № 1 (116). С. 70–85. DOI: 10.17212/2782-2230-2025-1-70-85.
5. Игнатова Е. С. Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 374–390. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-3-374-390.
6. Workman M. Wisecrackers: a theory-grounded investigation of phishing and pretext social engineering threats to information security // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59. Iss. 4. P. 662–674. DOI: 10.1002/asi.20779.
7. Дмитриева О. А., Гулинов Д. Ю. Лингвокультурные характеристики «нигерийских писем» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 39–48. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-39-48.

8. Пискунова В. В. Теория речевых актов в применении социальной инженерии (на материале фишинговых писем) // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XIX Международных Березинских чтений. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 79–85.
9. Чомаева Ф. М. Стратегии манипуляции в социальной инженерии (на материале англоязычных фишинг-рассылок) // Человек и текст: материалы VI Международной лингвокультурологической конференции. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2024. С. 213–218.
10. Cardona J. Grammatical Deviations in Philippine Phishing Emails // *International Journal of English Language*. 2024. Vol. 6. No. 2. P. 124–129. DOI: 10.32996/ijels.2024.6.2.18.
11. Šajfar P. Sprachliche und nichtsprachliche Anzeichen beim Lügen: Bachelor-Arbeit. Rijeka: Universität Rijeka, 2021. 30 S.
12. Евтюгина А. А. Функциональная стилистика. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. университет, 2018. 75 с.
13. Луговая А. А. К вопросу о функциональных стилях языка // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 3 (106). С. 412–414. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-412-414.

REFERENCES

1. Alexandrov, A. G., Petukhov, A. Yu. & Danilyan, A. S. (2022). Analysis of threats to information security when using phishing sites. In: *Jurist-Pravoved*, 4 (103), 156–161 (in Russ.).
2. Alenizi, M. A. & Mansour, H. Y. A. (2018). A New Intelligent Hybrid Feature Selection Method. In: *EEE/ACS 15th International Conference on Computer Systems and Applications (AICCSA) (Aqaba, Jordan 2018)*. Red Hook, NY: Curran Associates, Inc., pp. 1–6. DOI: 10.1109/AICCSA.2018.8612812.
3. Gylychdurdyev, D. & Otuzova, B. (2024). Using AI to detect fake emails and phishing attacks. In: *Symbol of Science: International Scientific Journal*, 1 (12-2), 15-16.
4. Arkhipova, A. B. & Izhik, V. A. (2025). Using machine learning methods to detect phishing emails: algorithms and approaches. In: *Digital Technology Security*, 1 (116), 70–85. DOI: 10.17212/2782-2230-2025-1-70-85 (in Russ.).
5. Ignatova, E. S. (2024). Manipulation of emotional security by cybercriminals using social engineering technologies: a case study. In: *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3, 374–390. DOI: 10.17072/2078-7898/2024-3-374-390 (in Russ.).
6. Workman, M. (2008). Wisecrackers: a theory-grounded investigation of phishing and pretext social engineering threats to information security. In: *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 59 (4), 662–674. DOI: 10.1002/asi.20779.
7. Dmitrieva, O. A. & Gulinov, D. Yu. Linguistic and cultural characteristics of the “Nigerian letter”. In: *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 39–48. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-39-48 (in Russ.).
8. Piskunova, V. V. (2022). Speech act theory in social engineering (based on phishing emails). In: *Linguistic existence of man and ethnicity: materials of the XIX International Berezin Readings*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences publ., pp. 79–85 (in Russ.).
9. Chomaeva, F. M. (2024). Manipulation strategies in social engineering (on the material of English-language phishing emails). In: *Man and Text: Proceedings of the VI International Linguocultural Conference*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University publ., pp. 213–218 (in Russ.).
10. Cardona, J. (2024). Grammatical Deviations in Philippine Phishing Emails. In: *International Journal of English Language*, 6 (2), 124–129. DOI: 10.32996/ijels.2024.6.2.18.

11. Šajfar, P. (2021). *Sprachliche und nichtsprachliche Anzeichen beim Lügen* [Bachelor-Arbeit]. Rijeka: Universität Rijeka.
12. Evtyugina, A. A. (2018). *Functional stylistics*. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University publ. (in Russ.).
13. Lugovaya, A. A. (2024). To the issue of functional language styles. In: *The world of science, culture and education*, 3 (106), 412–414. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-412-414 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдосенко Елена Валериановна (г. Иркутск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета;

<https://orcid.org/0000-0002-2849-8950>; e-mail: aev74@mail.ru

Агеева Галина Александровна (г. Иркутск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета;

<https://orcid.org/0000-0002-0611-7205>; e-mail: studentenblume@mail.ru

Янькова Полина Владимировна (г. Иркутск) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета;

<https://orcid.org/0009-0003-2463-6660>; e-mail: Pauline157@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Avdosenko (Irkutsk) – Cand. Sci (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages No. 1, Irkutsk National Research Technical University;

<https://orcid.org/0000-0002-2849-8950>; e-mail: aev74@mail.ru

Galina A. Ageeva (Irkutsk) – Cand. Sci (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages No. 2, Irkutsk National Research Technical University;

<https://orcid.org/0000-0002-0611-7205>; e-mail: studentenblume@mail.ru

Pauline V. Yan'kova (Irkutsk) – Cand. Sci (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages No. 1, Irkutsk National Research Technical University;

<https://orcid.org/0009-0003-2463-6660>; e-mail: Pauline157@ya.ru

Научная статья
УДК 81'1
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-29-49

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В НАРРАТИВЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ

Киосе М. И.^{1,2*}, Ржешевская А. А.¹, Потехин В. О.¹

¹ *Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация*

² *Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация*

* *Корреспондирующий автор, e-mail: maria_kiose@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.01.2026

После доработки 23.01.2026

Принята к публикации 28.01.2026

Аннотация

Цель. Установить особенности реализации полимодальных дискурсивных практик в нарративе на русском языке как иностранном с учётом уровня языковой компетенции говорящих (B1/B2 и C1/C2).

Процедура и методы. Основной метод анализа – полимодальный эксперимент, в рамках которого изучалось речевое и мануально-жестовое поведение студентов программы подготовки по русскому языку как иностранному в ходе пересказа ими текстов с нарративной структурой. Также используются методы параметрического анализа локальной структуры дискурса в речи и функциональных жестов.

Результаты. Установлены особенности реализации полимодальных дискурсивных практик на неродном языке: отношений локальной структуры дискурса в речи, распределения функциональных типов жестов, а также паттерны совместной реализации речи и жестов. Так, определено, что основные различия в использовании отношений в речи связаны с распределением отношений Согласия, Хезитаций, Объединения (превалируют в B1/B2) и Метадискурсива, Развития темы (превалируют в C1/C2). Анализ использования жестов с данными отношениями показал, что для преодоления повышенной когнитивной нагрузки при конструировании дискурса на иностранном языке часто используются репрезентирующие и прагматические жесты репрезентации компонента дискурса, что обусловлено их компенсаторной функцией в процессе конструирования ситуации.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в развитие теорий полимодального конструирования нарративного дискурса на иностранном языке. Прикладная значимость работы заключается в возможности применения её результатов в лингводидактике и исследованиях РКИ.

Ключевые слова: дискурсивные практики, жесты, локальная структура дискурса, нарратив, неродной язык, полимодальный эксперимент, речь, русский как иностранный

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполняется в МГЛУ в рамках проекта РНФ № 25-28-03401 «Оценка социокогнитивной адаптации инофона по его полимодальному поведению в разных типах дискурса».

Для цитирования:

Киосе М. И., Ржешевская А. А., Потехин В. О. Полиmodalные дискурсивные практики в нарративе на русском языке как иностранном // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 29–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-29-49>

Original research article

MULTIMODAL DISCURSIVE PRACTICES IN NARRATIVE DISCOURSE PRODUCTION IN A NON-NATIVE LANGUAGE

M. Kiose^{1,2*}, A. Rzhesheskaya¹, V. Potekhin¹

¹ *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: maria_kiose@mail.ru*

Received by the editorial office 14.01.2026

Revised by the author 23.01.2026

Accepted for publication 28.01.2026

Abstract

Aim. The study identifies the characteristics of multimodal discursive practices in Russian as a foreign language mediated by the level of language competence (B1/B2 vs. C1/C2)

Methodology. The primary method of analysis was a polymodal experiment, which explores verbal and kinetic (manual) behavior of Russian language learners in their recalls of narrative texts. Additionally, the study exploits parametric analysis of local discourse structure and functional gestures.

Results. The study identifies characteristics of multimodal discursive practices in a non-native language, including: the manifestation of local discourse structure relations in speech, the distribution of functional gesture types, as well as the patterns of speech and gesture co-occurrence. The findings reveal that the primary differences in the use of discourse relations in speech pertain to the distribution of Relations of Agreement, Hesitation, and Joint (typical of the B1/B2 group) as opposed to Metadiscursive Relations and Elaboration (typical of the C1/C2 group). Furthermore, the analysis of gesture use accompanying these relations indicates that in order to manage the increased cognitive load during discourse production in a foreign language, speakers frequently employ representational and pragmatic gestures as illustrating discourse-related properties, which attests to their compensatory function in discourse construal.

Research implications. The research contributes to further development of multimodal frameworks exploring narrative discourse construal in a foreign language. Its results are applicable in teaching methodology and in the area of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: discursive practices, gestures, local discourse structure, narrative, foreign language, multimodal experiment, speech, Russian as a foreign language

Acknowledgements: This research is carried out in Moscow State Linguistic University and is supported by RSF grant No. 25-28-03401 "Assessment of foreigners' sociocognitive adaptation via their multimodal behavior in different discourse types".

For citation:

Kiose, M. I., Rzhesheskaya, A. A. & Potekhin, V. O. (2026). Multimodal discursive practices in narrative discourse production in a non-native language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp.29–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-29-49>

Введение

Проблема конструирования дискурса на неродном языке является актуальной не только для дискурсологии, одним из направлений которой является изучение дискурсивных практик, но и для сферы анализа этнической идентичности [1]. На настоящий момент получены данные, описывающие формирование навыков в использовании фонетико-фонологических, лексических, грамматических явлений на изучаемом языке, но знания о том, как формируются навыки конструирования дискурса, являются ограниченными и в большей степени связаны с использованием союзов и дискурсивных маркеров [2], а не самих дискурсивных практик. Основная причина этого – их слабая изученность в ходе экспериментального анализа, который позволяет судить об особенностях локальной структуры дискурса в совокупности дискурсивных отношений: нарративных, коммуникативных, риторических и отношений, описывающих речевые сбои [3; 4]. Данное исследование решает эту проблему в отношении нарративного типа дискурса, одного из наиболее значимых для конструирования событий и ситуаций; при этом предлагается комплексное решение, учитывающее полимодальный характер этих практик, а именно их реализацию не только в речи, но и в жестах говорящего. Вторая причина слабой изученности дискурсивных практик заключается в необходимости сопоставительного анализа речевых и жестовых манифестаций говорящих с разным уровнем сформированности языковой компетенции. Для решения этой задачи в работе привлекаются данные полимодального поведения двух групп говорящих, с языковой компетенцией на уровне B1/B2 и C1/C2.

Таким образом, исследование нацелено на установление паттернов речи и жестов, участвующих в конструировании локальной структуры дискурса, с учётом варьирования уровня языковой компе-

тенции инофонов, изучающих русский язык как иностранный. Для формирования корпуса речи и мануальных жестов инофонов проводится полимодальный эксперимент с записью пересказов нарративов, сделанных иностранными студентами на русском языке, неродном для них. Предположительно, существуют некоторые константы в паттернах речи и жестов в дискурсивных практиках нарратива студентов РКИ с разным уровнем языковой компетенции, свидетельствующих об устойчивой роли некоторых типов отношений в дискурсе. В то же время наблюдается и специфика их использования, обусловленная ростом когнитивной нагрузки у студентов с более низким уровнем языковой компетенции при продуцировании дискурса.

Методология исследования

На настоящий момент экспериментальные исследования, изучающие особенности конструирования дискурса на иностранном языке, чаще всего ограничиваются систематизацией союзов, состав которых позволяет говорить о распределении риторических отношений [3; 4], или отношений между компонентами дискурса, описывающих объекты, явления, действия. Так, в работе М. Ветцель, С. Зуффрей и П. Гигахс [2] на материале разных языков показано, что союзы (и, соответственно, риторические отношения) представляют определённую сложность как для восприятия, так и для продуцирования речи инофонами, что свидетельствует о росте когнитивной нагрузки при конструировании дискурса, несмотря на определённую универсальность риторических отношений. При этом в ряде работ отмечается, что в использовании этих отношений может наблюдаться специфика, связанная с различиями в типологической структуре родного и иностранного языков. В Ж.П. Кёнинга и Юнкен И [5] на материале носителей корейского языка, изучающих английский, показано, что

грамматический строй корейского языка предопределяет употребление в речи типов отношений Причина и Результат, в то время как для носителей английского языка более характерно употребление в речи типов отношений Причина и Следствие. Однако значительно чаще в исследованиях отмечается влияние уровня языковой компетенции на реализацию этих отношений. Например, в работе [2] на материале эксперимента, тестирующего особенности речи на французском языке как иностранном, установлено, что даже на продвинутом уровне владения языком студенты реже, чем носители, используют союзы уступки, следствия, контраста, причины, что свидетельствует о менее «естественном» использовании в дискурсе соответствующих типов риторических отношений. Представляется важным, что помимо риторических отношений, исследователи указывают на значимость иных типов отношений локальной структуры дискурса как определяющих его специфику в речи инофона. Так, показателем более низкого уровня языковой компетенции может быть использование отношений, описывающих речевые сбои, например, отношения Хезитации, в то время как отношения Самоисправления, напротив, более характерны для говорящих на более продвинутом уровне [6].

В связи с этим в данном исследовании принято решение опираться на разные отношения, описывающие локальную структуру дискурса при анализе дискурсивных практик, или коммуникативно-семиотических способов реализации отношений локальной структуры дискурса. В работах О. А. Литвиненко, А. А. Кибрика и В. И. Подлесской [3; 4] локальная структура дискурса строится на определённых типах отношений элементарных дискурсивных единиц, которые включают в себя коммуникативные, нарративные, риторические и отношения, описывающие речевые сбои. В частности, коммуникативные отношения включают

Вопрос, Согласие, Экспрессив и демонстрируют обращённость говорящего к адресату высказывания. Нарративные отношения характеризуют структуру высказывания и включают в себя Начало, Сеттинг, Коду. К типу отношений речевые сбои относятся Хезитация, Повтор, Самоисправление. К риторическим относятся типы отношения Объединение, Контраст, Дизъюнкция, а также Развитие темы, Интерпретация, Оценка, Реформулирование, Антитеза, Последовательность и др.

Важно отметить, что проявления этих отношений могут обнаруживаться не только в речи говорящих, но и в их жестовом поведении, поэтому дискурсивные практики являются полимодальными. Так, предложенная Д. МакНиллом теория о точках роста [7] определила дальнейший подход к экспериментальной проверке гипотез, которые исследователи ранее выдвигали без серьёзных эмпирических оснований, а именно о взаимосвязи между языковой компетенцией и сенсомоторикой, которая может проявляться и в совместной реализации в речи и в жестах отношений локальной структуры дискурса. В развитие этого направления С. Голдин-Мидо [8] экспериментально доказала, что у детей, в отличие от взрослых носителей языка, процессы речепорождения и речевосприятия не образуют единой системы с жестикуляцией и развиваются автономно. Данное положение приобретает особую значимость в контексте обзора доступной научной литературы, поскольку фокус нашего исследования смещён на взрослую выборку инофонов, для которой характерна принципиально иная – интегрированная – организация вербальных и жестовых компонентов коммуникации. Считаю важным отметить, что большинство известных полимодальной науке исследований взаимосвязи речи и жеста в условиях коммуникации на иностранном языке выполнены преимущественно в парадигме лингводидактики, оставляя

без должного внимания дискурсивный аспект. Кроме того, наблюдается существенный исследовательский «перекос» в сторону изучения иконических жестов, реже – указательных (дейктических) жестов [9]. Нельзя также не отметить, что подобного рода исследования в меньшей степени отвечают принципу экологии, поскольку дизайн проводимых экспериментов не позволяет анализировать коммуникативное поведение испытуемого в актуальных для него условиях среды. В частности, в качестве стимульного материала часто привлекаются искусственно созданные языки, как, например, язык *Vimmi* (вимми). В работе М. Македония, К. Мюллер, А. Д. Фридеричи [10] с участием студентов-носителей немецкого языка ($M_{age}=23,44$) на материале существительных, взятых из корпуса искусственного языка вимми, постулируется ведущая роль иконических (репрезентирующих) жестов как способствующих более эффективному запоминанию (а в последующем – извлечению из оперативной памяти) иноязычных лексических единиц. Полученные результаты дополняются в экспериментальном исследовании А. Б. Гарсия-Гамез и П. Мазисо [11], в котором изучался потенциал репрезентирующих жестов в функции разыгрывания сцены (*enactment*) как способствующих конструированию последовательности действий. Вклад иных типов жестов в процесс общения на иностранном языке оценивается лишь в единичных исследованиях. В частности, работы О. К. Ирисхановой и А. Ченки [12; 13] обращаются к изучению случаев координации прагматического жеста и жеста-адаптера (самоадаптера) с речевым сбоем в ситуации синхронного перевода с русского на английский и с русского на немецкий. Очевидна высокая востребованность применения предложенного исследователями подхода в профессиональных целях для оценки уровня когнитивной нагрузки на билингва, а также его когнитивного резерва [14]. Менее

исследованным при этом остаётся полимодальное поведение инофона в ситуации общения, максимально приближенной к естественным средовым условиям и, следовательно, отличающейся высокой степенью дискурсивной гибридности. Так, в работе М. И. Киосе, А. А. Ржешевской и А. А. Петрова [6] были установлены различия в использовании репрезентирующих жестов, которые использовались более активно инофонами с более высоким уровнем языковой компетенции, что свидетельствует о важных эффектах воплощённости объектов и действий в жестовом поведении говорящих. Для установления полимодальных дискурсивных практик в неродном языке при реализации отношений локальной структуры дискурса мы будем опираться на типологии жестов с ориентировкой на их функции в дискурсе, выделяя вслед за О. К. Ирисхановой и А. Ченки [12; 13] следующие группы жестов: дейктические, репрезентирующие, прагматические и адаптеры с последующей детализацией их микрофункций. Как показано в ряде исследований [15; 16], их распределение оказывается специфическим для разных типов дискурса.

Дизайн эксперимента и процедура анализа

Для анализа полимодальных дискурсивных практик говорящих было принято решение взять в качестве стимульных текстов нарративы, которые будут прочитаны и пересказаны инофонами. Это обусловлено возможностью на материале пересказов нарратива подвергать изучению большое количество типов отношений для конструирования ситуации с учётом таких критериев нарратива, как его релевантность, непредсказуемость, консеквентность, необратимость, неповторяемость [17]. Так, мы ожидаем использование собственно нарративных отношений, что связано со структурными особенностями нарративного дискурса, а

именно, с присутствием таких компонентов, как резюме, ориентация, осложнение, оценка, развязка и кода [18]. Также усложнение коммуникативной структуры при пересказе нарративов может быть связано с компонентным составом самой дискурсивной ситуации, включающей адресата, повествователя, сюжет, событие, тему, мотив, художественный концепт и иные компоненты [17]. Пересказы нарратива, по сути, представляют собой нарратив в нарративе – нарратив автора в нарративе пересказчика, что определённо делает локальную структуру такого дискурса пересказа более комплексной.

Материалом анализа стали записанные авторами работы 40 устных пересказов двух одностраничных нарративных текстов, полученных от 20 студентов (средний возраст – 22 года, 13 девушек и 7 юношей, с родными языками стран СНГ – таджикским, киргизским, и дальнего зарубежья – китайским, вьетнамским, итальянским, монгольским, т. е. с языками разных типологических групп и языковых семей), изучающих русский язык как иностранный. В связи с тем, что анализу подвергаются отношения локальной структуры дискурса, являющиеся универсальными, родной язык говорящих не играет существенной роли; значение имеет уровень владения русским языком как иностранным. С учётом уровня обучения были привлечены по 10 студентов из языковых групп уровней В1/В2 (ТРКИ-I и ТРКИ-II) и С1/С2 (ТРКИ-III и ТРКИ-IV). Тексты были предъявлены инофонам на экране компьютера, время прочтения ограничивалось и было одинаковым для всех участников эксперимента. Сразу после прочтения каждого текста участники отворачивались от экрана компьютера к заинтересованному слушателю и по его просьбе передать как можно более детально содержание прочитанного пересказывали текст. Для обеспечения качественной записи голоса речь говорящих была записана с использованием микрофонной системы RØDE

Wireless GO II, расшифровка проведена с применением программы Speech2Text и далее скорректирована вручную в связи с тем, что программа расшифровки значительно искажает речь, исправляя ошибки в грамматической структуре высказывания, в некоторых случаях корректируя выбор слов, удаляя хезитации и некоторые дискурсивные маркеры. Далее с опорой на семантико-синтаксический принцип и с привлечением коммуникативно-просодического подхода к сегментации речи на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) [19], проведена разбивка речи на ЭДЕ. Аннотирование речи и жестов проведено в корпус-менеджере ELAN, где были размечены типы отношений локальной структуры дискурса, а также мануальные жесты с учётом их функций (см. рис. 1).

При разметке были созданы отдельные слои для 1) произведённой речи (Subtitle-Tier), 2) речи, сегментированной на ЭДЕ (Speech EDU), 3) отношений локальной структуры дискурса (Relations), 4) функциональных жестов (Gestures). Для аннотирования жестов использовалась кодовая разметка [15]: дейктические жесты кодировались как 2101-2103, репрезентирующие – как 2201-2205, прагматические – как 2301-2307, адаптеры – как 2401-2402. Так, в выделенном фрагменте используется прагматический жест репрезентации компонента дискурса 2302 (выдвижение руки или рук вперёд с характерной формой ладони, как бы показывая или протягивая что-то реальному или воображаемому собеседнику), который сопровождает произнесение ЭДЕ *он а...обошёл в саду*, реализующей риторическое отношение Объединения и отношение Хезитации из группы речевых сбоев.

Разметка локальной структуры речи говорящих осуществлена двумя кодировщиками и прошла перепроверку на материале 4 записей с применением каппы Коэна (средние показатели составили 0.85, что свидетельствует о высоком

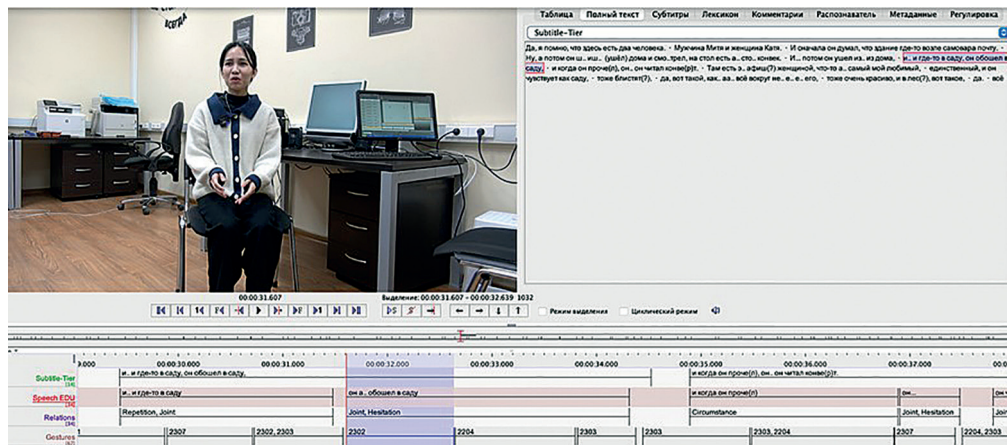

Рис. 1 / Fig. 1. Разметка отношений локальной структуры дискурса в речи и в жестах / Local discourse structure annotation in speech and gesture

Источник: из личного архива авторов

уровне согласованности разметчиков). Аннотирование функциональных жестов проведено тремя кодировщиками, данные прошли пере проверку на материале 5 записей; были установлены единичные различия в разметке, в большей степени связанные с детализацией микрофункций прагматических жестов (жесты структурирования дискурса, эмфатические жесты, жесты репрезентации компонента дискурса, жесты поиска слова). Было принято решение помимо установления частных микрофункций жестов рассматривать их варьирование в группах (дейктические, репрезентирующие, прагматические и адаптеры). В связи с тем, что анализу подвергается распределение речи и жестов в двух группах говорящих – V1/V2 (ТРКИ-I и ТРКИ-II) и C1/C2 (ТРКИ-III и ТРКИ-IV), установление частотности отношений в полимодальных дискурсивных практиках проведено отдельно в группах.

Результаты и обсуждение

Представим результаты, описывающие особенности реализации отношений локальной структуры дискурса в речи. При анализе структуры пересказов мы опирались на четыре типа отношений с

их дальнейшей детализацией. Рассмотрим два примера пересказа одного и того же стимульного нарратива, сделанных говорящими из группы V1/V2 и C1/C2.

Пересказ в группе V1/V2 начинается с отношения Хезитации (1), за которым следует нарративное отношение Сеттинг (2); в группе C1/C2 первая ЭДЕ (1) является Сеттингом. В обоих случаях отсутствует завершающее отношение Кода. В пересказе в группе V1/V2 встречаем множественные риторические отношения Объединения (5, 6, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27, 30, 32, 33, 34); хотя этот тип отношения в целом является самым частотным и в группе C1/C2, он встречается реже (4, 6, 9, 11, 13, 16, 17, 18, 20, 23, 26, 27, 28). Состав используемых риторических отношений шире у говорящего в группе C1/C2: это Развитие темы в (2, 3, 7, 8, др.), Обстоятельство в (5) в *когда*, Интерпретация (7) в *долгожданно*, Контраст в (10, 21) в *но*, Переформулирование в (11) в *бродил / ходил*, Цель в (14, 15, 22) в *чтобы*, Уступка в (19) в *хотя*, Оценка в (23, 24) в *любимый, единственный*. У говорящего в группе V1/V2 состав риторических отношений меньше, однако присутствуют дополнительные, отсутствующие у говорящего из группы C1/C2,

Таблица 1 / Table 1

Примеры реализации отношений локальной структуры дискурса в речи / Speech samples demonstrating manifestations of local discourse structure

Пример пересказа в группе В1/В2		Пример пересказа в группе С1/С2	
1	<i>аа...</i>	1	<i>в тексте рассказывал</i>
2	<i>этот текст о том</i>	2	<i>как один парень по имени Митя ждал письмо от своей любимой и...</i>
3	<i>что...</i>	3	<i>по имени Катя</i>
4	<i>аа...</i>	4	<i>вот в один день</i>
5	<i>один молодой человек получил письмо</i>	5	<i>когда Митя подходил к самовару</i>
6	<i>по-моему от.. любимого...</i>	6	<i>он увидел почту</i>
7	<i>а нет!</i>	7	<i>которую он очень долгожданно ждал от своей любимой</i>
8	<i>любимой девушки по-моему</i>	8	<i>которая очень редко ему отвечала</i>
9	<i>я так понял</i>	9	<i>и вот он очень хотел открыть</i>
10	<i>э... это письмо было очень краткое</i>	10	<i>но он хо... бродил пока что</i>
11	<i>а... но он очень много раз перечитал</i>	11	<i>ходил отдалека</i>
12	<i>и...</i>	12	<i>где</i>
13	<i>там написано было</i>	13	<i>думаю что</i>
14	<i>что...</i>	14	<i>чтобы побыть одним</i>
15	<i>ааа...</i>	15	<i>чтобы его с... чтобы его никто не прочитал</i>
16	<i>четко не помню</i>	16	<i>он его прочитал</i>
17	<i>но..</i>	17	<i>вот в саду я по-моему помню так прошел</i>
18	<i>ты мой любимый</i>	18	<i>и вот он быстро открыл конверт</i>
19	<i>хороший единственный</i>	19	<i>и хотя он</i>
20	<i>так написано было</i>	20	<i>этот ... это письмо было кратким</i>
21	<i>и он очень много раз прочит.. а.. читал</i>	21	<i>но он перечитывал его... его пять раз</i>
22	<i>читал-читал</i>	22	<i>чтобы и ему... на... очень более так прикоснулось к сердцу</i>
23	<i>и...</i>	23	<i>это мой любимый</i>
24	<i>ему было очень хорошо</i>	24	<i>мой единственный</i>
25	<i>очень замечательно</i>	25	<i>как Катя ему в письме написала</i>
26	<i>и... и...</i>	26	<i>он возвращался домой</i>
27	<i>он был рад</i>	27	<i>на... наслаждался всему окружающему</i>
28	<i>и он...</i>	28	<i>и ждал следующие письма от Кати</i>
29	<i>а...</i>		
30	<i>пошел домой очень медленно</i>		
31	<i>и аа...</i>		
32	<i>погода тоже была очень хор-о-ошая</i>		
33	<i>да</i>		
34	<i>ему... ему было приятно получить вот это письмо</i>		

это Экспрессив в (7) в *нет!*, Источник в (13) в *там написано*. Обнаруживаем и коммуникативные отношения Метадискурсива в (6, 8) в *по-моему*, Согласия в (33) в *да*. Очень частыми оказываются речевые сбои: это Хезитация в (1, 3, 4, 6, 10, др.), у говорящего из группы С1/С2 Хезитации встречены в меньшем количестве в (2, 27).

Далее приведём результаты распределения отношений локальной структуры дискурса в пересказах в двух группах инофонов (см. рис. 2).

Как показывают результаты, наблюдается выраженное сходство в распределении двух типов нарративных отношений – Начала и Коды, коммуникативных отношений Комментария, Вопросы и Экс-

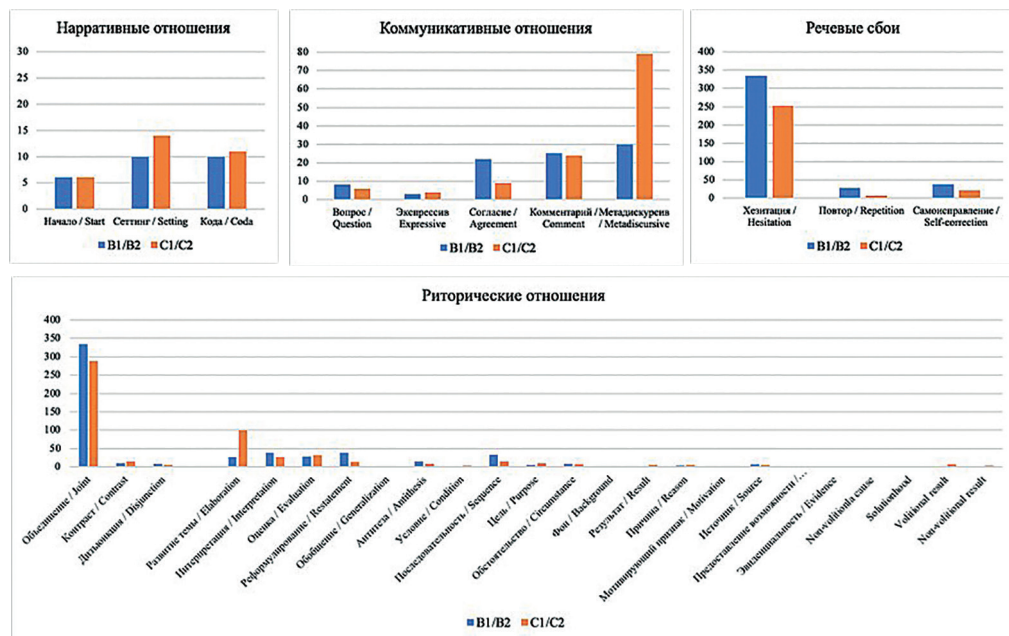

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение отношений локальной структуры дискурса / Local discourse structure relations

Источник: подготовлено авторами

прессива. Некоторое различие обнаружено в использовании отношений Сеттинга (превалирует в C1/C2), но оно выражено в меньшей степени, чем в дескриптиве [6], что указывает на дискурсивную обусловленность такого распределения. При этом различия в группах наблюдаются в использовании коммуникативных отношений Согласия (превалирует в B1/B2) и Метадискурсива (превалирует в C1/C2); отметим, что полученные результаты согласуются с теми, которые были установлены в ходе анализа иного типа дискурса, дескриптива, в тех же группах инофонов [6]. Результаты также подтверждают важность замечаний, сделанных в [2; 5], об особенностях распределения речевых маркеров с разными дискурсивными функциями в речи инофонов; однако показывают, что эти функции распределены по-разному в двух группах. В использовании речевых сбоев установлены различия в количестве Хезитаций, что подтверждает важность исследования данной группы отношений, выделенных

в [3], для идентификации специфических особенностей в конструировании дискурса инофонами с разным уровнем языковой компетенции. Основные различия в использовании риторических отношений обнаружены в распределении Объединения (превалирует в группе B1/B2) и Развития темы (превалирует в группе C1/C2). Такое распределение было получено и в пересказах дескриптива [6].

Далее рассмотрим распределение жестов: отдельно и в сопровождении ЭДЕ.

Всего анализу было подвергнуто 964 случая совместного использования мандуального жеста с речью, из них реализовано: 615 – инофонами, владеющими русским языком на уровне B1/B2; 349 – инофонами, владеющими русским языком на уровне C1/C2. Общее количество жестовых манифестаций в обеих группах, рассчитанных с учётом их функционального типа (дейктические, репрезентирующие, прагматические, адаптеры), представлено в абсолютных и относительных единицах в сводной таблице (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Общие показатели жестовой активности / Gesture distribution

Тип жеста	Группа	Группа В1/В2	Группа С1/С2
Дейктический		34 (6%)	33 (10%)
Репрезентирующий		107 (17%)	70 (20%)
Прагматический		245 (40%)	147 (42%)
Адаптер		229 (37%)	99 (28%)

Данные дескриптивной статистики указывают на преобладание в жестовом поведении инофонов прагматических жестов и жестов-адаптеров: в частности, на долю прагматических жестов приходится почти 40% всей жестовой активности в обеих группах испытуемых, на долю жестов-адаптеров – 37% и 28% в группах В1/В2 и С1/С2, соответственно. Использование прагматических жестов в монологической спонтанной речи может быть связано с управлением структурой дискурса, а также отражать сам процесс его порождения, усиливая перспективу дискурса пересказчика. Также обращаем внимание на частотность жестов-адаптеров, составляющих почти треть всей жестовой активности в обеих группах инофонов, что, очевидно, указывает на повышенную когнитивную нагрузку в условиях коммуникации на неродном языке и на необходимость адаптации в иноязычной среде для сохранения контроля над речепорождением. При этом в случае высокого уровня владения иностранным языком (группа С1/С2) наблюдается ожидаемое ослабление сознательного контроля за качеством речи. Предположительно, инофоны из этой группы используют адаптеры исключительно в моменты локальных коммуникативных затруднений ввиду того, что их речевой контроль более автоматизирован. Отметим также долю иконической репрезентации посредством репрезентирующих жестов в полимодальном поведении инофонов – она составляет 17% от всей жестовой активности в группе В1/В2 и 20% в группе

С1/С2. В целом, существенное сокращение количества жестовых манифестаций в группе С1/С2 (почти вдвое), предположительно, связано с большей автоматизированностью речевых процессов, в результате чего уменьшается потребность в привлечении мануального канала для структурирования речи и компенсации лексико-грамматических трудностей. Результаты аналитической статистики (с применением χ^2 -критерия) свидетельствуют о том, что различия в использовании дейктических жестов и адаптеров являются значимыми (по дейктическим жестам $\chi^2=5.31$, $p=0.022$; для адаптеров $\chi^2=7.8$, $p=0.006$); по репрезентирующим и прагматическим жестам различия не являются значимыми ($p>0.05$).

При этом обратим внимание на в целом сходное относительное распределение частотности жестов в поведении инофонов двух групп, особенно в использовании прагматических жестов. Отметим, однако, что превалирование прагматических жестов наблюдается и в полимодальном поведении носителей языка в разных типах дискурса, например, в экспозитиве [15] или в гибридных дискурсивных форматах [16]. Так, в [16] относительное процентное распределение четырех групп жестов в речи носителя (гибридный формат дискурса) составляло 18% / 38% / 40% / 4%. Определяется выраженное снижение количества адаптеров, увеличение количества репрезентирующих и дейктических жестов. В [15] полученное распределение четырех типов жестов в речи носителей состави-

ло 7% / 14% / 29% / 50%, однако оно было получено в экспозиторном дискурсе. В данном случае, напротив, обнаруживается выраженное увеличение количества адаптеров; при этом без их учёта самими представленными вновь оказываются прагматические жесты.

Обратимся к детализированным данным мануальной жестикуляции инофонов. Количественные показатели жестовой активности, рассчитанные отдельно для каждой группы испытуемых с учётом микрофункций типа жеста, представлены в табл. 3.

Анализ данных жестовой активности инофонов группы В1/В2 с учётом микро-

функции жеста существенно повышает качество интерпретации полученных результатов, в том числе в их сопоставлении с обнаруженными закономерностями в других работах. Так, постулируемая в работе Ли Ма, Г. Мартохарджоно, У. Мак-Клюра [20] взаимосвязь между иконической репрезентацией и использованием дискурс-структурирующих слов не находит поддержки в нашем исследовании. Полученные данные (см. табл. 3) показывают, что репрезентирующие жесты, сопровождавшие порождение инофонами из группы В1/В2 нарративного дискурса, использовались в их ожидаемой функции, а именно удержания (в случае стимула 1) и

Таблица 3 / Table 3

Распределение микрофункций жестов / Gesture micro functions distribution

Тип жеста Стимул	Группа В1/В2 (ТРКИ-2)		Группа С1/С2 (ТРКИ-3/4)	
	Стимул 1	Стимул 2	Стимул 1	Стимул 2
Дейктические:	9	25	19	14
указательные	3	14	5	9
касание	0	3	2	1
направление	6	8	12	4
Репрезентирующие:	73	34	58	12
удержание	63	11	43	4
«лепка» / придание формы	0	3	1	1
разыгрывание действий	4	5	7	5
олицетворение	6	12	5	1
очерчивание	0	3	2	1
Прагматические:	127	118	87	60
структурирование дискурса	0	0	0	0
репрезентация компонента дискурса	27	18	30	22
эмфатический	78	86	48	20
контактоустанавливающий	0	0	0	0
выражение отношения / оценки	6	0	4	3
отрицание	0	0	0	2
поиск слова	16	14	5	13
Адаптеры:	88	141	50	41
самоадаптеры	86	141	58	31
предметные адаптеры	2	0	0	10

Рис. 3 / Fig. 3. Репрезентирующий жест в функции удержания / Representational holding gesture

Рис. 4 / Fig. 4. Прагматический жест в эмфатической функции / Pragmatic emphatic gesture

Источник: фотографии 3 и 4 из личного архива авторов

олицетворения (в случае стимула 2). В то же время для мануального контроля над структурой речи испытуемые чаще прибегали к прагматическим жестам в функциях репрезентации компонента дискурса и эмфазы – для его акцентирования.

Хотя полученные нами данные в отношении репрезентирующих жестов не согласуются с результатами исследования [20], их реализация конкретно в микрофункции удержания, очевидно, демонстрирует мыслительный процесс испытуемого, связанный так или иначе с выстраиванием речевого потока. Например, мануальная конфигурация на рис. 3 иллюстрирует удержание участницей с помощью рук подобия чаши, сопровождающее реализацию четырёх ЭДЕ подряд с повторяющимся пространственным дейктиком *там* в *там...* | *я не знаю* | *по-моему там...* | *там*. Очевидно, в условиях коммуникативного дефицита наблюдаемая конфигурация помогает говорящей удержать фокус внимания на конструируемом событии из стимульно-го текста.

Обратимся также к случаю использования инофоном прагматического жеста

в эмфатической функции. Поскольку на изображении невозможно передать динамику движения, на рис. 4 продемонстрирован момент смены положения рук из состояния покоя в ударную фазу с *и он очень много раз прочит... а... читал*. Жест приходится на предикат *читал* как, предположительно, маркирующий коррекцию ранее допущенного речевого сбоя (*прочит... а...*). Таким образом, постулируемая в работе [20] корреляция между использованием метафорических жестов и отсутствием речевых сбоя снова не находит подтверждения на материале нашей выборки.

С ситуацией разрешения коммуникативной трудности связан ещё один тип жеста, а именно адаптер, который в подавляющем количестве проанализированных случаев был направлен на самого говорящего, т. е. выполнял функцию самоадаптера. Например, в полимодальной пробе на рис. 5 мы можем наблюдать мануальное движение в виде перебирания участницей пальцами, собранными в «замок», при порождении нарративного дискурса, отмеченного речевыми сбоями (*уш...*) и случаями вокализованной

хезитации (ээ... аа...) с *в части написали | что... один мальчик ээ... нежданно уш... аа.. | ушёл из зала*. Закономерно высокая частотность жестов-адаптеров при коммуникации на неродном языке, вероятно, свидетельствует о повышенном уровне когнитивной нагрузки вследствие менее автоматизированной речи (по сравнению с инофонами из группами С1/С2).

Ранее мы уже отмечали, что снижение жестикуляционной активности в группе С1/С2 может быть связано с более сформированной языковой компетенцией, о чем предварительно и свидетельствуют полученные результаты (см. табл. 3). В целом, разнообразие жестовых манифестаций в данной группе инофонов схоже с обобщенным жестовым профилем испытуемых из группы В1/В2. Сравнивая особенности жестового поведения в двух группах, мы можем наблюдать в последней увеличение доли прагматического жеста в функции репрезентации компонента дискурса. Вероятно, более автоматизированное речепорождение позволяет инофону, владеющему иностранным языком на продвинутом уровне, свободнее использовать разнородные семиотические ресурсы для достижения желаемого коммуникативного эффекта. На рис. 6 представлен случай использования прагматического жеста в функции репрезентации компонента дискурса с *однажды утром Митя | ааа... ну | ждал а... письма от своей подружки Катю*. Дополнительно поясним, что, поскольку говорящий неоднократно использовал данную мануальную конфигурацию, мы отметили жирным курсивом слова, произнесение которых сопровождалось наблюдаемым жестом, а именно вынесением левой открытой ладони немного вперед, к партнёру-собеседнику.

Отметим, что полученные профили жестовой активности инофонов по обеим группам показали низкую частотность использования дейктических жестов, что согласуется с результатами экспериментального исследования [9], тестирував-

шего жестовое поведение билингов в отношении указательных жестов. При этом считаем важным отметить, что в условиях естественной жестикуляции нередки случаи совмещения в мануальном движении нескольких функций, относящихся к разным типам жестов. Очевидно, необходимо учитывать данный фактор при проведении экспериментального исследования, делающего объектом своего анализа конкретно указательную жестикуляцию. Такой случай, например, продемонстрирован на рис. 7. Говоря о поезде, участница сначала иконически имитирует с помощью руки данное транспортное средство, а затем задаёт ему направление движения с помощью дейктического жеста с *и... потом... плавнее ехал*.

Анализ совместного использования отношений локальной структуры дискурса в речи с жестами в дискурсивных практиках участников группы В1/В2 показал, что чаще всего жесты употребляются с типом отношения Самоисправления (86%), Кода (86%), Антитеза (80%), Метадискурсив (79%), Оценка (71%), Переформулирование (67%), Повтор (65%), Объединение (64,5%). В меньшей степени жесты сопровождают такие типы отношений, как Последовательность (63%), Хезитация (61%), Интерпретация (60,5%), Согласие (50%). В группе С1/С2 чаще всего жесты сопровождают такие типы высказывания, как Кода (67%). В меньшей степени жесты используются с типами отношений Метадискурсив (49%), Оценка (46%), Интерпретация (46%), Развитие темы (45%), Повтор (40%), Цель (40%), Объединение (39%), Хезитация (38%). В целом определено, что жесты чаще сопровождают речь в группе В1/В2.

Рассмотрим некоторые примеры полимодальных дискурсивных практик участников группы В1/В2 (см. рис. 8-10). Так, одна из участниц (рис. 8), описывая действия героя прочитанного рассказа, использует репрезентирующий жест разыгрывания действия вместе с прагматическим эмфатическим жестом с ЭДЕ и он

Рис. 5 / Fig. 5. Жест-самоадаптер / Self-adapter

Рис. 6 / Fig. 6. Прагматический жест в функции репрезентации компонента дискурса / Pragmatic discourse representational gesture

Рис. 7 / Fig. 7. Дейктический жест направления и репрезентирующий жест олицетворения / Deictic directing gesture and representational embodiment gesture

Источник:

фото 5–8 из личного архива авторов

Рис. 8 / Fig. 8. Отношения Объединение, Интерпретация, Самоисправление с репрезентирующим жестом разыгрывания действия и прагматическим эмфатическим жестом / Joint, Interpretation and Self-correction with representational enactment gesture and pragmatic emphatic gesture

очень много раз прочит...а...читал, которая представляет собой сочетание таких типов отношения, как Объединение, Интерпретация, Самоисправление.

На рис. 9 тип отношения Объединение в *он увидел на столе конверт* сопровождается с помощью дейктического указательного жеста и репрезентирующего жеста олицетворения при «изображении» стола, который расположен в комнате главного героя. Тип отношение Развитие темы в *что здесь есть два человека* сопровождается дейктическими жестами (рис. 10).

Обратимся к некоторым примерам совместного использования отношений в речи и жестов у участников группы С1/С2. Так, в ЭДЕ *ну на улице шёл...сильный дождь,*

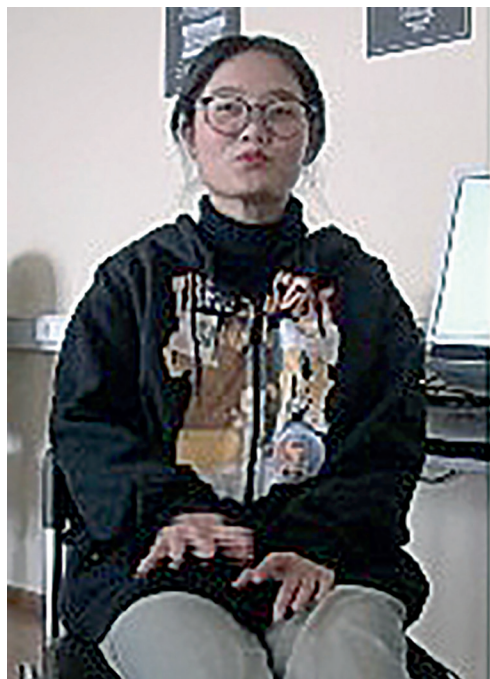

Рис. 9 / Fig. 9. Отношение Объединение с дейктическим указательным жестом и репрезентирующим жестом олицетворения / Joint with deictic pointing gesture and representational embodiment gesture

Рис. 10 / Fig. 10. Отношение Развитие темы с дейктическими указательными жестами / Elaboration with deictic pointing gestures

Источник:

фото 9 и 10 из личного архива авторов

реализующей отношения Метадискурсив (ну), Объединение (*на улице шёл сильный дождь*), Хезитация (*на улице шёл... сильный дождь*), сопровождается дейктическим указательным жестом и репрезентирующим жестом удержания (рис. 11).

ЭДЕ и проводник отводит её ко мне, представляющая отношения Объединения, используется в сочетании самоадаптера и дейктического указательного жеста (рис. 12). Сочетание отношений Метадискурсив (*как бы*), Хезитация (*а...*), Сеттинг (*а... в этом тексте как бы человек описывает маленькую ситуацию*) сопровождается репрезентирующим жестом удержания (рис. 13).

Таким образом, отмечаем ряд общих для обеих групп инофонов закономерностей в реализации полимодальных дискурсивных практик в локальной структуре дискурса: 1) частотное использование

жестов, выполняющих одновременно несколько микрофункций, чаще прагматических; 2) использование репрезентирующих жестов удержания и разыгрывания действия для воплощения компонентов ситуации или представляемых действий субъектов, что, очевидно, помогает говорящему конструировать ситуацию в случае затруднённого поиска способов языковой репрезентации ситуации (что было также обнаружено в ранее проведённом исследовании конструирования дескриптивного дискурса этими же инофонами [6]); 3) использование дейктических жестов как позволяющих говорящему при необходимости называть объекты ситуации, указывать на их местоположение или выделять эти объекты; в этом смысле дейктические жесты «прокладывают путь» к репрезентации объектов при конструировании ситуации.

Рис. 11 / Fig. 11. Отношения Метадискурсив, Объединение, Хезитация с репрезентирующим жестом удержания, дейктическим указательным жестом / Metadiscursive, Joint, Hesitation with representational holding gesture and deictic pointing gesture

Рис. 12 / Fig. 12. Отношение Объединение с самоадаптером и дейктическим указательным жестом направления / Joint with self-adapter and deictic pointing gesture

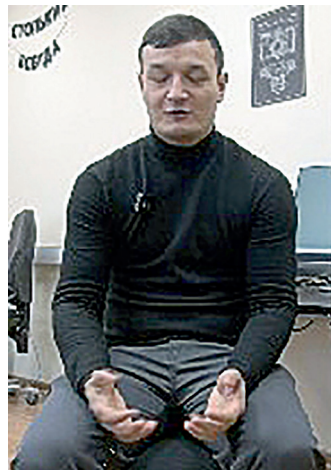

Рис. 13 / Fig. 13. Отношения Сеттинг, Метадискурсив, Хезитация с репрезентирующим жестом удержания / Setting, Metadiscursive, Hesitation with representational holding gesture

Источник: фото 11–13 из личного архива авторов

Полученные данные жестовой активности в условиях спонтанной монологической речи позволяют заключить, что в зависимости от уровня владения иностранным языком через мануальный канал: 1) компенсируется дефицит вербальных средств; 2) осуществляется контроль над речепорождением; 3) обеспечивается связность порождаемого дискурса. В дополнение к этому заметим, что обусловленность нарративного дискурса конкретно иконической репрезентацией не является закономерностью. Более того, использование репрезентирующих жестов в функции удержания, как мы уже увидели ранее, может способствовать структурированию дискурса, т. е. выполнять функцию, смежную с прагматическими жестами, отличаясь от последних меньшей степенью метафоризации. По сути, они могут в определённом смысле заменять и предметные адаптеры, когда инофону необходимо разгрузить психоэмоциональное состояние в ситуации стресса

удержанием воображаемого предмета. Очевидно, эта многофункциональность и является причиной исследовательского «перекоса» в сторону изучения преимущественно иконической репрезентации в коммуникативном поведении билингов.

Заключительные замечания

Проведённое исследование полимодального поведения изучающих русский язык как иностранный при пересказе нарративов позволило сформулировать ряд выводов, указывающих на особенности адаптации инофона к использованию полимодальных дискурсивных практик в «чужой» языковой культуре.

Во-первых, установлены общие закономерности в использовании полимодальных дискурсивных практик в нарративе двух групп (B1/B2 и C1/C2). В речи они проявляются в выборе нарративных отношений Начала и Коды, коммуникативных отношений Коммен-

тария, Вопросы и Экспрессива. В жестовом поведении сходство проявляется в превалировании прагматических жестов, однако, как показано в [15; 16] жесты данного типа в целом превалируют в полимодальном дискурсе носителя языка вне зависимости от типа дискурса. Сходной характеристикой использования отношений локальной структуры дискурса и жестов оказалось частотное сопровождение жестом нарративного отношения Коды. Также сходным является распределение некоторых микрофункций жестов, в частности, использование дейктических жестов указания и направления, репрезентирующих жестов удержания, прагматических жестов репрезентации компонента дискурса, эмфатических жестов и жестов поиска слова, а также жестов-самоадаптеров. При этом особо обратим внимание на достаточно высокое количество жестов поиска слова (среди прагматических жестов) у инофонов; возможно, оно является специфическим, что будет уточнено при анализе данных по иным типам дискурса – аргументатива, экспозитива и инструктива.

Во-вторых, на фоне наблюдаемых сходств в полимодальном поведении двух групп инофонов в нарративном дискурсе наблюдаем и определённые различия, которые можно объяснить разным уровнем языковой компетенции. Это замечание оказывается принципиально важным на фоне существующих на настоящий момент результатов, представляющих преимущественно различия в распределении союзов (союзных слов) и некоторых дискурсивных маркеров в речи инофонов разных групп [2]. В развитие результатов, описывающих проявление отдельных (в основном, риторических) отношений в речи инофонов разных групп [5], в работе установлено распределение всех четырёх типов отношений, что позволяет оценивать общий

уровень дискурсивной компетенции говорящего на русском языке как иностранном. Так, распределение отношений локальной структуры в нарративе демонстрирует превалирование в группе C1/C2 проявлений Метадискурсива, Развития темы, а в группе B1/B2 – проявлений Согласия, Хезитаций и Объединения. Отметим, что сходные данные были обнаружены при анализе дескриптивного дискурса [6], что свидетельствует об относительной стабильности в дискурсе инофона такого распределения. Далее это предположение будет верифицировано в других типах дискурса. Определена и дискурсивная специфика функциональных жестов, в частности, репрезентирующих и прагматических жестов, в т. ч. с учётом совместной реализации ими нескольких микрофункций. Были подтверждены некоторые особенности реализации дискурсивных практик, полученные в изучении иного типа дискурса (дескриптива), в первую очередь, в отношении частотного использования репрезентирующих жестов инофонами [6]. Результаты согласуются и с данными, полученными в [10; 11], в которых показан потенциал репрезентирующих жестов как способствующих конструированию последовательности действий при их воплощении. Последующее привлечение иных типов дискурса для изучения особенностей синхронизации речи и жестов позволит уточнить и детализировать эти данные.

В целом, обнаруженные закономерности могут быть использованы не только для изучения особенностей полимодального конструирования дискурса нарратива инофонами, но и для выработки рекомендаций для формирования процесса обучения инофонов дискурсивным компетенциям. Важное место могут найти полученные результаты и в области идентификации инофонов по их полимодальному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93.
2. Wetzel M., Zufferey S., Gygax P. Second language acquisition and the mastery of discourse connectives: Assessing the factors that hinder L2-learners from mastering French connectives // *Linguages*. 2020. Vol. 5. Iss. 3. Article 35. DOI: 3390/linguages5030035.
3. Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
4. Литвиненко А. Л. Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале (Describing discourse structure in terms of Rhetorical Structure Theory: Application to Russian material) // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям (Аксаково, 11 июня 2001 – 13 июня 2001). Т. 1: Теоретические проблемы. М.: Наука, 2001. С. 159–168.
5. Yi E., Koenig J. P. Grammar modulates discourse expectations: evidence from casual relations in English and Korean // *Language and Cognition*. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 99–127. DOI: 10.1017/langcog.2020.29.
6. Киосе М. И., Ржешевская А. А., Петров А. А. Локальная структура дискурса описания в речи взрослых, изучающих русский язык как иностранный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы 30-й международной онлайн-конференции «Диалог» (Москва, 23 апреля 2025 г.). Вып. 23. М.: Институт русского языка, 2025. С. 158–168. DOI: 10.28995/2075-7182-2025-23-158-168.
7. McNeill D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: Chicago University Press, 1992. 416 p.
8. Goldin-Meadow S. *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge, USA: Harvard University Press, 2000. 304 p.
9. The role of pointing gestures and eye gaze in second language vocabulary learning / P. Janjić, G. Arıkan, H. B. Gudde, J. J. C. Murphy, L. Sivaram, K. R. Coventry // *Discourse Processes*. 2025. Vol. 62. Iss. 8–9. P. 673–691. DOI: 10.1080/0163853X.2024.2343625.
10. Macedonia M., Müller K., Friederici A. D. The impact of iconic gestures on foreign language word learning and its neural substrate // *Human Brain Mapping*. 2011. Vol. 32. Iss. 6. P. 982–998. DOI: 10.1002/hbm.21084.
11. García-Gámez A. B., Macizo P. Gestures as Scaffolding to Learn Vocabulary in a Foreign Language // *Brain Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 21. Article 1712. DOI: 10.3390/brainsci13121712.
12. Ирисханова О. К. Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты «неперевода» // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2023. Т. 14. № 3. С. 40–51. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-3-3.
13. Ченки А. Самофокусировка и диалогичность жестикуляции в синхронном переводе (Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting) // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Т. 28. № 2. С. 227–242. DOI: 10.22363/2687-0088-34572.
14. Gallo F., Abutalebi J. The unique role of bilingualism among cognitive reserve-enhancing factors // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2024. Vol. 27. Iss. 2. P. 287–294. DOI: 10.1017/S1366728923000317.
15. Нечеткая референция в экспозиторном дискурсе: мультимодальные константы в речи и жестах (Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech

- and gesture) / О. Ирисханова, М. Киосе, А. Леонтьева, О. Агафонова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы 29-й международной онлайн-конференции «Диалог» (Москва, 14–16 июня 2023 г.). Вып. 22. М.: РГГУ, 2023. С. 172–180. DOI: 10.28995/2075-7182-2023-22-172-180э.
16. Потехин В. О. Адаптация речевого и жестового поведения в условиях иммерсивной коммуникации: режимы взаимодействия «человек–человек» и «человек–компьютер» (Speech and gesture alignment in immersive communication: Human-Human vs. Human-Computer interaction) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 40–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-40-51.
17. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
18. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience // *Essays on the verbal and visual arts* / ed. J. Helm. Washington: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
19. Коротаев Н. А. Разметка случаев совместного построения в мультимедийном корпусе // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 4 (51). С. 393–397.
20. Ma Li, Martohardjono G., McClure W. The functional roles of lexical devices in second language learners' encoding of temporality: A study of Mandarin Chinese-speaking ESL learners // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 2022. Vol. 60. Iss. 3. P. 563–597. DOI: 10.1515/iral-2018-0298.

REFERENCES

1. Khukhuni, G. T. & Valuitseva, I. I. (2023). The preservation of the ethnic and linguistic identity: unity and contradiction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93 (in Russ.).
2. Wetzel, M., Zufferey, S. & Gygax, P. (2020). Second language acquisition and the mastery of discourse connectives: Assessing the factors that hinder L2-learners from mastering French connectives. In: *Languages*, 5 (3), article 35. DOI: 3390/languages5030035.
3. Kibrik, A. A. & Podlesskaya, V. I. (2009). *Dream Stories: A Corpus-Based Study of Oral Russian Discourse*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
4. Litvinenko, A. L. Describing discourse structure in terms of Rhetorical Structure Theory: Application to Russian material. In: *Proceedings of the International Seminar "Dialogue 2001" on Computational Linguistics and its Applications (Aksakovo, June 11, 2001 – June 13, 2001)*. Vol. 1. Moscow: Nauka publ., pp. 159–168 (in Russ.).
5. Yi, E. & Koenig, J. P. (2020). Grammar modulates discourse expectations: evidence from casual relations in English and Korean. In: *Language and Cognition*, 13 (1), 99–127. DOI: 10.1017/langcog.2020.29.
6. Kiose, M. I., Rzheshhevskaya, A. A. & Petrov, A. A. (2025). Local structure of descriptive discourse in the speech of adult learners of Russian as a foreign language. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Moscow, April 23, 2025)*. Iss. 23. Moscow: Institute of Russian Language publ., pp. 158–168. DOI: 10.28995/2075-7182-2025-23-158-168 (in Russ.).
7. McNeill D. (1992). *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: Chicago University Press.
8. Goldin-Meadow, S. (2000). *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge, USA: Harvard University Press.
9. Janjić, P., Arikan, G., Gudde, H. B., Murphy, S. J. J., Sivaram, L. & Coventry, K. R. (2025). The role of pointing gestures and eye gaze in second language vocabulary learning. In: *Discourse Processes*, 62 (8–9). 673–691. DOI: 10.1080/0163853X.2024.2343625.

10. Macedonia, M., Müller, K. & Friederici, A. D. (2011). The impact of iconic gestures on foreign language word learning and its neural substrate. In: *Human Brain Mapping*, 32 (6), 982–998. DOI: 10.1002/hbm.21084 (in Russ.).
11. García-Gámez, A. B. & Macizo, P. (2023). Gestures as Scaffolding to Learn Vocabulary in a Foreign Language. In: *Brain Sciences*, 13 (21), article 1712. DOI: 10.3390/brainsci13121712.
12. Iriskhanova, O. K. (2023). Simultaneous interpreter in multimodal dimension: the role of gestures in moments of non-interpretation. In: *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (3), 40–51. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-3-3 (in Russ.).
13. Cienki, A. (2024). Self-focused versus dialogic features of gesturing during simultaneous interpreting. In: *Russian Journal of Linguistics*, 28 (2), 227–242. DOI: 10.22363/2687-0088-34572.
14. Gallo, F. & Abutalebi, J. (2024). The unique role of bilingualism among cognitive reserve-enhancing factors. In: *Bilingualism: Language and Cognition*, 27 (2), 287–294. DOI: 10.1017/S1366728923000317.
15. Iriskhanova, O., Kiose, M., Leonteva, A. & Agafonova, O. (2023). Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Moscow, June 14–16, 2023)*. Iss. 22. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp. 172–180. DOI: 10.28995/2075-7182-2023-22-172-180 (in Russ.).
16. Potekhin, V. O. (2024). Speech and gesture alignment in immersive communication: Human-Human vs. Human-Computer interaction. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 40–51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-40-51.
17. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
18. Labov, W. & Waletzky, J. (1967). Narrative analysis: oral versions of personal experience. In: Helm, J. (ed.). *Essays on the verbal and visual arts*. Washington: University of Washington Press, pp. 12–44.
19. Korotaev, N. A. (2022). Annotating co-construction in a multichannel corpus. In: *Cognitive Studies of Language*, 4 (51), 393–397 (in Russ.).
20. Ma, Li, Martohardjono, G. & McClure, W. (2022). The functional roles of lexical devices in second language learners’ encoding of temporality: A study of Mandarin Chinese-speaking ESL learners. In: *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 60 (3), 563–597. DOI: 10.1515/iral-2018-0298 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киосе Мария Ивановна (г. Москва) – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедиа коммуникации Института языкознания Российской академии наук;
<https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>; e-mail: maria_kiose@mail.ru

Ржешевская Анастасия Алексеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета;
<https://orcid.org/0000-0002-5569-3882>; e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

Потехин Вадим Олегович (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета;
<https://orcid.org/0009-0003-2370-5097>; e-mail: pth.vadim@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Kiose (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Centre of Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher, Laboratory of Multichannel Communication, Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences;
<https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>; e-mail: maria_kiose@mail.ru

Anastasiya A. Rzheshhevskaya (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Centre of Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University;
<https://orcid.org/0000-0002-5569-3882>; e-mail: arlen_nastya@rambler.ru

Vadim O. Potekhin (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Centre of Sociocognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University;
<https://orcid.org/0009-0003-2370-5097>; e-mail: pth.vadim@gmail.com

Научная статья

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-305

УДК 811.13

СЛОГАНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАГМАТИКА ВОЗДЕЙСТВИЯ

Скуратов И. В.*, Бен Айсса Ибрахим

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

Поступила в редакцию 25.11.2024

После доработки 28.08.2025

Принята к публикации 01.09.2025

Аннотация

Цель. Установление характерных особенностей слоганов на материале современных языковых новообразований, в том числе закрепление устойчивой связи между именем бренда и товаром за счёт трансфера информации.

Процедура и методы. При исследовании слоганов использовались общие и специальные методы, направленные на обработку современной французской коммерческой рекламы: описательный, сравнительный, контекстуальный, в частности, описание деривационных процессов, а также переводческая интерпретация.

Результаты. Выявлены характеристика современных французских слоганов и средства их образования. Кроме того, установлено, что слоган воспроизводится в рекламе без изменений и может выйти за её пределы в разговорную речь. Значение слогана может характеризоваться идиоматичностью.

Теоретическая и практическая значимость заключается в уточнении определения ценности слогана и его способности эффективно продвигать актуальную для потребителя маркетинговую информацию. Слоган можно изучать как рекламную константу с использованием маркетингового и лингвистического инструментария.

Ключевые слова: слоган, язык рекламы, новые понятия, заимствованные термины, лексико-стилистические средства

Для цитирования:

Скуратов И. В., Бен Айсса Ибрахим. Слоганы во французском языке: лингвостилистический анализ и прагматика воздействия // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 50–60. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-305>

Original research article

SLOGANS IN THE FRENCH LANGUAGE: LINGUO-STYLISTIC ANALYSIS AND PRAGMATIC FORCE

I. Skuratov*, Ben Aissa Ibrahim

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

Received by the editorial office 25.11.2024

Revised by the author 28.08.2025

Accepted for publication 01.09.2025

Abstract

The aim of this article is to establish the characteristic features of slogans based on modern linguistic coinages, including the consolidation of a stable connection between the brand name and the product through the transfer of information.

Methodology. In the study of slogans, general and special methods aimed at processing modern French commercial advertising were used: descriptive, comparative, contextual, in particular, description of derivational processes, as well as translation interpretation.

Results. The characteristics of modern French slogans and the means of their formation are revealed. In addition, the slogan is reproduced in advertising without changes and can go beyond it into colloquial speech. The meaning of the slogan can be characterized by idiomaticity.

Research implications of the paper lies in the clarification of the definition of a slogan's value and its ability to promote relevant marketing information to the customer effectively. The slogan can be studied as an advertising constant using marketing and linguistic tools.

Keywords: slogan, advertisement language, new concepts, borrowed terms, lexico-stylistic means

For citation:

Skuratov, I. V. & Ben Aissa, Ibrahim. (2026). Slogans in the French language: linguo-stylistic analysis and pragmatic force. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp.50–60. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-305>

*Слоган – это романтика рекламного дела.
Краткое образное выражение-девиз.
Афористично и неожиданно выраженная
мысль, рекламное послание.*

М. Айзенберг

Введение

Современная реклама – это не просто инструмент продвижения товаров и услуг, а сложный коммуникативный феномен, отражающий культурные, социальные и лингвистические особенности общества. Особое место в рекламном дискурсе занимает **слоган** – краткое, эмоционально насыщенное высказывание, призванное привлечь внимание, запомниться и побудить к действию.

Французские слоганы отличаются изысканностью, игрой слов, ритмической организацией и часто опираются на национальные культурные коды. В данной статье рассматриваются их лингвостилистические особенности, прагматические функции, приёмы воздействия на аудиторию, а также трансформация слоганов в цифровую эпоху, включая влияние искусственного интеллекта и вирусного контента.

Слоган, являясь сверхкратким рекламным текстом, выражает основное содержание рекламной концепции. Он одновременно и носитель корпоративного имиджа, и связующее звено всех рекламных материалов. Слоган нередко содержит в себе часть креативной образности, которая превращает его в народный фразеологизм, экспрессивное средство разговорной речи, например, «*Prends tout de la vie / Бери от жизни всё*».

На сегодняшний день основные научные интересы связаны с изучением языка французской рекламы, что позволяет также раскрыть способы создания эффективного рекламного слогана.

Общеизвестно, что вопросы словообразования современного французского языка неизменно привлекают к себе внимание исследователей. Находясь в авангарде процессов словообразования, язык рекламы является источником новых слов и понятий, происхождение и способы образования которых многочисленны и разнообразны [1].

В статье анализируются рекламные тексты, представляющие собой слоганы, характеризующиеся высоким уровнем стилистической экспрессивности и прагматической направленности.

В работе сделан акцент на лексико-стилистические средства, используемые в ассоциативно-образных характеристиках объекта рекламы, подчёркивающих привлекательный образ товара, что можно считать новизной исследования.

Цель исследования – установить характерные особенности слоганов в свете новообразований.

В задачи работы входят трактовка понятия и сущности слогана в рекламном тексте, а также выявление его функций и средств создания рекламного образа.

Теоретическая значимость заключается в выявлении лексико-стилистических характеристик слоганов, которые представляют собой рекламную формулу в виде афористической, легко запоминающейся короткой фразы; шаблонный

речевой оборот, банальное лозунговое клише, шумную фразу (в политическом контексте).

Практическая ценность изыскания состоит в возможности применения фактического материала и полученных результатов в практике вузовского преподавания дисциплин, связанных с анализом и разработкой рекламного текста.

Методология исследования включает общенаучные методы, такие как описание, сравнение, индукцию-дедукцию, а также специальные научные методы, в числе которых контекстный, семантический и семный виды анализа.

Слоган как лингвистический и маркетинговый феномен.

Определение и функции слогана

Слоган (фр. *slogan*, от галльского *sluagh-ghairm* – «боевой клич») – это краткий, запоминающийся девиз, выражающий основную идею бренда или рекламной кампании. Его ключевые функции:

- **апеллятивная** (побуждение к действию);
- **информативная** (передача ключевого сообщения);
- **экспрессивная** (эмоциональное воздействие);
- **идентифицирующая** (связь с брендом).

Для современного общества характерны информированность населения, доступ к коммуникациям, практика новых социальных и нравственных ценностей. Этот фактор представляет особый интерес для сферы рекламы, где важны как информированность населения, так и новые технологии рекламы.

Современные люди, особенно молодое поколение, воспринимают информацию об окружающем мире фрагментарно. Такая трансформация фокуса аудитории требует изменения форм подачи информации в вербальном коде. Реклама с целью оповещения населения о предлагаемых

товарах и услугах меняет свою форму: тексты становятся содержательно насыщенными и краткими. Эти качества соответствуют сути слогана, который в настоящее время характеризуется как основное, эффективное маркетинговое средство.

Слоган отличается чёткостью информационного сообщения, компактностью его структуры, использованием всего спектра выразительных средств. В то же время главная цель слогана состоит в привлечении внимания потенциального потребителя к предлагаемому товару, в эмоциональном воздействии – вызвать желание стать обладателем этого товара. В этом проявляется суть апеллятивной и императивной функций слогана [2].

Перечисленные качества, проявляемые слоганом в рекламе, свидетельствуют о его манипулятивных возможностях в плане воздействия на аудиторию. С вышеупомянутой точки зрения, слоган как выразитель основного содержания рекламной концепции, носитель корпоративного имиджа является действенным средством манипуляции аудиторий.

В российской лингвистике научное направление слоганистики находится в стадии развития. В рамках присущих ей аспектов исследования в работах Н. А. Ахреновой [3], О. Н. Баклашкина [4], С. Б. Барушкова [5], Т. П. Романовой [2], Е. И. Бойчук [6], К. В. Киселева [7], Я. Н. Романенко [8], В. Н. Оношко [9], Т. В. Шмелевой¹ и др. изучаются лингвистические и экстралингвистические аспекты слогана, а также уточняется определение самого понятия. В настоящее время целью слогана считается продвижение какой-либо идеи социо-политического и экономического содержания, что определяет агрессивный характер модальности высказывания. При этом в переводе с французского языка под сло-

вом slogan понимается лозунг, призыв, девиз, боевой клич [2; 8, с. 17].

Слоган в словарной дефиниции обозначает часть, обычно заключительную, рекламного текста, представляющего товары и услуги. Слоган легко запоминается, поскольку в его создании используются разнообразные изобразительные средства языка, тропы и синтаксические фигуры. Следует обратить внимание на предпочтение таких приёмов, как парадокс, игра на многозначности слова, омонимии или созвучии.

Впервые термин «слоган» (перевод с английского – «рекламный девиз») появился в англоязычной рекламе. В отечественных разработках стратегии рекламного текста он получил название «лозунг» или «призыв»². Тема рекламного слогана была предметом исследования зарубежных лингвистов: Ж. Деррида [10; 11], Э. Бенвенист [12], Ж. -Ф. Саблероль [13] и др. Согласно современному толкованию слогана, «хороший слоган – это маленькое произведение массового искусства, захватывающее своей неповторимой экспрессией, и одновременно это важнейший инструмент маркетинговой коммуникации» [2].

В коммуникативном отношении слоган представляет собой самостоятельное сообщение. Его отличительной чертой можно считать изолированность от других текстов. В жанровом отношении он образует отдельный дискурсивный поджанр со свойственными ему жанровыми характеристиками. Перечислим основные из них. Суггестивность как побуждение аудитории к действию или типу мышления. Это качество считается необходимым в рекламе, поскольку обладает внушающей силой. В силу компактности текста слогана, предполагающего информационную насыщенность каждого его элемента, лаконичность считается его ещё одной характерной чертой. Наконец, экспрессивность – это

¹ Шмелева Т. В. Слоган // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 617–618. Далее – Шмелева Т. В. Слоган.

² Шмелева Т. В. Слоган. С. 617.

существенная черта слогана. Экспрессивные средства используются в слоганах на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

На основании характеристик, приведённых выше, слоган может быть определён как рекламная фраза в сжатом виде, его место обычно в конце рекламного сообщения рядом с именем фирмы или торговой марки. Слоган подводит итог сказанному в рекламном тексте и служит связующим звеном между разными сообщениями, входящими в общую рекламную кампанию.

По утверждению Я. Н. Романенко, в рекламном тексте именно слоган является структурно-композиционным ядром, которое нацелено на запоминание аудитории, на влияние на сознание и речь людей [8, с. 18].

По целевой направленности выделяются и другие, кроме рекламного, типы слоганов: 1) социальный слоган; 2) политический слоган; 3) коммерческий слоган.

По форме преподнесения выделяют такие виды слоганов, как: 1) поэтический слоган; 2) транспарантный слоган; 3) fashion-слоган; 4) туристический слоган.

Социальный слоган – императивное высказывание, имеющее целью влияние адресанта на адресата сообщения по вопросам социальной значимости (например, охрана окружающей среды, уважение к старшим, гражданская ответственность и самосознание и т. д.).

Политический слоган характеризуется следующими отличительными чертами. Он представляет собой сложное, организованное политически-направленное целое. Эти качества призваны обеспечить успех политическим кампаниям. Слоганы используются в разных форматах: в виде обращения к избирателям во время выступлений с предвыборными программами и публикациями в СМИ. Политический слоган универсален по своему применению: он может быть включённым в политический или агита-

ционный свертхтекст, а может выступать как самостоятельное высказывание и отдельно размещаться на плакатах, растяжках и объявлениях [2, с. 18].

Коммерческий слоган, помимо рекламных целей, служит значимым инструментом пиара коммерческих предприятий, выражая тем самым, ценностную идею предложения определённой компании или потребительскую ценность её продукта. Коммерческий слоган также может транслировать привлекательные стороны имиджа, корпоративной культуры и ценностей, социальных целей компании, заботы о потребителях, общественности, работниках, окружающей среде. Коммерческий слоган является общераспространённой составляющей корпоративной атрибутики наряду с логотипом компании или отдельного бренда, часто размещается на бланках, вывеске и в рекламе.

Поэтический слоган является редким явлением в слоганистике, поскольку применяется в специфической сфере литературы, например, по поводу литературных вечеров, авторских концертов, городских или национальных празднований, театральных представлений и других культурных мероприятий. Иногда поэтическим лозунгом выступает часть какого-то большего поэтического произведения, выражающая подходящую случаю идею или скрытый призыв.

Транспарантный слоган размещается на растяжках, часто имеет отношение к политическим или культурным мероприятиям, событиям, выражая яркую экспрессию, общую идею или цель проведения мероприятия.

Слоган на одежде (fashion slogan) выступает средством самовыражения человека, который её носит. В большинстве случаев, носящий одежду со слоганом разделяет его в своей жизненной позиции и желает транслировать заложенное в лозунге сообщение окружающим [3, с. 7]. В таком случае слоган на одежде играет важную роль для самооценки по-

купателя и формирования определённого мнения о нём окружающих. Ср.: русскую поговорку «По одежке встречают ...»

Туристический слоган относится к разряду коммерческих, часто рекламных текстов, нацелен на привлечение внимания потенциальных клиентов к определённым туристическим услугам. Отличительной чертой туристического слогана является использование элементов национального колорита для создания привлекательного образа страны, а также сопровождение красочными фотографиями, видеоматериалами, иллюстрирующими текст.

В настоящей работе изучаются современные французские слоганы, представляющие товары и услуги, то есть коммерческие слоганы. В то же время рассматриваются слоганы социальной рекламы, направленные на удовлетворение общественных нужд. Разная целевая аудитория исследуемых слоганов предполагает использование различных стратегий и тактик и воздействующих средств, реализуемых слоганами.

Классификация слоганов

Во французской рекламе можно выделить несколько типов слоганов (см. табл. 1).

Слоган может быть рассмотрен, с одной стороны, как отражение социальных процессов, с другой – как коммуникативно-познавательная единица. Слоганы относятся к соединительным текстам социально значимого содержания, раскрывающим особенности общественного сознания. Система совокупности их смыслов предназначена социальной практике, коллективной памяти и восприятию.

Лингвостилистические особенности французских слоганов

В статье рассматриваются лексико-стилистический и синтаксический аспекты функционирования слогана.

Фонетические приёмы

Французские слоганы часто используют:

1. Рифму: *Tout vouloir, tout avoir* (Lancia Dedra).
2. Аллитерацию: *Chic, choc, chouette, dimanche* (Coca-cola).
3. Игру звуков: *Nestlé, c'est toute une histoire* (Nestlé).

Лексико-семантические средства

1. Парадокс. *Une voiture unique fabriquée à plusieurs exemplaires* (Peugeot 607,

Таблица 1 / Table 1

Типы слоганов во французской рекламе / Types of slogans in French advertising

Тип	Пример	Анализ
Коммерческий	<i>Parce que je le vauх bien</i> (L'Oréal)	Апелляция к самооценке, использование местоимения <i>je</i> для персонализации.
Социальный	<i>Économiser l'eau, c'est préserver notre avenir</i> (Ministère de l'Écologie)	Императив + экологическая риторика.
Политический	<i>Liberté, Égalité, Fraternité</i> (девиз Франции)	Краткость, ритмичность, опора на национальные ценности.
Туристический	<i>«Rendez-vous en France»</i> (Atout France)	Использование идиоматики (<i>rendez-vous</i>) для создания образа гостеприимства.

novembre 2001) – подчёркивает эксклюзивность массового продукта.

Рекламный текст содержит соединение антонимов «единственное» и «несколько». В этом выражается парадоксальность и двусмысленность как приёмы притягательности и соблазна, воздействующие на будущего владельца автомобиля.

2. Каламбур. *Dirty “sale”* (EDF) – игра слов: *sale* («грязный») и *solde* («скидка»).

3. Метафора. *La vie en rose* (Perrier) – ассоциация с шампанским и лёгкостью бытия.

Синтаксические особенности

1. Императивные конструкции. *Prends donc un peu Badoit* (Badoit) – прямое побуждение.

2. Эллипсис. *Just do it* (Nike, франц. версия) – лаконичность и динамика.

3. Повтор. *C'est si bon de faire un caprice. Caprice à deux, Caprice des Dieux* (Caprice Des Dieux) – создаёт эффект нарастания.

Культурные коды и национальная специфика

Французские слоганы часто эксплуатируют:

1. Гастрономические образы (*Du pain, du vin, du Boursin*).

2. Романтическую риторику (*L'amour est dans le pré* – реклама сельхозпродукции).

3. Исторические аллюзии (*La République des Citoyens*) – политический слоган).

Анализ современных цифровых слоганов

1. *Venez comme vous êtes* (McDonald's France). В оформлении задействованы контекст и лингвостилистика.

Контекст. Кампания, направленная на инклюзивность и принятие.

Лингвостилистика. Простота и прямота (*comme vous êtes* – «как есть»). Использование глагола *venir* («приходить») вместо *acheter* («покупать») – снижает коммерческий оттенок.

Цифровая адаптация. Хэштег #CommeVousÊtes в соцсетях. Используются видеоролики с реальными людьми вместо моделей.

2. *Le futur, c'est maintenant* (Orange)

Контекст. Продвижение цифровых инноваций.

Лингвостилистика. Антитеза (*futur vs maintenant*). Лаконичность (5 слов).

Цифровая адаптация. Интерактивные баннеры с AR-эффектами. Интеграция в голосовые помощники (Alexa, Siri).

3. *Parce que le luxe devrait être un droit* (Yves Saint Laurent)

Контекст. Демократизация люксового бренда.

Лингвостилистика. Использование модального глагола *devrait* («должен») – намёк на социальную ответственность. Контраст (*luxe vs droit*).

Цифровая адаптация. NFT-кампании. Коллаборации с цифровыми художниками.

Рассмотрим особенности рекламного текста в аспекте неологии, перевода, социальной политики, возрастных категорий получателя рекламы.

Слоганы в аспекте неологии

Современный язык рекламы широко использует неологизмы, в частности заимствования из английского: например, *Customerize* (*Le Monde*, 23.02.93) / кастомизирование. На базе заимствованных элементов возможно образование новых частей речи: *customerize* – *customerizer*. *Customerize* – это маркетинговый термин, суть которого состоит в индивидуальном подходе к клиентам с целью их сохранения и привлечения новых. Термин взят на вооружение компаниями в сфере услуг, в том числе туристических, при составлении групповых или индивидуальных маршрутов с учётом пожеланий клиентуры [13].

Данный неологизм *customerize* – *customerizer* принадлежит сфере менеджмента, как и некоторые другие, более

или менее известные: *globalisation – globaliser, informatisation – informatiser, industrie – industrialiser*.

Перечисленные термины зафиксированы словарём, поэтому могут служить примером для подражания новому заимствованию *customerizer* в качестве показателя модернизации сферы услуг. Как, например, выставка «Кастом особого назначения»: «Выставка, посвящённая кастомизации байков из дерева, стали и золота, открывшаяся недавно в Музее Гаража особого назначения ФСО России ...»; «Этот байк, как и все экспонаты выставки, был полностью кастомизирован – собран практически с нуля! – как сообщает нам кастомайзер»; «Кастомизация – это отдых для души. Всегда хочется собрать что-то невероятное с нуля»³.

Франкоязычные слоганы в аспекте перевода

Сохранение экспрессии в переводе считается трудной задачей, допускающей более свободные формы передачи стилистического компонента.

В примере *Prends donc un peu Badoit et ton repas pétillera, tu verras la vie autrement / Выпей глоток Бадуа и засверкает еда, и ты увидишь жизнь в других красках*⁴ рекламируется газированная минеральная вода из уникального французского источника. В оригинальном тексте используется рифма *repas pétillera* и *tu verras*, где звучное, раскатистое французское *re* настраивает на оптимистический лад и подчёркивает императивный характер слогана. Эти качества текста не полностью сохранены в русском переводе.

Il organise, il Wap, il Word, il Excel, il e-mail, il MP3, il e-book, il Internet, il GPRS... et en plus, il téléphone ! (Wiko, 2011) / Он взаимодействует с миром посредством современного базового обеспечения: *What-*

sApp, Word, Excel, e-mail, e-book, Internet, GPS... более того, по нему можно звонить. Слоган относится к коммерческому типу и рекламирует многофункциональность предлагаемых телефонов. В переводе текста рекламы используется гипонимический перевод: *organizer* переведено по контексту. Используется стилистический приём возрастающей градации при перечислении технических возможностей товара. Парадокс заключается в противопоставлении основной функции телефона его дополнительным возможностям. В общей сложности, подчёркивается многофункциональность телефона «второго или следующего за ним поколения». В этом также можно заметить англо-американский след, поскольку речь идёт о цифровых технологиях.

Особенности лозунгов социальной рекламы

Chez les Scouts on apprend à jouer la nourriture (Fédération des Scouts Baden-Powell de Belgique, 1998) / Со скаутами научишься играть с едой. Этот слоган принадлежит социальному типу рекламы и нацелен на вовлечение детей и подростков в образовательно-воспитательное движение. Слоган основан на парадоксе, поскольку известно, что «с едой не играют» – стереотипная фраза, повторяющаяся из поколения в поколение без изменения. «Нельзя играть с едой», это аморально. Тем более, общеизвестно, что бойскауты – это члены молодёжного движения, нацеленного на хорошее воспитание и высокую мораль. При формировании слогана использовано стилистическое средство – игра слов.

Ещё пример: *Dirty « sale »* (EDF, 1998) / Запрещённая скидка (заимствование из английского языка, буквально «грязная скидка», в английском языке-доноре *Dirty sale* не имеет отношение к экологии.). Французский слоган относится к социальному типу и представляет крупнейшую в мире энергетическую компанию

³ Вересаева М. На ВДНХ привезли уникальные байки: из дерева, стали и золота // Газета МЕТРО. 10 апреля 2025. № 54 (66/5605). С. 3.

⁴ Здесь и далее перевод авторов статьи – И. С., И. А.

«Электрисите де Франс», подвергнув заимствование переосмыслению. Буквальный перевод выражения «грязная скидка» звучит парадоксально. Такое впечатление, что эти слова написаны хулиганской рукой на запылённом стекле фасадов современных зданий или на кузове автомобилей. Смысл рекламного слогана в интерпретации парадокса с тем, чтобы понять, что речь идёт о промышленном загрязнении и об озабоченности этим процессом таких предприятий, как EDF, выпускающей чистую продукцию, которая не наносит ущерб окружающей среде. Важно отметить, что текст слогана инициировал появление известной в наши дни песни с тем же названием, расширив тем самым коннотационные рамки в сфере музыкальной индустрии.

Детская тема в рекламе

La bobotte qui monte qui monte (Phosphore, n 243, sept. 2001) / Малюсенький сапожок растёт и растёт. Синтаксический повтор используется в тексте как основной лингвостилистический приём. Слоган относится к коммерческому типу с учётом возрастной категории покупателей. В рекламном тексте акцент сделан на размере обуви, в то же время подчёркивается растущий успех этой модели детской обуви на утолщённой подошве, которая приглянулась молодёжи в её желании следовать моде.

В оформлении слогана учитывается возрастной параметр получателя рекламной продукции, как, например, в рекламе праздничных мероприятий Хэллоуина, особенно привлекательного для детей: *Au tant d'idées? j'Halloween !!! (Malin Plaisir, le 2 octobre 1990) / Так много идей? Я утонул в Хэллоуине.* Слоган относится к коммерческому типу сферы услуг. В тексте рекламы использовано заимствование из английского языка, адаптированного французской морфологией в форме глагола 1-ой группы, 1 лица ед. числа. Русский перевод не представляет трудности понимания

для носителя языка, так как существуют английские заимствования на основе номинативного корнеслова, например, как глагол «*сникерснуть*» от существительного «*сникерс*» (см. выше, пример с кастомизацией). Несмотря на переход в другую часть речи, в процессе переосмысления заимствованное слово «*сникерс*» даёт полное представление о значении деривата.

Приведённые выше примеры наглядно показывают разнообразие стилистических средств, используемых в создании слоганов в их многомерной семантической характеристике, передающей содержание коммерческого послания. Используются стилистические приёмы: парадокс, возрастающая градация, повтор, а также семантические преобразования новых частей речи на основе заимствованных элементов.

Заключение

В результате рассмотрения слоганов были выявлены их характерные черты, в числе которых установление прочной связи между именем бренда и товаром посредством трансфера информации. Рассмотренные примеры свидетельствуют о стилистической насыщенности рекламного текста: повтор, парадокс, метафора, эпитет, рифма и другие.

Среди выявленных функций слогана, направленных на привлечение клиентов, подчеркнём следующие: аппеллятивно-информационная и императивная. Предназначение информативной функции в коммуникативном отношении можно рассматривать как универсальное. Отличительной чертой рекламной информации является ярко выраженная целенаправленность и насыщенная в смысловом отношении редуцированная форма.

Информативная функция обусловлена её императивным характером. Обращение посредством слогана предполагает выполнение его директив, при этом действия целевой аудитории представляются ей добровольными и самостоятельными.

Характерная для слогана экспрессивная функция состоит в возможности передачи в сокращённой речевой форме яркого образа действительности за счёт использования фигур речи и стилистического синтаксиса. Таким образом, императивная, экспрессивная и коммуникативная функции совмещены в слогане.

Удачный слоган – это половина успеха рекламной кампании. Создавая слоганы, копирайтер поднимается на новую ступень своего профессионального мастерства.

Итак, французские слоганы – это синтез лингвистической креативности и маркетинговой стратегии. Их успех строится на:

- языковой игре (каламбур, рифма);
- эмоциональной вовлечённости (апелляция к ценностям);
- культурной узнаваемости (опора на национальные стереотипы).

Исследование слоганов позволяет глубже понять не только механизмы рекламной коммуникации, но и эволюцию языка в условиях медиатизированного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография: на франц. яз.; 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2021. 154 с.
2. Романова Т. П. Современная слоганистика: учебное пособие. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2013. 192 с.
3. Ахренова Н. А., Орлова А. А. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19.
4. Баклашкина О. Н., Герасимова Е. М., Курилова А. М. Структурно-семантические особенности французских рекламных слоганов // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 1. С. 130–139. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(1).130-139.
5. Барушкова С. Б. Лексические особенности французского рекламного слогана // Преподаватель XXI век. 2021. № 2-2. С. 369–375. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-369-375.
6. Бойчук Е. И. Лексико-грамматическая функция повтора (на материале французского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 157–166. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_157.
7. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: Изд-во УрОРАН, 2002. 284 с.
8. Романенко Я. Н. Рекламный текст как объект лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 293 с.
9. Оношко В. Н. Рекламный слоган: проблемы перевода // Профессиональная коммуникация: культурологические, лингвистические и дидактические аспекты исследования: монография. Т. 1. Тамбов: Тамбовская региональная общественная организация «Общество содействия образованию и просвещению «Бизнес – Наука – Общество», 2012. С. 286–288.
10. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. 376 с.
11. Derrida J. La Dissemination. Paris: Editions du Seuil, 1972. 408 p.
12. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. France: Gallimard, 1993. 242 p.
13. Sablayrolles J.-F. Nouveauté, reprise et détournement dans les mots et slogans publicitaires // Les Cahiers du CIEP. L'invention verbale en français contemporain. Paris: Les Editions Didier, 2003. P. 36–44.

REFERENCES

1. Skouratov, I. V. (2021). *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain*. Moscow: MRSU Ed. Office.
2. Romanova, T. P. (2013). *Modern sloganistics*. Samara: Bakhrakh-M publ. (in Russ.).
3. Akhrenova, N. A. & Orlova, A. A. (2021). Discourse characteristics of Fashion blogging. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19 (in Russ.).
4. Baklashkina, O. N., Gerasimova, E. M. & Kurilova, M. A. (2023). Structural-Semantic Features of Advertising Slogans in French. In: *Bulletin of Baikal State University*, 33 (1), 130–139. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(1).130-139 (in Russ.).
5. Barushkova, S. B. (2021). Lexical Features of the French Advertising Slogan. In: *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2-2, 369–375. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-2-369-375 (in Russ.).
6. Boychuk, E. I. (2023). Lexical-grammatical function of repetition in the french language. In: *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 1, 157–165. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_157 (in Russ.).
7. Kiselev, K. V. (2002). *Political Slogan: Problems of Semantic Policy and Communication Technique*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences publ. (in Russ.).
8. Romanenko, Ya. N. (2007). *Advertising text as an object of linguistic research* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
9. Onoshko, V. N. (2012). Advertising slogan: translation problems. In: *Professional communication: cultural, linguistic and didactic aspects of the research. Vol. 1*. Tambov: “Obshchestvo sodeystviya obrazovaniyu i prosveshcheniyu «Biznes – Nauka – Obshchestvo»” publ., pp 286–288 (in Russ.).
10. Derrida, J. (2012). *Marges de la philosophie*. Moscow: Akademicheskii Proyekt publ. (in Russ.).
11. Derrida, J. (1972). *La Dissemination*. Paris: Editions du Seuil.
12. Benveniste, E. (1993). *Problèmes de linguistique générale*. France: Gallimard.
13. Sablayrolles, J.-F. (2003). Nouveauté, reprise et détournement dans les mots et slogans publicitaires. In: *Les Cahiers du CIEP. L'invention verbale en français contemporain*. Paris: Les Editions Didier, pp. 36–44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скуратов Игорь Владимирович (Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения; <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>; e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

Бен Айсса Ибрахим (Москва) – аспирант кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения; e-mail: ibrahimbens@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Skuratov Igor Vladimirovich (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Germanic and Romance Philology, Federal State University of Education; <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>; e-mail: iv.skuratov@guppros.ru

Ben Aissa Ibrahim (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Germanic and Romance Philology, Federal State University of Education; e-mail: ibrahimbens@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'373.612.2
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-61-76

ОБРАЗ ОПЬЯНЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Уразаев М. Д.

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация
e-mail: marat-urazaev@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.09.2025

После доработки 01.12.2025

Принята к публикации 03.12.2025

Аннотация

Цель. Статья посвящена анализу концептуальной метафоры «психоэмоциональная избыточность – это опьянение». Цель состоит в выявлении и описании функционирования образа опьянения как средства метафорической репрезентации эмоций.

Методология. Материалом послужили 50 примеров из языковых корпусов. Анализ проведён в рамках расширенной теории концептуальной метафоры (РТКМ) с учётом иерархии в структуре метафоры.

Результаты. Установлено, что образ опьянения является когнитивным механизмом гиперболизации эмоций, объединяющим позитивные и негативные сценарии в сферу «эмоциональное опьянение». На абстрактном уровне метафора структурирует восприятие чрезмерности как переполнение, утрату устойчивости или сужение восприятия.

Теоретическая значимость заключается в уточнении иерархии метафоры эмоционального опьянения и развитии положений РТКМ. **Практическая значимость** – в применении результатов при межъязыковом сопоставлении, анализе дискурса и разработке курсов по когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: образ-схема, опьянение, концептуальная метафора, понятийное смешение, психоэмоциональная избыточность, фрейм

Для цитирования:

Уразаев М. Д. Образ опьянения в концептуальной метафоре эмоциональной избыточности // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 61–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-61-76>

Original research article

THE IMAGE OF INEBRIATION IN THE CONCEPTUAL METAPHOR OF EMOTIONAL EXCESS

M. Urazaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

e-mail: marat-urazaev@yandex.ru

Received by the editorial office 16.09.2025

Revised by the author 01.12.2025

Accepted for publication 03.12.2025

Abstract

Aim. The article analyzes the conceptual metaphor “psycho-emotional excess is inebriation”. The aim is to identify and describe the functioning of inebriation as a means of metaphorical representation of emotions.

Methodology. The material consists of 50 examples from language corpora. The analysis was carried out within the Extended Conceptual Metaphor Theory (ECMT), considering the hierarchical structure of the metaphor.

Results. It has been shown that inebriation serves as a cognitive mechanism for the hyperbolization of emotions, combining positive and negative scenarios in the sphere of emotional inebriation. At the abstract level, the metaphor structures excess as overflow, loss of balance, or narrowing of perception.

Research implications. Theoretical significance lies in clarifying the hierarchy of the metaphor of emotional inebriation and extending the provisions of the ECMT. Practical significance concerns its applicability to cross-linguistic comparison, discourse analysis, and the development of courses in cognitive linguistics.

Keywords: image-schema, inebriation, conceptual metaphor, conceptual blend, emotional excess, frame

For citation:

Urazayev, M. D. (2026). The image of inebriation in the conceptual metaphor of emotional excess. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp. 61–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-61-76>

Введение

Категория избыточности отражает ситуации выхода за рамки нормы – эмоциональной, ментальной, поведенческой или физической. Поэтому абстрактные понятия часто выражаются через языковые средства чрезмерности, которые предназначены для того, чтобы показать степень интенсивности их коннотаций [1]. Следовательно, подобные понятия часто находят отражение в концептуальных метафорах, суть которых проявляется в выражении типически абстрактных понятий через типически конкретные [2, p. 19]. В

языке данная категория часто реализуется через телесно мотивированные образы, поскольку воплощённое познание глубоко укоренено в структуре языковых единиц [3]. В частности, метафоры чрезмерности включают модели: ИЗБЫТОК – ЭТО ВЕС (*weighed down by bureaucracy – перегружен работой*), ИЗБЫТОК – ЭТО ВЫСОТА (*over the moon with happiness – пик карьеры*), ИЗБЫТОК – ЭТО ОБИЛИЕ ЖИДКОСТИ (*a flood of data – утонуть в делах*) [4].

Одной из самых показательных метафор, отражающих категорию чрезмер-

ности, является проекция между понятиями чрезмерности и опьянения. Эта метафора известна ещё с античности: в частности, на неё указывает Платон в диалоге «Пир», где древнегреческий политик Алкивиад в разговоре с Сократом описывает чрезмерную погружённость последнего в философские изыскания как состояние опьянения [5]. Следует отметить, что данное наблюдение не случайно, поскольку на физиологическом уровне алкогольное опьянение ассоциируется с утратой самоконтроля [6], что, в свою очередь, типически связано с различными ментально-соматическими аспектами, выходящими за рамки нормы [7; 8]. Поэтому образ опьянения активно используется в языке для концептуализации состояний высокой интенсивности [9].

Само по себе опьянение представляет собой сложный феномен, который можно определить как изменённое психофизическое состояние. Известно, что в состоянии изменённого восприятия человеку свойственно преувеличивать отдельные аспекты действительности [10], что неизбежно находит своё отражение в языке. И, как отмечает А. В. Нагорная, «использование обычных слов для обозначения очень необычных, уникальных переживаний – это элегантное когнитивное и языковое решение» [11, с. 1054], что отражается в таких примерах, как: *drunk with love, drunk with power – опьянённый любовью, опьянённый властью* и т. д.

Таким образом, образ опьянения не только отражает воплощённое восприятие чрезмерности, но и служит когнитивным механизмом концептуализации различных форм психоэмоциональной избыточности. Однако описание структурных уровней этой метафоры и её реализации в английском и русском языках до сих пор не получило достаточного освещения, а в этом и заключается актуальность настоящего исследования.

Цель настоящей статьи заключается в описании функционирования понятия

алкогольного опьянения как средства метафорической репрезентации чрезмерности на материале русского и английского языков.

Объектом исследования являются концептуальные метафоры, представленные сферой-источником «психоэмоциональная избыточность» и сферой-целью «опьянение».

Предметом исследования выступают когнитивные механизмы метафоризации чрезмерности через образ алкогольного опьянения в английском и русском языках.

Задачи исследования:

1. Выборка метафорических выражений, отобранных из корпусов английского и русского языков.

2. Обозначение теоретическо-методической базы исследования согласно расширенной теории концептуальной метафоры.

3. Анализ иерархической структуры метафоры «психоэмоциональная избыточность – это опьянение», включающий выявление основных когнитивно-лингвистических признаков.

4. Интерпретация полученных данных путём обобщения выявленных когнитивно-лингвистических признаков, а также сопоставления их реализации в русском и английском языках.

Материал настоящего исследования представлен примерами метафор со сферой-источником «чрезмерная эмоциональность» и сферой-целью «опьянение», отобранными из Corpus of Historical American English (COHA)¹ и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)². В выборку включались тексты XIX–XXI вв., что обеспечивает репрезентативность метафоры в диахронии и исключает возможную архаическую разобщённость

¹ Corpus of Historical American English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (дата обращения: 20.08.2025). Далее – СОНА.

² Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2025). Далее – НКРЯ.

материала. Также при отборе материала учитывались жанровые характеристики: художественная проза и публицистика; специализированные научные и технические тексты исключались, поскольку в них метафора реализуется нетипично. В силу формата статьи выборка ограничена 25 примерами из английского корпуса и 25 примерами из русского корпуса соответственно.

Следовательно, целью исследования не является количественный анализ или выявление всех возможных аспектов указанной метафорической конструкции; основной акцент сделан на качественном анализе, направленном на выявление и описание типических когнитивных признаков, лежащих в основе метафоры.

Методология выборки и анализа материала

Единицей анализа признаётся контекст уровня фразы, предложения и абзаца, в котором реализуется метафорическая проекция «психоэмоциональная избыточность – это опьянение». Для выявления метафор применялся целенаправленный поиск по сочетанию двух семантических зон: (А) «опьянение» и (В) «эмоциональный катализатор». На первом этапе были составлены два списка лемм, репрезентирующих указанные зоны. На втором этапе извлекались контексты, где элементы (А) и (В) совмещались в пределах одной предикативной группы или были связаны зависимостью «экспериментер → опьянение → эмоциональный катализатор». Следовательно, для поиска использовались предикативно-ролевые шаблоны типа: 1) *A drunk with B*; 2) *A опьянён B*. Таким образом, минимальным контекстом считается предикативная группа с обозначенным или реконструируемым из ситуации экспериментером и эмоциональным катализатором.

Отсюда следует, что из выборки исключались примеры с буквальной семан-

тикой алкогольного опьянения (напр., *drunk with whisky – пьян от виски*).

Структура метафоры ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ – ЭТО ОПЬЯНЕНИЕ анализировалась в рамках расширенной теории концептуальной метафоры З. Кёвечеша [2], предполагающей иерархию: образ-схемы → понятийные сферы → фреймы → понятийные смешения.

Наиболее абстрактный уровень отражают образ-схемы, которые представляют допонятийные структуры, «возникающие благодаря регулярно повторяющимся движениям тела человека при взаимодействии с окружающим миром; они отражают результаты сенсорного и моторного опыта, приобретаемого из разных коммуникативных и семиотических модальностей» [12, с. 79]. Взаимодействие различных образ-схем формирует понятийные сферы, которые конкретизируют разные аспекты опыта, организуя их в целостную систему фреймов [13, р. 514].

Фрейм – это менее абстрактная когнитивная структура, содержащая информацию об определённом аспекте понятийной сферы, а также признаки для его интерпретации [14]. Сами фреймы являются базовыми структурированными сценариями, на которые опираются понятийные смешения, извлекая из них элементы для интеграции и создания нового смысла.

Понятийные смешения – контекстуально обусловленные метафоры, в рамках которых, согласно теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера [15], при взаимодействии области-источника и области-цели в контексте порождается новый смысл.

В данной статье модель понятийного смешения (далее – М-модель) фиксируется формулой «источник – цель → порождаемый смысл» с выделением супер- и субординатных типов. М-модели категорируются по фреймам, в рамках которых анализируется структуриро-

ванная информация об участниках, ролях и действиях в общих сценариях. На основе анализа фреймов выявляются обобщённые аспекты восприятия понятийной сферы-источника «чрезмерная эмоциональность» через понятийную сферу-цель «опьянение». Через анализ понятийных сфер определяются базовые сенсорно-моторные структуры, лежащие в основе восприятия избыточности через образ опьянения.

Алгоритм анализа включает: 1) выборку корпусных данных; 2) выделение М-моделей и описание их структуры (источник – цель → порождаемый смысл); 3) анализ фреймов (роли, действия, сценарии); 4) описание понятийной сферы, объединяющей фреймы; 5) анализ образ-схем, структурирующих понятийную сферу; 6) интерпретацию данных анализа.

Иерархический анализ метафоры «психоэмоциональная избыточность – это опьянение»

Предварительная оценка показывает, что когнитивная метафора «психоэмоциональная избыточность – это опьянение» реализуется через 4 фрейма, каждый из которых отражает определённый сценарий переживания интенсивного состояния.

Анализ корпусных примеров, объединённых фреймом «пьянящая эйфория» на уровне понятийных смещений, позволяет выделить 6 суперординатных и 20 субординатных М-моделей.

Примеры (1)–(4) иллюстрируют концептуализацию состояния эмоционального подъёма от чувства свободы через образ опьянения, где воодушевление и расслабление выступают типическими признаками. Здесь реализуется суперординатная М-модель [ЭЙФОРИЯ ОТ ЧУВСТВА СВОБОДЫ – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРИЯ].

Примеры (1)–(2) актуализируют субординатную М-модель [эйфория от чувства свободы – пьяная эйфория →

воодушевление], где субъект испытывает чувство воодушевления от возможности проявления своих чувств и действий, ср.:

(1) ...prominent democrats said to me, “Some of our people, *drunk with freedom*” ...³

(2) ...профессор Плейшнер, *опьянённый воздухом свободы*, петляет по узким улочкам...⁴

Во фрагментах (3)–(4) субординатная модель [эйфория от чувства свободы – пьяная эйфория → расслабление] порождает значение, которое указывает на психофизическую разрядку, ср.:

(3) Silence. A whole hour of it ...*I felt drunk with Freedom!*⁵

(4) Гарик, *опьянённый свободой*, спал на раскладушке.⁶

Суперординатная М-модель [ЭЙФОРИЯ ОТ ОБРАЗА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРИЯ] отражает концептуализацию уверенности в своих возможностях через образ опьянения (5)–(6).

Фрагмент (5) реализует частная М-модель [эйфория от образа желаемого будущего – пьяная эйфория → воодушевление], где экспериенцер ободрён чувством надежды:

(5) *Elated with praise, full – nay, drunk with hope – and sure of fulfilling every early prediction – I began my career.*⁷

М-модель [эйфория от образа желаемого будущего – пьяная эйфория → неограниченный аффорданс] указывает на переоценку возможностей, приводящую к снятию барьеров:

(6) *They were drunk with the possibilities of action...* Totalitarian leaders carried be-

³ Studies in the South // The Atlantic. 1883 [СОНА].

⁴ Сергей Шаргунов: Будешь по-настоящему уметь читать – без работы не останешься // Правмир [НКРЯ].

⁵ Bradbury R. The Murderer // The Golden Apples of the Sun. 1953 [СОНА].

⁶ Завершнева Е. Высотка. 2012 [НКРЯ].

⁷ Allston W. Monaldi: A Tale. 1841 [СОНА].

yond all limits a habit of thought commonly present in political action...⁸

Во фрагментах (7)–(9) демонстрируются суперординатная М-модель [ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДЪЁМ ОТ БЛАГОРАСПОЛОЖЕНИЯ – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРИЯ], где сильное воодушевление под влиянием положительной оценки или дружелюбного приёма концептуализируется через образ опьянения.

М-модель [эмоциональный подъём от благорасположения – пьяная эйфория → воодушевление] актуализирует позитивную эмоциональную реакцию на неожиданную радость:

(7) How she got through the congratulations and out to Billy, patiently waiting at the main campus gate, Lydia was not sure, for *she was quite drunk with surprise and pleasure*.⁹

Излишек лестолубия может стать причиной нарушения рационального поведения, что проявляется через частную М-модель [эмоциональный подъём от благорасположения – пьяная эйфория → потеря контроля → искажение приоритетов → отрыв от реальности]:

(8) *Опьяненный ласковым приемом*, Петенька по личному почину подписал с ним договор на сумму втрое большую, чем был уполномочен...¹⁰

М-модель [эмоциональный подъём от благорасположения – пьяная эйфория → утрата самоконтроля → импровизационное действие] показывает радость от положительного отношения как причину спонтанности решений:

(9) *Опьяненный теплой встречей*, министр неожиданно решил проверить несение службы городским отделом¹¹.

Суперординатная М-модель [ЭЙФОРИЯ ОТ УСПЕХОВ – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРИЯ → ПОТЕРЯ КОНТРОЛЯ] де-

монстрирует состояние чрезмерного воодушевления от достигнутых целей.

Переизбыток чувства собственной значимости от достижений в жизни может привести к высокомерию и пренебрежению обязанностями. Эти аспекты представляет субординатная М-модель [эйфория от успехов в жизни – пьяная эйфория → потеря контроля → гордыня и пренебрежение нормами]:

(10) Fred was, she knew, *slightly drunk with success*; he attended to his minimum of labor with the least possible effort with the least possible effort, had an expensive apartment on the Drive, and neglected her except, when he needed money¹².

(11) Но Гарабурда-младший, *опьяненный славой*, кинул нефтяника и денег ему не отдал¹³.

Частная М-модель [эйфория от успехов перед публикой – пьяная эйфория → потеря контроля → утрата сил] указывает на сильную эмоцию, ведущую к истощению:

(12) У него теперь в его распоряжении оставался лишь крошечный запас той энергии... *Костромской, опьянённый первым шумным криком*, который ему сделала публика, уже растратил в первом действии этот незначительный запас.¹⁴

В примере (13) эмоциональная реакция на победу в личной жизни порождает экстатическую радость, выражаемую через субординатную М-модель [эйфория от успеха в отношениях – пьяная эйфория → утрата контроля → ликование], ср.:

(13) *She became quite drunk with happiness*, quite delirious at the sudden, the obvious solution to her problem. The whole tortured question of whether Beverly loved her enough resolved itself into the simple answer that he would marry her.¹⁵

⁸ Arendt H. The origins of totalitarianism. 1973 [СОНА].

⁹ Morrow H. Lydia of the Pines. 1917 [СОНА].

¹⁰ Принц Уэльский // Октябрь. 2001. № 12 [НКРЯ].

¹¹ Поляков Ю. Охота на любимца Брежнева. 1997 [НКРЯ].

¹² Rinehart M. R. The Breaking Point. 1922 [СОНА].

¹³ Поляков Ю. Гипсовый трубоч: дубль два. 2010 [НКРЯ].

¹⁴ Куприн А. И. Полубог (Пережитая слава). 1896 [НКРЯ].

¹⁵ Lee A. Indifferent Children. New York: Prentice-Hall, 1947 [СОНА].

Суперординатная М-модель [ВОСХИЩЕНИЕ – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРИЯ] передаёт состояние яркого эмоционального отклика на объекты эстетическо-экзистенциальной ценности.

Эмоциональный отклик при природном восторге порождает чувство ощущения гармонии с окружающим миром, что передаётся частной М-моделью [восхищение природой – пьяная эйфория → экзистенциальная полнота]:

(14) ... breathing in the smells of spring, *she grew drunk with moonlight*.¹⁶

(15) Я снова, *опьяненный маем*... впиваю майскую гуманность...¹⁷

Субординатная М-модель [восхищение женской красотой – пьяная эйфория → потеря контроля → контроль восстановлен → уважение] показывает сдерживание эмоционально-физическое влечение, а затем его место занимает уважение к личности:

(16) ...*he felt half drunk with her unsuspected physical allure*. Yet he didn't try to touch her. ...he found his first respect for her mind and her ideals merging into something he had never felt for any woman.¹⁸

Реализация эмоционально-физического возбуждения к противоположенному полу выражается в частной М-модели [восхищение женской красотой – эйфория при опьянении → физическое влечение]:

(17) He kissed her again, *a little drunk with her heat, her taste, her smell*...¹⁹

Образ опьянения передаёт чувство новизны и сенсорного изобилия через частную М-модель [восхищение страной – эйфория при опьянении → радость открытия]:

(18) ...domestic looks of things, those houses, those queer vehicles, those thick-

coated horses, those big-footed, coarsely clad, clear-skinned men and women, this massive, homely, compact architecture, – let me have a good look, for this is my first hour in England, and *I am drunk with the joy of seeing!*²⁰

Эмоциональный шок от величия архитектурных сооружений демонстрирует субординатная М-модель [восхищение архитектурой – пьяная эйфория → пространственная экзальтация]:

(19) The sudden majesty of it all — the towering cupola, the gigantic figures of windy stone, the rearing masses of columns and pilasters — oppressed him, and *he felt drunk with the suddenness of sun and space*.²¹

Частная М-модель [восхищение пением – эйфория при опьянении → забытьё] отражает эмоциональный отклик на пение, сравнимый с религиозным восторгом:

(20) *Опьянённый блаженством пения*, – я забываюсь и зову Тебя своим другом, о мой Господь!²²

Эмоционально-эстетический отклик может вызвать длительное блаженство. Это передаёт М-модель [восхищение искусством – опьянение → длительная эйфория]:

(21) Днём – в Эрмитаже [...] Вечером – в Малом зале Филармонии: Квартет Грузии и Д. Я. Пантофель-Нечецкая... Вчера шла из Филармонии счастливая, *опьянённая радостью*²³.

Примеры (22)–(29) иллюстрируют концептуализацию состояния самовосхищения и ощущения собственной исключительности через образ опьянения, актуализируя суперординатную М-модель [ЭЙФОРИЯ НАРЦИССИЗМА – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРИЯ].

Фрагменты (22)–(23) отражают субординатную М-модель [эйфория нар-

¹⁶ TriQuarterly. 1994 [СОНА].

¹⁷ Ерофеев В. Гавр // Последние дни Венедикта Ерофеева. 2002 [НКРЯ].

¹⁸ Williamson J. The Manseid. New York: Ballantine, 1982 [СОНА].

¹⁹ Conrad R. Simple Honorable Man. London: Victor Gollancz Ltd, 1962 [СОНА].

²⁰ Burroughs J. Winter Sunshine. 1876 [СОНА].

²¹ West M. The Shoes of the Fisherman. New York: Morrow, 1963 [СОНА].

²² Москвина М. Л. Небесные тихоходы: путешествие в Индию писателя Марины Москвитиной и художника Леонида Тишкова. 2002 [НКРЯ].

²³ Петровская И. В конце пути. 1952 [НКРЯ].

циссизма – пьяная эйфори → потеря контроля → игнорирование реальности], где самодовольство приводит к потере самокритики, ср.:

(22) American fiction and criticism is *too drunk with the sound of its own monotonous drone* to hear the music of foreign voices...²⁴

(23) *Опьяненный страстью самолюбия и славолюбия* становится врагом самому ценному и умному критику²⁵.

М-модель [эйфория нарциссизма – пьяная эйфория → потеря контроля → нарушение коммуникативной нормы] показывает, что излишнее самолюбование может привести к говорливости:

(24) The Irishman today can still recognize himself in them. We're still often considered *drunk with words*. We love to exaggerate, to boast, to argue, to show off, much as did the ancient Celts.²⁶

(25) Но Генрих, явно *опьяненный своей ролью волшебника*, стал рассказывать, что, по достоверным сведениям, хозяйка дома имеет отношение к сфере питания и три корочки хлебца должны у неё найтись.²⁷

М-модель [эйфория нарциссизма – пьяная эйфория → потеря контроля → утрата самосохранения] отражает как ощущение собственной значимости ведёт к рискованным действиям:

(26) Only after that did investigators hustle to seek Air Force One phone logs and did Mr. Bush feel compelled to hire a private lawyer. But by then the conspirators, *drunk with the hubris characteristic of this administration*, had already been quite careless.²⁸

²⁴ Marx B. Dr. Strangereader: Or How I Learned to Stop Worrying about Suburban Novels and Love International Fiction // Ploughshares. 2000. Vol. 26. No. 2/3. P. 204–216 [СОНА].

²⁵ Архиепископ Иоанн (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. 1967 [НКРЯ].

²⁶ Celtic Europe // National Geographic. May 1977 [СОНА].

²⁷ Калабухова И. Н. Приключение длиною в сорок пять лет // Ковчег. 2013. № 40 [НКРЯ].

²⁸ Rich F. Eight Days in July // The New York Times. 2005. 13 [СОНА].

(27) *Опьянённый звуками своего голоса*, оглушённый пёстрым вихрем криков, он закружился в толпе, точно искра в чёрной туче дыма, и не заметил, как его схватили, вырвали из толпы, очнулся только на извозчике.²⁹

Ощущение вседозволенности в проявлении властных полномочий может стать причиной деспотичного поведения. Это показывает частная М-модель [эйфория власти – пьяная эйфория → потеря контроля → тиранизм]:

(28) *But drunk with power*, the Government wants a total and abject surrender to its draconian edicts.³⁰

(29) Но только зачем же было говорить с нашим нынешним монархом о праве и законе? Он не злой, но *он опьянен властью* и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу; он не может признать, что есть пределы произволу.³¹

Таким образом фрейм «пьянящая эйфория» объединяет состояния чрезмерного эмоционального подъёма. Данные состояния концептуализируются через образ опьянения, актуализируя идеи утраты контроля через воодушевление, гиперстимуляцию и иллюзию неограниченных возможностей. В табл. 1 уточняются роли и сценарии.

Анализ корпусных примеров, объединённых фреймом «опьяняющее возбуждение» на уровне понятийных смешений, позволяет выделить 3 суперординатных и 8 субординатных М-моделей.

Примеры (30)–(35) иллюстрируют концептуализацию чрезмерного возбуждения, связанного с агрессией, через образ опьянения через суперординатную М-модель [МАНИАКАЛЬНАЯ ЭЙФОРΙΑ – ПЬЯНАЯ ЭЙФОРΙΑ → ПОТЕРЯ КОНТРОЛЯ].

Фрагменты (30)–(31) реализуют субординатную М-модель [эйфория победы – пьяная эйфория → потеря контро-

²⁹ Горький М. Тюрма. 1904 [НКРЯ].

³⁰ New York Times. Letters. 1977 [СОНА].

³¹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1892 [НКРЯ].

Таблица 1 / Table 1

Содержание фрейма «пьянящая эйфория» / The content of the “inebriating euphoria” frame

Роль	Описание
Экспериментер	Индивид, испытывающий эмоциональный подъём: радость, воодушевление, восторг.
Катализатор	Свобода, успех, благорасположение, одобрение, эстетика, самоуверенность
Эмоциональное состояние	Чрезмерная эмоциональность
Типичный сценарий	Воздействие эмоционального катализатора → усиление эмоции усиливается до экстатического уровня → наступление психического или физического эффекта → утрата рационального контроля → возможные последствия: импульсивные действия, нарушение норм, переоценка возможностей.

Источник: данные автора

ля → батальная храбрость], где победа вызывает безбашенную смелость, ср.:

(30) I never even imagined such courage ... your men seemed to be *drunk with victory*, as they charged!³²

(31) *Опьяненный легкими победами, успехами своего оружия на всех фронтах, ненавидящий враг двигался по нашей земле ...*³³

Примеры (32)–(35) актуализируют частную М-модель [батальная эйфория – опьянение → потеря контроля → влечение к убийствам], где интенсивность военного сражения усиливает жестокость, ср.:

(32) They come, the cavalry... they come, the chivalry of Mexico, transformed into a Mob, *drunk with terror and blood*.³⁴

(33) ... *опьяненный кровью*, еще пырнул штыком в человека, и кровь брызнула ...³⁵

М-модель [экстатическая агрессия – пьяная эйфория → потеря контроля →

неистовость] показывает кровожадный экстаз, который перерастает в неистовство:

(34) ... *drunk with blood*, they danced and whirled...³⁶

(35) Народ, *опьяненный во время республики безнаказанно пролитой кровью и развратившийся безвластием*, надо было остановить³⁷.

Фрагменты (36)–(41) отражают концептуализацию аффективного поведения, ведущего к иррациональности и импульсивным действиям. В данном случае предоставлена суперординатная М-модель [РВЕНИЕ – ОПЬЯНЕНИЕ → ПОТЕРЯ КОНТРОЛЯ].

Выражение божественной любви к своим созданиям показано субординатной М-моделью [родительский пыл – опьянение → потеря контроля → эмоциональная неостановимость]:

(36) ...He is mad with love for His creature and *drunk with desire for her salvation*.³⁸

³² Cooke J. E. Hammer and Rapier. New York: Carleton, 1870 [СОНА].

³³ Послание Патриаршего экзарха всея Украины Иоанна, митрополита Киевского и Галицкого // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 6 [НКРЯ].

³⁴ Lippard G. Legends of Mexico. 1847 [СОНА].

³⁵ Станюкович К. М. Севастопольский мальчик. 1902 [НКРЯ].

³⁶ Balch F. H. The Bridge of the Gods: A Romance of Indian Oregon. Chicago: A. C. McClurg & Co, 1890 [СОНА].

³⁷ Бабаян С. Г. Ротмистр Неженцев. 1995-1996 [НКРЯ].

³⁸ Harris M. Bang the Drum Slowly. 1955 [СОНА].

Примеры (37)–(38) актуализируют М-модель [идеологический пыл – опьянение → потеря контроля → безудержность], где чрезмерное воодушевление идеей ведёт к фанатизму, ср.:

(37) They were *drunk with the idea of fighting*.³⁹

(38) *Опьяненный германскими доктринами, окрыленный грандиозными политическими планами ...*⁴⁰

М-модель [похоть – опьянение → потеря контроля → девиантное поведение] отражает неконтролируемую страсть, провоцирующую нарушение моральных норм:

(39) ...Лука, вконец *опьянённый ещё дикой страстью*... Бросив на пол почти бесчувственную девушку, он кинулся к двери и трепещущими руками старался замкнуть её на ключ⁴¹.

Чрезмерный азарт может привести к утрате целеполагания, что демонстрирует частная М-модель [охотничий пыл – опьянение → потеря контроля → затуманивание разума → потеря цели]:

(40) Может быть, *тунгус, опьянённый погоней*, и забыл, за каким зверем гонится, может быть, кровь охотника – горячая и трепетная – затуманила его голову ...⁴²

М-модель [любовный пыл – опьянение → потеря контроля → искажение приоритетов → отрыв от реальности] показывает, что погружённость к романтические отношения может повлечь искажение восприятия:

(41) У Птичи вопросы к самой себе по поводу собственного семейного положения возникли гораздо раньше, чем представлял себе *опьянённый любовью Славик*⁴³.

М-модель [ненависть – опьянение → потеря контроля → агрессия] маркирует

ненависть как эмоцию, провоцирующую враждебные действия:

(42) *That rabble's drunk with hate of us*.⁴⁴

(43) Кто не девка, а? – и, *опьяненный злостью*, лез к лицу каждого с кулаками⁴⁵.

Анализ примеров показывает, что фрейм «опьяняющее возбуждение» объединяет сценарии аффективного состояния, концептуализируемые через образ опьянения, маркирующий агрессию, фанатизм, помутнение рассудка и деструктивное поведение (см. табл. 2).

Анализ корпусных примеров, объединённых фреймом «пьянящая увлечённость» на уровне понятийных смешений, позволяет выделить 1 суперординатную и 3 субординатные М-модели.

Примеры (44)–(46) характеризуют концептуализацию чрезмерного увлечения как состояния опьянения, что показывает суперординатная М-модель [УВЛЕЧЁННОСТЬ – ОПЬЯНЕНИЕ → СУЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ].

Фрагмент (44) реализует М-модель [увлечённость мыслями – опьянение → сужение восприятия], где интеллектуальная погружённость лишает героя критичности, ср.:

(44) It was all the world which offered itself to her, and she meant to clasp it to her – to lose herself quite utterly and forget herself in it, and *she was already drunk with the thought*.⁴⁶

М-модель [увлечённость борьбой – опьянение → сужение восприятия] показывает, что чрезмерное усилие может полностью поглотить внимание:

(45) *Сосредоточенная и опьянённая борьбой*, вцепившись слабыми руками в непокорное полотнище, боролась с ветром Тоня⁴⁷.

М-модель [увлечённость деятельностью → опьянение → сужение вос-

³⁹ O'Hara J. Waiting for Winter. 1966 [СОНА].

⁴⁰ Кэрсновский А. А. История русской армии в 4 ч. Белград: Царский Вестник, 1933–1938 [НКРЯ].

⁴¹ Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5. 1867 [НКРЯ].

⁴² Гольдберг И. Г. Закон тайги. 1923 [НКРЯ].

⁴³ Артемьева Г. Фата на дереве. 2012 [НКРЯ].

⁴⁴ MacKenzie A., Roberts M. Langley Ml. Ivanhoe (screenplay). Technicolor, 1952 [СОНА].

⁴⁵ Гребенщиков Г. Д. Настасья. 1911 [НКРЯ].

⁴⁶ Sinclair U. King Midas: A Romance. New York: Funk & Wagnalls company, 1901 [СОНА].

⁴⁷ Кетлинская В. К. Мужество. 1934–1938 [НКРЯ].

Таблица 2/ Table 2

Содержание фрейма «опьяняющее возбуждение» / The content of the frame “inebriating excitement”

Содержание	Описание
Экспериенцер	Индивид, испытывающий чрезмерное возбуждение
Катализатор	Агрессивный акт, охота, идеология, похоть, забота, любовь
Эмоциональное состояние	Интенсивное возбуждение, сопровождающееся потерей самоконтроля
Типичный сценарий	Возбуждающий катализатор → усиление эмоции усиливается до экстатического уровня → наступление психического или физического эффекта → утрата рационального контроля → импульсивные действия: агрессия, свирепость, фанатизм, девиантное поведение → возможные последствия: жестокость, саморазрушение, рискованные поступки, утрата целеполагания.

Источник: данные автора

Таблица 3/ Table 3

Содержание фрейма «пьянящая увлечённость» / The content of the frame “inebriating absorption”

Содержание	Описание
Экспериенцер	Индивид, полностью погружённый в процесс
Катализатор	Интенсивная психическая или физическая активность
Эмоциональное состояние	Чрезмерное увлечение, сопровождающееся потерей самоконтроля и сужением восприятия
Типичный сценарий	Катализатор (сильная вовлечённость) → фокусировка внимания → ослабление когнитивных фильтров → сужение поля восприятия → возможные последствия: отказ от альтернативных точек зрения

Источник: данные автора

приятия → потеря критичности] демонстрирует чрезмерную активность, притупляющую самосознание:

(46) ...средний интеллигент, не *опьянённый активной политической деятельностью*, чувствовал себя с каждым годом все больше⁴⁸.

Таким образом, фрейм «пьянящая увлечённость» объединяет сценарии концентрации на предмете или действии, осмысляемые через образ опьянения, актуализируя идею полной погружённости, которая ведёт к сужению восприятия и

временному отрыву от реальности (см. табл. 3).

Анализ корпусных примеров, объединённых фреймом «опьяняющая истощённость» на уровне понятийных смещений, позволяет выделить 1 суперординатную и 2 субординатные М-модели.

Фрагменты (47)–(50) отражают суперординатную М-модель [ПСИХИЧЕСКОЕ ИСТОЩЕНИЕ – ОПЬЯНЕНИЕ].

Фрагменты (47)–(48) актуализируют субординатную М-модель [ментальное истощение → опьянение → апатия], где образ опьянения служит для выражения умственной перегруженности и ослабления ясности сознания, ср.:

⁴⁸ Гершензон М. О. Творческое самосознание. 1909 [НКРЯ].

Таблица 4 / Table 4

Содержание фрейма «опьяняющая истощённость» / The content of the frame “inebriating exhaustion”

Содержание	Описание
Экспериенцер	Индивид, испытывающий сильное психическое перенапряжение
Катализатор	Когнитивная нагрузка
Эмоциональное состояние	Ментальное и эмоциональное истощение, потеря способности к ясному мышлению
Типичный сценарий	Катализатор, вызывающий когнитивную нагрузку → ослабление мыслительных процессов → потеря связи с реальностью → возможные последствия: эмоциональная неустойчивость или растерянность

Источник: данные автора

(47) The Reverend Eldred slumped against the window, *drunk with riddles*.⁴⁹

(48) Личность его истончилась равнодушием, он был опьянен ватными снами ...⁵⁰

Частная М-модель [эмоциональное истощение → опьянение → потеря контроля → эмоциональная неустойчивость] маркирует хаотичность поведения под влиянием сильного стресса, ср.:

(49) ... for of my garrison of two, *one is drunk with fear* ...⁵¹

(50) ... согбенный, опьяненный пережитым ужасом...⁵²

Исходя из анализа примеров, фрейм «опьяняющая истощённость» объединяет сценарии ментального и эмоционального перенапряжения, осмысляемые через образ опьянения, актуализируя идею снижения когнитивного контроля, спутанности сознания и эмоциональной дезориентации (см. табл. 4).

Метафорическое проецирование характеристик физиологического опьянения на эмоциональную сферу позволяет интерпретировать интенсивные чувства

как состояние, при котором экспериенцер теряет психофизический самоконтроль. Следовательно, все вышеописанные фреймы формируют понятийную сферу «эмоциональное опьянение», которая охватывает метафорические репрезентации чрезмерных эмоциональных состояний через образ алкогольного опьянения.

Выделяются следующие структурные признаки понятийной сферы:

1. **Семантическая доминанта** – идея чрезмерности, приводящая к эмотивному дисбалансу.

2. **Прототипическая ситуация** – экспериенцер испытывает сильную эмоцию, которая затмевает рациональность и вызывает состояния, подобные алкогольному опьянению.

3. **Типические сценарии** – эйфория (свободы, успеха, нарциссизма), возбуждение (победа, агрессия), увлечённость (мыслью, действием), психическое истощение (усталость, страх).

4. **Воплощённый опыт** – опьянение как универсальный ориентир для описания психофизических изменений.

Функции понятийной сферы «эмоциональное опьянение» можно определить следующим образом: а) **интерпретативная** – объясняет иррациональное или импульсивное поведение через знакомый

⁴⁹ Fantasy Sci-Fi. 2000 [СОНА].

⁵⁰ Иличевский А. В. Матисс. М.: Время, 2007 [НКРЯ].

⁵¹ Motley J. L. Merry Mount: A Romance of the Massachusetts Colony. V. 2. 1849 [СОНА].

⁵² Чигир В. В. Марцелл // Дальний Восток. 2019. № 1. С. 3–34 [НКРЯ].

психофизиологический опыт (ср. *drunk with the fever of bloodshed*; *опьянённый лихорадкой кровопролития*); б) **интенсивирующая** – усиливает экспрессивность языкового выражения, акцентируя чрезмерность переживаемых эмоций (ср. *drunk with hate*; *опьянённый ненавистью*); в) **оценочная** – маркирует эмоцию как «неуправляемую», иногда с оттенком порицания (ср. *опьянённый властью*; *drunk with power*).

Дальнейшее осмысление осуществляется на уровне образ-схем, где воплощённый опыт опьянения структурирует восприятие чрезмерных чувств.

В рамках образа-схемы КОНТЕЙНЕР эмоции осмысляются как жидкость, наполняющая разум экспериенцера. Переполнение приводит к переходу за пределы нормы, что создаёт ключевой эффект потери контроля (ср. *drunk with blood*, *опьянённый кровью*).

Чрезмерные эмоции нарушают внутреннюю устойчивость, подобно неустойчивости при опьянении (ср. *drunk with the suddenness of sun and space*, *опьянённый внезапностью солнца и простора*). За этой когнитивной дискоординатой лежит образ-схема БАЛАНС.

Образ-схема СИЛА показывает эмоциональное опьянение в качестве мощного воздействия, которому экспериенцер пассивно подчиняется (ср. *drunk with fear*, *опьянённый страхом*).

Образ-схема ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ отражает эффект сужения когнитивного восприятия, где эмоции организуют внимание по принципу гиперфокусировки: центральный объект становится доминирующим, вытесняя периферийные стимулы (ср. *опьянённый борьбой*, *drunk with the struggle*).

Обсуждение

Проведённый анализ показал, что концептуальная метафора ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ – ЭТО ОПЬЯНЕНИЕ объединяет раз-

народные эмоциональные состояния в рамках единого когнитивного механизма.

На уровне понятийных смешений метафорическая интерпретация сохраняет амбивалентность, присущую опыту восприятия алкогольного опьянения: с одной стороны, опьянение осмысляется как источник позитивных эмоций, а с другой – как негативный фактор, ведущий к агрессии, истощению и девиантному поведению.

Разбор понятийных смешений позволяет выделить фреймы, которые демонстрируют различные сценарии чрезмерной эмоциональности, связанные с эйфорией, возбуждением, увлечённостью и психическим истощением. Анализ фреймов позволяет систематизировать метафорические реализации, в рамках которых эмоциональная избыточность концептуализируется как процесс, имеющий стадии: возбуждение → гиперстимуляция → потеря контроля → возможные последствия (экстаз, агрессия, истощение).

Фреймы структурируют понятийную сферу «эмоциональное опьянение», в которой эмоции интерпретируются через воплощённый опыт физиологического опьянения. Анализ данного уровня показывает, что образ опьянения выступает когнитивным механизмом, позволяющим гиперболизировать интенсивность переживания, акцентировать его выход за пределы нормы и подчеркнуть потерю рационального контроля.

Когнитивная организация метафоры опирается на образ-схемы: 1) КОНТЕЙНЕР – эмоции как жидкость, наполняющая внутреннее пространство; 2) СИЛА – эмоции воздействуют на субъекта; 3) РАВНОВЕСИЕ – нарушение устойчивости; 4) ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ – сужение внимания и контрольных функций.

Описание схем обеспечивает когерентность множества моделей, объединённых общей идеей чрезмерности.

Заклучение

Проведённое исследование показало, что концептуальная метафора ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ – ЭТО ОПЬЯНЕНИЕ функционирует как универсальный когнитивный механизм репрезентации интенсивных эмоциональных состояний в английском и русском языках. Она охватывает широкий спектр сценариев: от эйфории и вдохновения до агрессии, истощения и фанатической увлечённости, объединяя их в рамках единой понятийной сферы «эмоциональное опьянение».

Результаты исследования соответствуют поставленным задачам.

Во-первых, сформирована корпусная выборка из 50 примеров, демонстрирующая взаимодействие зон «эмоциональная избыточность» и «опьянение», что обеспечило эмпирическую основу анализа.

Во-вторых, определена теоретико-методологическая база, построенная в соответствии с иерархией РТКМ: от понятийных смещений к фреймам, далее – к понятийным сферам и базовым образ-схемам, что задаёт последовательность и прозрачность аналитических процедур.

В-третьих, выявлены четыре фрейма («пьянящая эйфория», «опьяняющее возбуждение», «пьянящая увлечённость», «опьяняющая истощённость»), каждый из которых структурирован устойчивым сценарием эмоциональной избыточности и характеризуется набором типических когнитивных признаков. На основе анализа фреймов сформулирована понятийная сфера «эмоциональное опьянение», включающая: а) её структурные параметры (прототипическая ситуация, доминантные сценарии, функции и б) итоговые метафорические модели, репрезентирующие типовые формы чрезмерной эмоциональности. На уровне наиболее абстрактных когнитивных структур эта сфера опирается на образ-схемы КОНТЕЙНЕР, СИЛА, РАВНОВЕСИЕ,

ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ, которые обеспечивают когерентность метафоры и моделируют переживание чрезмерности как утраты контроля, дисбаланса или сужения когнитивного фокуса.

В-четвёртых, сопоставительный анализ английского и русского материала показал, что обе языковые системы демонстрируют сходную иерархическую организацию метафоры и общий набор образ-схем. При этом русские примеры чаще акцентируют негативные последствия эмоционального «переполнения» (агрессия, истощение, утрата самосохранения), тогда как английский материал шире репрезентирует экзистенциально-эстетические сценарии (восхищение, сенсорная насыщенность, ощущение свободы). Оба языка при этом используют общий принцип метафоризации: интерпретацию интенсивных эмоций как состояния утраты контроля, чрезмерной стимуляции или когнитивного гиперфокусировки. Метафора эмоционально-психического опьянения выполняет одновременно интерпретативную, экспрессивно-интенсифицирующую и оценочную функции.

Таким образом, исследование уточняет иерархическую организацию метафоры эмоционально-психического опьянения, демонстрируя переход от понятийных смещений к фреймовым структурам, от фреймов – к единой понятийной сфере, а от неё – к абстрактным образ-схемам. Тем самым работа вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики, уточняя механизмы концептуализации эмоциональной избыточности.

Выявленные метафорические модели и применённая методика анализа могут быть использованы при разработке учебных курсов, посвящённых метафорическому мышлению и репрезентации эмоций, а также в прикладных областях – дискурсивной аналитике, лингвистической экспертизе текста, переводоведении и межъязыковых сопоставлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Double Framing Effect of Emotive Metaphors in Argumentation / F. Ervas, M. G. Rossi, A. Ojha, B. Indurkha // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article no. 628460. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.628460.
2. Kövecses Z. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 220 p. DOI: 10.1017/9781108859127.
3. Pelkey J. *Embodiment and Language* // *Wiley Interdisciplinary Reviews. Cognitive Science*. 2023. Vol. 14. Iss. 5. Article no. e1649. DOI: 10.1002/wcs.1649.
4. Kövecses Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 223 p.
5. Anagnostou-Laoutide E. *Drunk with Wisdom: Metaphors of Ecstasy in Plato's Symposium and Lucian of Samosata* // *Religions*. 2021. Vol. 12. Iss. 10. Article no. 898. DOI: 10.3390/rel12100898.
6. The language of alcohol: Similarities and differences in how drinkers and policymakers frame alcohol consumption / E. Moreton, E. Davies, J. Morris, R. Cooke // *Drug and Alcohol Review*. 2025. Vol. 44. Iss. 4. P. 1194–1206. DOI: 10.1111/dar.14056.
7. The bidirectional influence between emotional language and inhibitory control in Chinese: An ERP study / H. Wang, X. Sun, X. Li, B. Gu, Y. Fu, W. Liu // *Brain and Language*. 2024. Vol. 256. Article no. 105457. DOI: 10.1016/j.bandl.2024.105457.
8. Riachi E., Holma J., Laitila A. *Psychotherapists' perspectives on loss of sense of control* // *Brain and Behavior*. 2024. Vol. 14. Iss. 1. e3368. DOI: 10.1002/brb3.3368.
9. Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // *Научный диалог*. 2019. № 2. С. 34–48. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48.
10. Zadra J. R., Clore G. L. *Emotion and perception: the role of affective information* // *Wiley Interdisciplinary Reviews. Cognitive Science*. 2011. Vol. 2. No. 6. P. 676–685. DOI: 10.1002/wcs.147.
11. Нагорная А. В. *Metaphors We Feel by: Interoceptive Sensations as Natural Phenomena (Метафоры, которыми мы чувствуем: interoцептивные ощущения как явления природы)* // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 10. № 7. С. 1053–1060. DOI: 10.17516/1997-1370-0115.
12. Овагимян Н. А. Эпистемологические образ-схемы конструирования событий в научно-популярном кинодискурсе: полимодальный анализ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 2 (870). С. 77–84. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_2_870_77.
13. Reda G. *Like-simile and metaphor in cooperation: from expressing similarities to expressing contrasts* // *Language and Semiotic Studies*. 2024. Vol. 10. Iss. 4. P. 504–544. DOI: 10.1515/lass-2024-0036.
14. Новикова А. М. Фреймовый анализ как метод построения медиакартины города // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2021. Т. 7. № 3. С. 28–39. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3.
15. Fauconnier G., Turner M. *Conceptual integration networks* // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. Iss. 2. P. 133–187. DOI: 10.1016/S0364-0213(99)80038-X.

REFERENCES

1. Ervas, F., Rossi, M. G., Ojha, A. & Indurkha, B. (2021). The Double Framing Effect of Emotive Metaphors in Argumentation. In: *Frontiers in Psychology*, 12, 628460. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.628460.
2. Kövecses, Z. (2020). *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108859127.

3. Pelkey, J. (2023). Embodiment and Language. In: *Wiley Interdisciplinary Reviews. Cognitive Science*, 14 (5), e1649. DOI: 10.1002/wcs.1649.
4. Kövecses, Z. (2000). *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Anagnostou-Laoutide, E. (2021). Drunk with Wisdom: Metaphors of Ecstasy in Plato's Symposium and Lucian of Samosata. In: *Religions*, 12 (10), 898. DOI: 10.3390/rel12100898.
6. Moreton, E., Davies, E., Morris, J. & Cooke, R. (2025). The language of alcohol: Similarities and differences in how drinkers and policymakers frame alcohol consumption. In: *Drug and Alcohol Review*, 44 (4), 1194–1206. DOI: 10.1111/dar.14056.
7. Wang, H., Sun, X., Li, X., Gu, B., Fu, Y. & Liu, W. (2024). The bidirectional influence between emotional language and inhibitory control in Chinese: An ERP study. In: *Brain and Language*, 256, 105457. DOI: 10.1016/j.bandl.2024.105457.
8. Riachi, E., Holma, J. & Laitila, A. (2024). Psychotherapists' perspectives on loss of sense of control. In: *Brain and Behavior*, 14 (1), e3368. DOI: 10.1002/brb3.3368.
9. Ioanesyan, E. R. (2019). Symptomatic vocabulary in Magn function. In: *Scientific Dialogue*, 2, 34–48. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48 (in Russ.).
10. Zadra, J. R. & Clore, G. L. (2011). Emotion and perception: the role of affective information. In: *Wiley Interdisciplinary Reviews. Cognitive Science*, 2 (6), 676–685. DOI: 10.1002/wcs.147.
11. Nagornaya, A. V. (2017). Metaphors We Feel by: Interoceptive Sensations as Natural Phenomena. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 10 (7), 1053–1060. DOI: 10.17516/1997-1370-0115.
12. Ovagimian, N. A. (2023). Epistemic Image-Schemata of Event Construal in Popular Science Film Discourse: a Multimodal Analysis. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2 (870), 77–84. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_2_870_77 (in Russ.).
13. Reda, G. (2024). Like-simile and metaphor in cooperation: from expressing similarities to expressing contrasts. In: *Language and Semiotic Studies*, 10 (4), 504–544. DOI: 10.1515/lass-2024-0036.
14. Novikova, A. M. (2021). Building the media picture of a city: the method of frame analysis. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (3), 28–39. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3 (in Russ.).
15. Fauconnier, G. & Turner, M. (1988). Conceptual integration networks. In: *Cognitive Science*, 22 (2), 133–187. DOI: 10.1016/S0364-0213(99)80038-X.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уразаев Марат Дамирович (г. Уфа) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Уфимского университета науки и технологий;

<https://orcid.org/0009-0004-8996-8882>; e-mail: marat-urazaev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marat D. Urazaev (Ufa) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities Faculties, Ufa University of Science and Technology.

<https://orcid.org/0009-0004-8996-8882>; e-mail: marat-urazaev@yandex.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-77-89

КАТЕГОРИЯ МИРАТИВНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аверина А. В.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

Поступила в редакцию 27.08.2025

После доработки 09.09.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Аннотация

Цель. Выявление способов выражения миративных значений в немецком языке с дальнейшим определением статуса категории миративности.

Процедура и методы. Были использованы общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза, а также частнолингвистические методы контекстуального анализа и описательный метод. Примеры были отобраны из немецких корпусов DECOW 16A и DWDS.

Результаты. Категория миративности может рассматриваться как один из вариантов проявления эпистемичности и коррелирует с контрастом и эмфазой: говорящий должен признать новое положение дел как соответствующее истине, а имевшиеся ранее собственные представления о нём предстают как ложные. Миративная семантика как периферийное значение проявляется в определённом контекстуальном окружении.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вносят определённый вклад в описание категории миративности в немецком языке. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на семинарских занятиях по теоретической грамматике немецкого языка со студентами языковых вузов.

Ключевые слова: миративность, эпистемическая модальность, нарратив, немецкий язык, эвиденциальность

Для цитирования:

Аверина А. В. Категория миративности и средства её выражения в немецком языке // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 77–89. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-77-89>

Original research article

THE CATEGORY OF MIRATIVITY AND THE MEANS OF ITS EXPRESSION IN GERMAN

A. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

Received by the editorial office 27.08.2025

Revised by the author 09.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Abstract

Aim. Identification of ways of expressing mirativity meanings in German with further definition of the status of this category.

Methodology. General scientific methods of observation, analysis, and synthesis were used, as well as specific linguistic methods of contextual analysis and a descriptive method. The examples were selected from the German DECOW 16A and DWDS corps.

Results. The category of mirativity can be considered as one of the manifestations of epistemicity and correlates with contrast and emphasis: the speaker must recognize the new state of affairs as true, while their previously held ideas about it are presented as false. Mirative semantics as a peripheral meaning manifests itself in a specific contextual environment.

Research implications. The obtained results make a contribution to the description of the category of mirativity in the German language. The practical significance lies in the fact that the results obtained can be used in seminars on theoretical grammar of the German language with students of language universities or faculties.

Keywords: mirativity, epistemic modality, narrative text, German language, evidentiality

For citation:

Averina, A. V. (2026). Word-formation potential of the borrowed suffix -ing in German and Russian. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp. 77–89. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-77-89>

Введение

Один из активно обсуждаемых вопросов в современной лингвистике – статус категории миративности, а также способы её выражения в языках различного строя. Под миративностью понимается удивление, внезапное открытие и неподготовленность говорящего к новой информации [1], как это можно проследить на следующих примерах:

(1) *Лицо девушки вспыхнуло от гнева: Ну ты и гад! Как я раньше этого не заметила?!¹*

(2) *Mann, du bist mir unheimlich! Wie kannst du in kürzester Zeit das rausfinden, was meine Familie in Jahren nicht schaffte.²*

В приведённых фрагментах говорящий выражает своё недоумение и ошеломление – он ожидал совсем иной исход ситуации, чем тот, который сложился в настоящий момент времени.

Данная проблематика поднималась в работах В. Чейфа [2], А.Ю. Айхенвальд [1], И. Мельчука [3], В. Абрахама [4], Н. А. Козинцевой [5], В. А. Плуноян [6], В. С. Храковского [7] и других исследователей. В отечественном языкознании существуют наблюдения над способами

¹ Даниил Алексеев. Второй крах марсиан [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/en> (дата обращения: 26.06.2025).

² DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 27.06.2025).

выражения миративности в языках народов России (см. в этой связи исследования Е. К. Скрибник и О. А. Зезинг [8], Е. К. Скрибник и А. А. Озоновой [9], А. Д. Каксина [10], Н. Б. Даржаевой [11] и др.). В ходе обсуждения миративности поднимался ряд вопросов, связанных с целесообразностью её отнесения к системе модальных грамматических категорий, а также планом её содержания и выражения. Применительно к немецкому языку отметим, что дискуссионным остаётся вопрос о статусе категории миративности (относится ли данная категория к эпистемичности или эвиденциальности?), нуждается в дополнительном исследовании вопрос о том, может ли миративность находить своё проявление не только в диалогической, но и в монологической речи; в настоящее время нет системного описания языковых средств выражения миративных значений.

Таким образом, в настоящий момент существует потребность в выявлении показателей миративности в языках различного строя; в определении статуса категории миративности в системе грамматических категорий; в раскрытии общих для различных языков закономерностей, определяющих способы выражения миративных значений. Этим и объясняется актуальность настоящего исследования.

Задачи исследования заключаются в следующем: 1) проанализировать различные подходы к интерпретации категории миративности; 2) описать различные средства её выражения и 3) определить статус категории миративности и её взаимосвязь с другими грамматическими категориями.

В работе применялись общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза, а также частнолингвистические методы контекстуального анализа и описательный методы. Общенаучные методы анализа и синтеза были использованы для определения статуса категории миративности и выявления взаимосвязей с другими грамматическими категориями. Посредством использования метода

наблюдения были отобраны примеры, содержащие разного рода структуры с миративным значением. Частнолингвистические методы позволили дать интерпретацию отобранных примеров: посредством метода контекстуального анализа было показано, в каких типах высказываний и при каких условиях миративное значение находит своё проявление, а посредством использования описательного метода была предложена интерпретация отобранных примеров и показана корреляция с контрастом и эмфазой. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из немецких корпусов DECOW 16A³ и DWDS⁴. Всего было проанализировано свыше 200 примеров.

Научная новизна исследования определяется тем, что в работе впервые представлен обзор способов выражения миративных значений в немецком языке, а сама миративность рассматривается как частный случай контраста, сопряжённого с эмфазой.

Полученные результаты вносят определённый вклад в описание категории миративности в немецком языке, что и определяет теоретическую значимость работы. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на семинарских занятиях по теоретической грамматике немецкого языка со студентами языковых вузов.

1. Статус категории миративности и способы её выражения в немецком языке

1.1. Различные подходы к интерпретации категории миративности

Можно выделить несколько подходов к интерпретации категории миративно-

³ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 27.06.2025). Далее – DECOW 16A.

⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 27.06.2025). Далее – DWDS.

сти в отечественных и зарубежных исследованиях.

Первый из них представлен в работе Н.А. Козинцевой [5]. Она трактует миративность как одну из разновидностей эвиденциальности: говорящий выражает удивление по поводу неожиданного обнаружения факта, имеющего место в момент речи [5, с. 20]. В отечественном языкознании аналогичная позиция представлена в работе А. Д. Каксина [12], И. И. Хафизовой и Э. К. Хабибуллиной [13].

Второй подход представлен в работе И. Мельчука: миративность рассматривается как независимая от эвиденциальности категория [3, с. 197–198]. Аналогичной позиции придерживаются А. Айхенвальд [1]. Она показывает, что в большинстве языков за редким исключением эвиденциальные показатели не передают миративных значений [1, с. 437].

Третий подход имеет место в работе В. А. Плуногяна. По его мнению, миративность можно считать модальным значением на том основании, что оно «выражает одну из разновидностей эпистемической оценки, а именно, противоречие ожиданиям говорящего», или «неготовность говорящего воспринять наблюдаемую им ситуацию» [6, с. 364].

Есть и такие исследования, в которых показано, что соотношение миративности и эвиденциальности должно рассматриваться для каждого языка отдельно. Так, анализируя вопрос о том, стоит ли рассматривать эвиденциальность и миративность как отдельные грамматические категории, Е. К. Скрибник и А. А. Озонава пишут: «мы не считаем приведенные выше две точки зрения принципиально несовместимыми: это скорее вопрос того, насколько подробно “проработаны” и формально разведены различные нюансы этих значений в каждом конкретном языке» [9, с. 520–521]. Так, в калмыцком языке, как показано в работе Е. К. Скрибник и О. А. Зезинг [8], миративность имеет специальное выражение в имен-

ном сказуемом и «регулярно выступает в качестве семантического расширения в сфере косвенной засвидетельствованности, но не имеет специализированных глагольных форм» [8, с. 69]. Схожие наблюдения находим и у В. С. Храковского: миративность может быть представлена в языке и при отсутствии категории эвиденциальности: «(ад)миратив – одна из двух граммем категории, которая характеризует информацию, получаемую говорящим (из какого-либо источника или с помощью анализа некоторых наблюдаемых фактов, или с помощью собственного умозаключения, или путем непосредственного наблюдения), как соответствующую его картине мира либо как несоответствующую его картине мира (адмиратив)» [7, с. 619]. Один и тот же показатель может служить для выражения адмиративных и эвиденциальных значений [Там же]. Не в последнюю очередь дискуссия о принадлежности миративности к зоне модальных значений связана и с самой сложностью вопроса о разграничении эпистемических и эвиденциальных значений (литература по этому вопросу необозрима, издания последних лет см. [14; 15; 16]).

Автор публикации придерживается позиции В. А. Плуногяна [6], что миративность выражает одну из разновидностей эпистемической оценки, проявляющейся в неготовности говорящего воспринять наблюдаемую им ситуацию. В данном случае можно говорить в том числе и о том, что возникает эффект обманутого ожидания: удивление говорящего, его восприятие положения дел обусловлено иными представлениями о человеке / ситуации / обстоятельствах и т. д. Как правило, позиция говорящего в предложениях, содержащих значение миративности, контрастирует с наблюдаемой ситуацией или сложившемся положением дел. На уровне интонационной структуры можно отметить эмфатическое выделение, например:

(3) «*Ich bin, ich bin also, äh - nicht der Einzige?*» *frage ich in die Runde*. «*Der Einzige?*»

Du BIST⁵ mir vielleicht ein Scherzkeks! Du ahnst ja gar nicht, was hier los ist».⁶

(4) **Aber wie findet ihr seine Lautstärke, die Alarmtöne und und und? Ist er WIRKLICH sorobust?**⁷

В (3) максимальное ударение получает финитная форма глагола, в (4) – модальное слово *wirklich*. Можно в этой связи предположить, что миративность как вариант проявления эпистемической недостоверности можно рассматривать ещё и как частный случай контраста, сопряжённого с эмфазой. Дадим определения терминам «контраст» и «эмфаза».

Контраст в логике трактуется как «отчётливо, ясно, остро обозначившаяся, выявившаяся противоположность между кем-либо или чем-либо»⁸. Он бывает нескольких видов:

1. Контрадикторный. Контрадикторное отношение – «отношение между двумя противоречивыми суждениями (а также понятиями), которые вместе не могут быть ни истинными, ни ложными; из двух контрадикторных суждений (а также понятий) одно и только одно истинно, а другое непременно ложно. Если известно, что данное суждение истинно, то контрадикторное ему суждение ложно; и, наоборот, если известно, что данное суждение ложно, то контрадикторное ему суждение истинно»⁹.

2. Комплементарный контраст, или добавочный контраст. Комплементарность в логике – дополнительность (датский физик Нильс Бор: “*Contraria non contrarictoria sed complementa sunt*” («Противоположности не противоречия, а дополнения»)).

Контраст получает подробное рассмотрение в работах Т. Е. Янко [17–19]. Наряду с контрастом она рассматривает

и эмфазу, под которой понимается «выражение сильных чувств говорящего по поводу ненормативных явлений жизни» [20, с. 64]. Возвращаясь к высказываниям типа (1)–(4), можно допустить, что в данном случае можно говорить о кодировании контраста и эмфазы: новая информация вопреки ожиданиям должна быть признана истинной, а существовавшие ранее представления – ложными, что, в свою очередь способствует возникновению чувства неприятия у говорящего новой ситуации и является причиной проявления «эпистемической недостоверности» (см. [6]) при констатации фактов. Таким образом, это позволяет заключить, что содержанием категории миративности является неприятие говорящим новой ситуации, которая контрастирует с его представлениями.

Рассмотрим более подробно вопрос о том, какие языковые средства в немецком языке могут быть использованы при передаче миративности, а также обратим внимание на тот факт, что миративность, как показывает анализ фактического материала, может быть выражена не только в диалогической, но и в монологической речи.

1.2. Способы выражения миративных значений в немецком языке

Миративное значение находит своё проявление при использовании следующих модальных показателей: модальных частиц *vielleicht, aber, mir*; модальных слов *wirklich* и *tatsächlich*; сослагательного наклонения в придаточных предложениях, вводимых союзами *anstatt ... dass, ohne ... dass*; в некоторых случаях – посредством использования фразеологических оборотов, а также при употреблении *Perfekt*.

Модальные частицы *vielleicht, aber* и *mir* могут быть использованы в качестве показателей миративности, если они использованы в восклицательных, т. е. в восклицательных высказываниях, в которых финитная форма глагола получает наибольшее ударение, т. е. кодирован

⁵ Здесь и далее: прописными буквами выделены слова с максимальным ударением.

⁶ DECOW 16A.

⁷ DECOW 16A.

⁸ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник; изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1975. С. 263.

⁹ Там же. С. 262.

Verumfokus [21], или верификативная рема [17], например:

(5) *Du BIST mir vielleicht ein Held, hast Angst, eine kleine Jägerin zu fragen, was sie schreibt.*¹⁰

(6) «*Wieso machst du nichts?*» *Nicholas sah sie überfragt an. «Was meinst du damit?» «Du BIST mir aber auch einer, ich schlafwandle nicht. Ich dachte bloß, weil du ein Junge wärst, dass ...»*¹¹

(7) *Hmmm, oh. Du HAST aber kalte Hände.*¹²

В приведённых высказываниях говорящий выражает своё удивление по отношению к действиям собеседника / его состоянию. Финитная форма глагола получает максимальное ударение – только в сочетании с ней в высказывании находит проявление неожиданность ситуации для говорящего. Случаи типа (5) подробно рассматривает В. Абрахам [4], который обращает внимание на то, что не стоит приписывать возникающий митаритивный эффект отдельным компонентам как лексическим единицам¹³ – он возникает в конвенциональных импликатурах [4]. Поясним термин «конвенциональная импликатура»: согласно Г. П. Грайсу, конвенциональные импликации восходят к общему контексту, который известен говорящему и слушающему, и представляют информацию не в прямой, а в завуалированной форме [4; 22]. Анализ фактического материала показывает, что конвенциональная импликатура, *Verumfokus* и модальные частицы находятся в тесной взаимосвязи и определяют интерпретацию высказываний (5)–(7).

¹⁰ DECOW 16A.

¹¹ DECOW 16A.

¹² DECOW 16A.

¹³ В оригинале: „Trotzdem hat der Ausdruck im Sinne von Unerwartetheit bzw. Überraschungseffekt insofern linguistische Bedeutung, als das Zusammenspiel von Korrekturfokus und Modalpartikel neben außerlinguistischer konventioneller Implikatur zugrunde zu legen ist. Methodisch ist allerdings davor zu warnen, solchen einzelnen Komponenten alleine einen Mirativitätseffekt zuzuschreiben, sozusagen als lexikalischen Träger“ [4].

Аналогичную ситуацию можно проследить и в случае употребления таких показателей верификации¹⁴ как модальных слов *wirklich* и *tatsächlich* в вопросительных предложениях без вопросительного слова, например:

(8) *Willst du das WIRKLICH wissen?*¹⁵

(9) *Wem kann man trauen? Wer will wen um die Ecke bringen? Führt das Haus TATSÄCHLICH ein Eigenleben??? Die ersten Todesfälle lassen nicht lange auf sich warten ...*¹⁶

В приведённых фрагментах говорящий не желает верить происходящему, использование *wirklich* и *tatsächlich* передаёт его недоумение. Модальные слова *wirklich* и *tatsächlich* позволяют выразить сомнение говорящего в том, что высказанная собеседником информация или имеющиеся догадки в (9) истинны. Как правило, они получают наибольшее ударение.

Для выражения недоумения могут быть использованы и различного типа лексические показатели, например фразеологические обороты типа *Was du nicht sagst*. Рассмотрим примеры:

(10) «*Warum bist Du gestern nicht in die Schule gekommen?*» «*Meine Grossmutter ist gestorben*», *antwortet Seppli. «Was hatte sie gehabt?» fragt der Lehrer. «Lungenentzündung». "Was Du nicht sagst, vor drei Tagen habe ich sie noch auf der Bank vor dem Haus gesehen.*¹⁷

(11) *Aquaplaning ist der Zustand, bei dem das Fahrzeug bereits schwimmt. Ach echt Thommy??? Außer Schiffen und Wasserski kenne ich kein Fortbewegungsmittel, welches da noch steuerbar wäre.*¹⁸

В приведённых высказываниях говорящий выражает своё сомнение, одновременно с этим показано, что информа-

¹⁴ Верификация – выбор из двух значений: ‘да’ и ‘нет’ или ‘истина’ и ‘ложь’ [18, с. 23].

¹⁵ DECOW 16A.

¹⁶ DECOW 16A.

¹⁷ DECOW 16A.

¹⁸ DECOW 16A.

ция является новой и неожиданной для него.

А. Айхенвальд [1, с. 463] обращает внимание на то, что временные формы могут участвовать в выражении удивления говорящего (например, в хинди или урду). Аналогичную ситуацию можно проследить и в немецком языке: так, если проанализировать следующие высказывания, содержащие перфектную форму, то мы увидим, что при определённых условиях *Perfekt* может участвовать в выражении митаривности, сравним:

(12) *BIST du aber groß geworden, Benjamin!*¹⁹

(13) *Du HAST aber geschrieben ...!!*²⁰

В приведённых примерах говорящий выражает своё удивление, связанное с изменившейся в момент говорения ситуацией. Выделенная финитная форма глагола получает при этом акцентное выделение.

Рассмотренные случаи представляют собой варианты проявления митаривных значений в диалоге. Анализ корпусных данных позволил сделать наблюдение о том, что митаривность может иметь место и в монологической речи посредством использования формы *Konjunktiv II* в придаточных предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass* и *anstatt ... dass*. Этот вопрос получил детальное рассмотрение в одной из публикаций автора [23]. Как известно, в придаточных предложениях данного типа может быть использован как *Indikativ*, так и *Konjunktiv*. Рассмотрим предложения, содержащие форму *Indikativ*:

(14) *Meningokokken sind bei etwa zehn Prozent der Bevölkerung nachweisbar, ohne dass bei ihnen die Krankheit auftritt.*²¹

(15) *Da kommen auch stets neue Schulden hinzu, die Kreditzinsen wachsen also, anstatt dass die Last abgebaut wird.*²²

В (14) в придаточном предложении имеет место указание на действие, не наступившее в силу определённого обстоятельства. В (15) придаточное предложение содержит описание ожидаемого говорящим события, которое также не имеет места. Оба высказывания нейтральны, т. е. не содержат показателей эмотивности, а их функциональное назначение заключается в дополнительной характеристике описываемого в главном предложении события. Анализ корпусных данных показывает, что в отдельных случаях вместо формы *Indikativ* может быть использован *Konjunktiv II*. Рассмотрим в этой связи следующие высказывания:

(16) *Darüber hinaus kann die Wirksamkeit eines Medikamentes bei verschiedenen Patienten sehr unterschiedlich sein, ohne dass dies bisher im einzelnen begründbar oder vorhersagbar wäre.*²³

(17) *Doch anstatt dass sich die Lage auf dem Land entspannt hätte, verstärkten sich die Konflikte in dieser Zeit.*²⁴

(18) *Damit vergeht viel zu viel Zeit, in der sich die Schuldenspirale weiter dreht, anstatt dass den Betroffenen geholfen würde.*²⁵

Высказывания (16)–(18), содержащие *Konjunktiv II* в придаточном предложении, маркируют эмоциональную вовлечённость говорящего и его удивление: ситуация не соответствует нормам ожидания. На эту особенность обращают авторы практической грамматики, комментируя употребление претеритальных форм сослагательного наклонения в предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass* и *anstatt ... dass* («Der *Konjunktiv II* drückt Erstaunen und Verwunderung aus») [24, S. 108-109]: высказывания типа (16)–(18) служат для выражения удивления и эмотивно окрашены. Можно заметить, что опыт исследования митаривных зна-

¹⁹ DECOW 16A.

²⁰ DECOW 16A.

²¹ Berliner Zeitung, 16.12.2005 // DWDS.

²² Berliner Zeitung, 24.07.2001 // DWDS.

²³ DECOW 16A.

²⁴ DECOW 16A.

²⁵ Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 18/68 vom 25.11.2014. S. 6459 // DWDS.

чений в нарративных текстах на примере инфинитивных оборотов с *um ... zu* уже представлен в работе Л. Еджейовского [25]: он обращает внимание на возможность выражения контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией в высказываниях типа *Tom trainiert jeden Tag, um dann doch einen Herzinfarkt zu bekommen*. Этот контраст представлен в виде миративной имплицатуры: существует как минимум одна связанная с целью альтернативная пропозиция, отличающаяся от утверждаемой пропозиции и ожидаемая ранее говорящим. Л. Еджейовски пишет в этой связи, что именно она спровоцировала трансформацию *um*: предложения с ними в данном случае служат не для выражения цели, а для передачи контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией. Благодаря контрасту возникает эффект ошеломления: на первый план выходит утверждаемая говорящим пропозиция, которую он представляет собеседнику как неожиданную [25, р. 136]. В высказываниях (16)–(18) также можно говорить о кодировании контраста: в отличие от придаточных предложений, содержащих формы индикатива и служащих для передачи дополнительной характеристики основного действия, описанного в главном предложении, в предложениях с формами конъюнктива выражено удивление/изумление говорящего, поскольку его представления о ситуации контрастируют с реальным положением дел.

Миративность может быть выражена и в случае употребления претеритальных форм сослагательного наклонения при передаче косвенной речи. Как правило, замена презентных форм сослагательного наклонения на претеритальные имеет место тогда, когда они совпадают с формами индикатива. Если же это совпадение не имеет места, то претеритальные формы позволяют передать либо сомнение говорящего, либо неожиданность ситуации для него, например:

(19) *Muss man jetzt wie die feine Gesellschaft des 19. Jahrhunderts hier reden? Und ihr sagt, er wäre nicht direkt beleidigend geworden aber manche User hätten sich davon gestört gefühlt.*²⁶

(20) *Seit kurzem überrascht der Musiker mit einem Geständnis. Der dunkelhäutige Musiker sagt, er wäre der Vater von Teenie-Popstar Justin Bieber.*²⁷

В приведённых высказываниях говорящий, используя претеритальные формы, выражает своё недоумение, которое вызывают у него слова собеседника. В определённой степени наряду с недоумением говорящего в высказывании присутствует и определённая доля сомнения. В высказываниях (19) и (20) может быть использована как форма *Konjunktiv I*, так и *Indikativ* – именно употребление форм сослагательного наклонения в этих синтаксических структурах позволяет передать миративность.

Рассмотренные примеры позволяют обратить внимание на то, что значение миративности не свойственно формам сослагательного наклонения в ином контекстуальном окружении – оно проявляется именно в синтаксических структурах данного типа. Мы исходим из того, что один и тот же грамматический показатель может выражать несколько значений. В. А. Плунгян оперирует понятиями «центральный» и «периферийный» участки в структуре значения граммы [6, с. 55]. Центральный участок – зона стабильности, периферийный – зона вариативности. При этом В. А. Плунгян отмечает, что грамма не является неким аморфным конгломератом слабо связанных друг с другом семантических элементов. Структуру значений граммы он предлагает обозначить термином «семантическая сеть». Наиболее важный фрагмент семантической сети – это её базовое значение, являющееся центральным сразу во всех отношениях, поскольку

²⁶ DECOW 16A. URL: www.webcorpora.org

²⁷ DECOW 16A. URL: www.webcorpora.org

ку не зависит от контекста и встречается чаще других значений [6, с. 55]. Миративность можно отнести к периферийным значениям формы сослагательного наклонения, она может быть передана только в определённых типах синтаксических структур. Очевидно, что миративность не следует идентифицировать только с восклицательным типом предложения, на что также обращает внимание А. Зоцка («*Zuweilen wurde die Mirativität mit dem exklamativen Satzmodus vermengt*») [14, S. 75]. В любом случае, нуждается в более детальном исследовании вопрос о других способах выражения миративных значений в нарративных текстах.

Сказанное позволяет заключить, что в немецком языке миративность находит своё выражение в системе функционирования лексических и грамматических показателей (претеритальных форм сослагательного наклонения, модальных частиц в сочетании с верификативной ремой, маркеров алетической модальности типа *wirklich* и *tatsächlich*), для которых данное значение является не основным, а периферийным, т. е. проявляется в определённых типах контекстов.

Заключение

В данной публикации миративность была представлена как семантическая категория, суть которой заключается в выражении недоумения/удивления говорящего: ситуация для говорящего неожиданна, и он не готов её воспринимать. В свою очередь, миративность коррелирует с контрастом и эмфазой: говорящий должен признать новое положение дел как соответствующее истине, а имевшиеся ранее собственные представления о нём предстают как ложные. Это создаёт неприятие говорящим новой ситуации, что, в свою очередь, контрастирует с его представлениями.

В немецком языке нет граммем, для которых значение миративности было бы центральным, или базовым. Анализ

фактического материала показал, что миративные значения находят своё проявление не только в восклицательных или вопросительных предложениях в разговорной речи. В монологической речи также присутствуют структуры, в которых может быть выражена семантика миративности. Миративная семантика как периферийное значение проявляется в определённом контекстуальном окружении у верификативных показателей (у модальных слов *wirklich* и *tatsächlich*), маркеров нефактической модальности (претеритальные формы сослагательного наклонения при передаче косвенной речи и в придаточных предложениях, вводных союзами *anstatt ... dass* и *ohne ... dass*), а также в высказываниях, содержащих модальные частицы в сочетании с верификативной ремой (*Verumfokus*) в соответствующих конвенциональных импликатурах.

Проведённое исследование позволило решить ряд теоретических и практических задач. Был определён статус данной категории в немецком языке, и рассмотрена система её выражения. На основе анализа фактического материала можно было увидеть, что в немецком языке миративность не относится к эвиденциальным значениям, а представляет собой частный случай проявления контраста и эмфазы. Наблюдения над способностью формы сослагательного наклонения (*Konjunktiv II*) передавать миративную семантику в монологической речи расширяет существующие представления о системе значений, свойственных данной форме и проявляющихся в определённых типах контекстов. Было сделано наблюдение, что в определённой степени миративность сближается с нефактичностью и эпистемичностью, т. е. с дейктическими модальными значениями, что, в свою очередь, свидетельствует о многогранности данной семантической категории. Определённую значимость имеет и описание контекстуальных условий, при которых модальные частицы и модаль-

ные слова как грамматикализованные единицы языковой системы приобретают способность передавать миративную семантику: можно было увидеть, что их значение обусловлено употреблением в определённой синтаксической форме в соответствующих типах контекстов. Данный факт подчёркивает значимость контекста в формировании грамматической семантики языковой единицы.

Изучая подробно категории подобного рода, можно глубже понять закономерности реализации определённых коммуникативных стратегий, заложенных в любой речи носителей языка. Для

лингвистов это создаёт предпосылки для более полного понимания языковых процессов и механизмов, лежащих в основе формирования грамматических значений соответствующих языковых форм. В практическом отношении полученные результаты могут быть в дальнейшем использованы на семинарских занятиях по теоретической и практической грамматике со студентами языковых факультетов вузов.

Перспективным представляется более детальное исследование вопроса о средствах выражения миративности в монологической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aikhenvald A. Y. The essence of mirativity // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. Iss. 3. P. 435–485. DOI: 10.1515/lity-2012-0017.
2. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing // *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology* / ed. W. Chafe, J. Nichols. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 261–272 (Series: *Advances in discourse processes*. Vol. 20).
3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.-Вена: Языки русской культуры, 1998. 544 с.
4. Abraham W. Modalpartikel und Mirativeffekte // *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik* / Hgs. S. Tanaka, E. Leiss, W. Abraham & Y. Fujinawa. Hamburg: H. Buske, 2017. S. 75–108 (Series: *Linguistische Berichte Sonderheft*. Vol. 24).
5. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
6. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
7. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007, С. 600–632.
8. Скрибник Е. К., Зезинг О. А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке // *Вопросы языкознания*. 2012. № 4. С. 39–72.
9. Скрибник Е. К., Озонова А. Средства выражения эвиденциальности и миративности в алтайском языке // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н. А. Козинцевой*. СПб.: Наука, 2007, С. 519–551.
10. Каксин А. Д. Коннотации эвиденциальности в языке памятников орхоно-енисейского письма // *Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий»*, посвящённой 300-летию открытия памятников енисейской письменности и году хакасского эпоса в Республике Хакасия (Абакан, 23–25 сентября 2021 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2021. С. 141–143.
11. Даржаева Н. Б. Средства выражения значения миративности в бурятском сложном предложении // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 2. С. 210–217.

12. Каксин А. Д. О типах языков по способам выражения эвиденциальности и миративности (на материале хантыйского и хакасского языков) // *Siberica: Сибирские исследования*. Анкара: Графикер, 2024. С. 191–203.
13. Хафизова И. И., Хабибуллина Э. К. Соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности в турецком и японском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 3. С. 971–975. DOI: 10.30853/phil20220106.
14. Socka A. *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2021. 570 S. (Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60).
15. Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024. Т. 21. № 4. С. 802–824. DOI: 10.21638/spbu09.2024.403.
16. Коста П., Исакова Г. Ж. Современные тенденции изучения модальности: эпистемическая модальность и эвиденциальность (New Tendencies in the Study of Modality: Epistemic Modality and Evidentiality) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2022. № 6. С. 25–40. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-25-40.
17. Янко Т. В. Просодически ориентированная модель коммуникативной структуры // *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. Berlin: Peter Lang, 2022. S. 493–503.
18. Янко Т. В. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 313 с.
19. Янко Т. Е. Прагматика и просодия: ориентация на звучащую речь как принцип лингвистической прагматики // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16. № 2. С. 71–92. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-4.
20. Янко Т. В. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
21. Höhle T. N. Vorwort und Nachwort zu 'VERUM-Fokus'. [und] VERUM-Fokus // *Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 5*. Lund: Germanistisches Institut der Universität Lund, 1988. S. 1–7.
22. Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. New York: Elsevier, 1975. P. 41–58.
23. Аверина А. В. Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке // *Рема. Rhema*. 2025. № 2. С. 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41.
24. Buscha A., Szita S., Raven S. *C-Grammatik. Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache*. Leipzig: Schubert Verlag, 2013. 242 S.
25. Jędrzejowski Ł. Zur Entstehungsumständen von mirativen *um-zu*-Sätzen im Deutschen // *Paths through meaning and form: Festschrift offered to Klaus von Heusinger on the occasion of his 60th birthday*. Köln: USB Monographs, 2022. P. 134–137.

REFERENCES

1. Aikhenvald, A. Y. (2012). The essence of mirativity. In: *Linguistic Typology*, 16 (3), 435–485. DOI: 10.1515/lity-2012-0017.
2. Chafe, W. (1986). Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. In: Chafe, W. & Nichols, J. (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, NJ: Ablex, pp. 261–272 (Series: Advances in discourse processes. Vol. 20).
3. Melchuk, I. A. (1988). *Course in General Morphology. Vol. 2*. Moscow, Vienna: Yazyki russkoy kultury publ. (in Russ.).

4. Abraham, W. (2017). Modalpartikel und Mirativeffekte. In: Tanaka, S., Leiss, E., Abraham, W. & Fujinawa, Y. (Hgs.). *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik*. Hamburg: H. Buske, S. 75–108 (Series: Linguistische Berichte Sonderheft. Vol. 24).
5. Kozintseva, N. A. (2007). Typology of the Category of Attestation. In: *Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 13–36 (in Russ.).
6. Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. (in Russ.).
7. Khrakovsky, V. S. (2007). Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity. In: *Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 600–632 (in Russ.).
8. Skribnik, E. K. & Seesing, O. A. (2012). Towards the description of evidentiality and mirativity in Kalmyk. In: *Topics in the Study of Language*, 4, 39–72 (in Russ.).
9. Skribnik, E. K. & Ozonova, A. (2007). Means of expressing evidentiality and mirativity in the Altai language. In: *Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N. A. Kozintseva*. St. Petersburg: Nauka pu Darzhaeva N.B.bl., pp. 519–551 (in Russ.).
10. Kaksin, A. D. (2021). Evidential connotations in the language of monuments of the Orkhon-Yenisei writing. In: *Proceedings of the International Symposium of Khakass Epic, the 8th International Scientific Conference „Peoples and cultures of the Sayan-Altai and bordering territories“, dedicated to the 300th anniversary of the discovery of sites of the Yenisei script and to the Year of Khakass epic in the Republic of Khakassia (Abakan, September 23–25, 2021)*. Abakan: Khakassian Book Publishing House named after V. M. Torosov, pp. 141–143 (in Russ.).
11. Darzhaeva, N. B. (2014). Means of expressing mirativity in the Buryat complex sentence. In: *Siberian Journal of Philology*, 2, 210–217 (in Russ.).
12. Kaksin, A. D. (2024). About types of languages on ways of expression of an “evidence” and “admiration” (on material of the Khanty and Khakass languages). In: *Siberica: Siberian Research*. Ankara: Grafiker publ., pp. 191–203 (in Russ.).
13. Khafizova, I. I. & Khabibullina, E. K. (2022). Relation between Epistemic Modality and Evidentiality in Turkish and Japanese. In: *Philology. Theory & Practice*, 15 (3), 971–975. DOI: 10.30853/phil20220106 (in Russ.).
14. Socka, A. (2021). *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang (Reihe: Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 60).
15. Ivanova, S. V. & Khakimova, G. Sh. (2024). Evidentiality and epistemic modality: Overlap view within word semantics. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21 (4), 802–824. DOI: 10.21638/spbu09.2024.403 (in Russ.).
16. Kosta, P. & Iskakova, G. Zh. (2022). New Tendencies in the Study of Modality: Epistemic Modality and Evidentiality. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 25–40. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-25-40.
17. Yanko, T. E. (2022). Prosodically oriented model of communicative structure. In: *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. Berlin: Peter Lang, S. 493–503 (in Russ.).
18. Yanko, T. E. (2008). *Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
19. Yanko, T. E. (2025). Pragmatics and prosody: the analysis of oral speech as a principle of linguistic pragmatics. In: *SLOVO.RU: Baltic Accent*, 16 (2), 71–92. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-4 (in Russ.).

20. Yanko, T. E. (2001). *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (in Russ.).
21. Höhle, T. N. (1988). Vorwort und Nachwort zu 'VERUM-Fokus'. [und] VERUM-Fokus. In: *Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 5*. Lund: Germanistisches Institut der Universität Lund, S. 1–7.
22. Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. New York: Elsevier, pp. 41–58.
23. Averina, A. V. (2025). Modal semantics of the subjunctive mood in German. In: *Rhema*, 2, 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41 (in Russ.).
24. Buscha, A., Szita, S. & Raven, S. (2013). *C-Grammatik. Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache*. Leipzig: Schubert Verlag.
25. Jędrzejowski, Ł. (2022). Zur Entstehungsumständen von mirativen *um-zu*-Sätzen im Deutschen. In: *Paths through meaning and form: Festschrift offered to Klaus von Heusinger on the occasion of his 60th birthday*. Köln: USB Monographs, pp. 134–137.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

<https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>; e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Averina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German Grammar and History, Moscow State Linguistic University, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>; e-mail: a.v.averina@linguanet.ru

Научная статья
УДК 811.112.2`36
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-90-102

ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ТАКСИСНЫЙ И МЕДИАЛЬНО-ТАКСИСНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СУБКОМПЛЕКСЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Архипова И. В.

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: irarch@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.11.2025

Принята к публикации 28.11.2025

Аннотация

Цель данной работы заключается в функционально-семантическом анализе таксисного семантического комплекса немецкого языка, а именно: инструментально-таксисного и медиально-таксисного семантических субкомплексов, актуализирующих значения одновременности.

Процедура и методы. В статье проанализированы высказывания с предложными девербативами и инструментальными предлогами *mit*, *durch*. При проведении исследования применены следующие методы: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный анализ материала, отобранного методом направленной выборки из Лейпцигского национального корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS).

Результаты. На основе анализа эмпирического материала (более 2000 фрагментов) было установлено, что взаимодействие категорий таксиса и инструментальности (медиальности) формирует соответствующие семантические субкомплексы. Установлено, что базовым критерием дифференциации инструментального и медиального таксиса в рассматриваемых субкомплексах является природа средства-инструмента. Доказано, что для инструментального таксиса характерна не-антропоморфная и объективно-детерминированная природа средства, направленного на прямое физическое или механическое изменение состояния внешнего объекта. В противоположность этому, медиальный таксис кодирует отношение, где средство представляет собой интенционально избираемое агентом сопутствующее действие.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие функционально-семантической концепции таксиса и теории межкатегориального взаимодействия. Материалы и основные положения исследования могут быть использованы в практике преподавания теоретической и функциональной грамматики немецкого языка в высшей школе.

Ключевые слова: таксис, поликатегориальный семантический комплекс, инструментальность, медиальность, предложные девербативы, инструментальные предложные девербативы, медиальные предложные девербативы, инструментально-таксисный субкомплекс, медиально-таксисный субкомплекс

Для цитирования:

Архипова И. В. Инструментально-таксисный и медиально-таксисный семантические субкомплексы в немецком языке // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 90–102. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-90-102>

Original research article

INSTRUMENTAL-TAXIS AND MEDIAL-TAXIS SEMANTIC SUBCOMPLEXES IN THE GERMAN LANGUAGE

I. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: irarch@yandex.ru

Received by the editorial office 18.11.2025

Accepted for publication 28.11.2025

Abstract

Aim. The aim of this study is to conduct a functional-semantic analysis of the taxis semantic complex of the German language, specifically the instrumental-taxis and medial-taxis semantic subcomplexes that express the meaning of simultaneity.

Methodology. The article analyzes utterances with prepositional deverbatives and the instrumental prepositions *mit* and *durch*. The following methods were used: hypothetico-deductive, inductive, descriptive, and contextual analysis of material selected using directed sampling from the Leipzig National Corpus (LC) and the Electronic Dictionary of the German Language (DWDS).

Results. Based on the analysis of empirical material (over 2,000 fragments), it was established that the interaction of the categories of taxis and instrumentality (mediality) forms corresponding semantic subcomplexes. It has been established that the basic criterion for differentiating instrumental and medial taxis in the subcomplexes under consideration is the nature of the instrumental means. Instrumental taxis is characterized by a non-anthropomorphic and objectively determined nature of the means, aimed at directly changing the physical or mechanical state of an external object. In contrast, medial taxis encodes a relationship where the means represents an accompanying action intentionally chosen by the agent.

Research implications. The results of the study contribute to the development of the functional-semantic concept of taxis and the theory of intercategory interaction. The materials and main provisions of the study can be used in the teaching of theoretical and functional grammar of the German language in higher education.

Keywords: taxis, polycategorical semantic complex, instrumentality, mediality, prepositional deverbatives, instrumental prepositional deverbatives, medial prepositional deverbatives, instrumental-taxis subcomplex, medial-taxis subcomplex.

For citation:

Arkhipova, I. V. (2026). Instrumental-taxis and medial-taxis semantic subcomplexes in the German language. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp. 90–102. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-90-102>

Введение

Категория таксиса получила особый статус лишь в отечественной лингвистике. В зарубежной лингвистике она интегрируется в другие грамматические категории – темпоральности и аспектуальности [1–4].

Понятие «категориальный семантический комплекс» определяется в совре-

менной отечественной лингвистике как совокупность семантических категорий, объединённых общей функциональной целью, предназначением и направленностью на актуализацию значений, формирующихся на стыке нескольких категорий [5–8].

Особого внимания заслуживает изучение таксисных поликатегориальных

семантических субкомплексов, которые возникают в результате взаимодействия таксиса с другими функционально-семантическими категориями. При этом инструментально-таксисные и медиально-таксисные семантические субкомплексы в немецком языке остаются недостаточно исследованными.

В настоящей работе таксисный поликатегориальный семантический комплекс анализируется с позиций функционально-семантического подстава в традициях Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики. Интегративное взаимодействие категории таксиса с категориями инструментальности и медиальности приводит к формированию инструментально-таксисных и медиально-таксисных семантических субкомплексов. В них актуализуются значения инструментального и медиального таксиса одновременности.

Основными терминами исследования являются: *инструментально-таксисный семантический субкомплекс* и *медиально-таксисный семантический субкомплекс*. Эти термины обозначают системы разноразрядных языковых средств, объединённые общей функцией выражения таксисных отношений одновременности между действиями, где одно из действий выражено инструментальным или медиальным предложным девербативом.

Центральной единицей проведённого функционально-семантического анализа выступают инструментально-таксисный и медиально-таксисный семантические субкомплексы, понимаемые как интегративные системы языковых средств, эксплицирующие отношения одновременности между каузирующим и каузируемым действиями.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения механизмов взаимодействия таксиса с категорией инструментальности в немецком языке. Инструментально-таксисные и медиально-таксисные конструкции рассматриваются в работе как средства актуализации

таксисной категориальной семантики одновременности, что составляет научную новизну исследования.

Материал для исследования был отобран методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC)¹ и Электронного словаря немецкого языка (DWDS)². Было проанализировано более 2000 высказываний.

Функционально-семантические категории таксиса и инструментальности

Функционально-семантические категории таксиса и инструментальности находятся в отношениях тесной взаимосвязи. Их синкретическое объединение по модели межкатегориальной инклюзии обеспечивает актуализацию инструментально-таксисных значений одновременности в высказываниях с предложными девербативами при участии предлогов инструментальной семантики *mit*, *durch* [5].

Функционально-семантическое поле инструментальности имеет полицентрическую структуру и включает два микрополя: «средство – предмет – орудие» и «средство – непредмет – способ» [9, с. 146].

Прототипическими элементами инструментально-таксисных конструкций являются предлоги *mit*, *durch*, акциональные и процессуальные девербативы, а также глаголы физического и психического воздействия. Например:

(1) *Mit dem Heben und Senken der Tragflächen wurde der verbleibende Treibstoff in die Leitungen gelenkt, um weiterfliegen zu können (LC).* – *Посредством подъёма и опускания крыльев оставшееся топливо направлялось в топливопроводы для обе-*

¹ Leipzig Corpora Collection [Электронный ресурс]. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/en/download/> (дата обращения: 10.10.2025).

² Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 10.10.2025).

спечения продолжения полёта (здесь и далее – перевод автора).

(2) *Die Wäsche wird durch das Drehen der Kurbel und die dadurch ausgelöste Bewegung der Kugel gereinigt (DWDS).* – Очистка белья осуществляется за счёт поворота рукоятки и вызванного этим движения шарика.

(3) *Durch das Drehen des Eisengitters und die daraus entstehende Zentrifugalkraft werden die Fettbläschen in der Sahne an die Wand des Zylinders geschlagen und es entsteht Schlagsahne (DWDS).* – Вращение железной решётки и возникающая при этом центробежная сила заставляют пузырьки жира в сливках разбиваться о стенки цилиндра, в результате чего получают взбитые сливки.

(4) *Durch das Drehen einer Schraube (Beinchen) werden die Bogenhaare gespannt (DWDS).* – Натяжение волоса смычка осуществляется вращением винта (ножки).

Инструментальная ситуация реализуется в трёх вариантах: регулятивном («цель – средство»), исполнительском («целенаправленное действие – средство его осуществления») и результативном («средство – результат») [9, с. 86–89].

При актуализации исполнительской ситуации наблюдается синкретизм инструментального и модального значений:

(5) *Diese hatten sich zuvor durch das gewaltsame Öffnen eines Fensters Zugang in das Haus verschafft (LC).* – Ранее они проникли в дом, взломав окно.

(6) *Durch das Klopfen auf bestimmte Meridian-Punkte werden Blockaden und negative Gefühle psychologisch «umgekehrt» (LC).* – Воздействие на определённые точки меридиана позволяет психологически «снять» блокировки и негативные чувства.

В примерах с предлогом *durch* актуализованы инструментально-таксисные значения одновременности. Здесь наблюдается синкретизм инструментальной и модальной семантики. Инструментальный компонент формирует «структурно-логический каркас» высказывания.

Предлог *durch* устанавливает отношение каузальной инструментальности, при котором номинализованное действие (действие девербатива) репрезентируется как непосредственное средство реализации действия глагола. Данная связь моделирует ситуацию, где достижение целевого состояния детерминировано выполнением действия-инструмента. Модальный компонент имплицитно наслаивается на инструментальную основу. Конкретная семантика избранного средства – номинализованного действия – служит источником модальной квалификации процесса. Эта квалификация эксплицитно оценивает способ действия по шкалам «эффективность / неэффективность», «нейтральность / интенсифицированность». Интегрирующая роль таксиса одновременности заключается в обеспечении неразрывности данной связи. Синхронность двух действий, выраженная грамматически, преобразует их из дискретных этапов в единый процессуальный комплекс. Это усиливает восприятие инструментального действия как неотъемлемой и непосредственно реализующейся части каузальной цепи, что, в свою очередь, интенсифицирует сопряжённую с ним модальную характеристику.

Результативная ситуация демонстрирует связь с каузальностью:

(7) *Es erhält aber Glanz und Schwung durch regelmässiges Schneiden und durch die Anwendung von speziellen Pflegeprodukten wie Haarkuren (DWDS).* – Тем не менее он сохраняет свой блеск и упругость благодаря регулярной стрижке и применению специальных средств по уходу, таких как средства для волос.

В данном примере наблюдается актуализовано каузально-инструментально-таксисное значение одновременности. В конструкциях с предлогом *durch*, выражающих таксис одновременности, наблюдается неразрывный синтез инструментального и каузального значений.

Инструментальный компонент значения заключается в том, что номинализо-

ванные действия (*Regelmässiges Schneiden, Anwendung von speziellen Pflegeprodukten*) маркируются данным предлогом в качестве средства для достижения целевого состояния. В данном случае целевым состоянием является поддержание определённых свойств объекта (*Erhalt von Glanz und Elastizität*). Каузальный компонент проявляется в том, что эти же номинализованные действия интерпретируются как непосредственная причина наступления или сохранения данного целевого состояния. Предлог *durch* кодирует при этом не просто использование инструмента, но и причинно-следственную связь, где действие-средство является каузальным агентом. Интегрирующая роль таксиса одновременности заключается в процессуальном характере описываемой ситуации. Речь идёт не о единичном акте, а о протяжённом процессе, в котором действия-средства и поддерживаемое ими состояние коэкстенсивны во времени. При этом временная сопричастность подчёркивает, что инструментальные действия оказывают непрерывное каузальное воздействие, обеспечивая сохранение результата.

Регулятивная ситуация проявляет синкретизм с кондициональностью:

(8) *Sie ermöglichen zum Beispiel eine kontrollierte natürliche Lüftung durch das automatisierte Öffnen und Schließen der Fenster bei Bedarf (LC)*. – Например, они обеспечивают контролируемую естественную вентиляцию **за счёт автоматического открытия и закрытия окон по мере необходимости**.

(9) *Die Festigkeitszunahme der Drähte durch das Ziehen bei der Herstellung ermöglichte leistungsfähigere Tragkabel als bei Verwendung von Tragketten (DWDS)*. – Повышенная прочность проволок **за счёт вытяжки в процессе изготовления** позволила создать более эффективные опорные тросы, чем при использовании опорных цепей.

(10) *Durch das Öffnen der Staumauer entsteht eine Flutwelle, welche das Flößen der*

bis zu 11 Meter langen Baumstämme bis in die Elbe ermöglicht (DWDS). – **Открытие плотины создаёт волну, которая позволяет сплавать брёвна длиной до 11 метров в реку Эльба**.

В приведённых примерах наблюдается синкретизм инструментального и кондиционального компонентов, образующих единый семантический комплекс, где инструмент выступает материализованным условием, а условие – концептуальной предпосылкой инструментального воздействия.

Инструментальный компонент выражен предлогом *durch*, который маркирует номинализованное действие (*das automatisierte Öffnen und Schließen der Fenster, das Öffnen der Staumauer, das Ziehen bei der Herstellung*) в качестве непосредственного средства реализации основного действия. Данные процессуальные средства представляют собой физические манипуляции, непосредственно создающие условия для достижения целевого состояния.

Кондициональный компонент имплицитно маркируется самой семантикой инструментального действия, которое: 1) актуализируется не постоянно, а при наступлении определённого условия (*bei Bedarf* – «по необходимости»); 2) обладает каузативным потенциалом, где его реализация является необходимым и достаточным условием для достижения результата.

Отношения между компонентами характеризуются взаимной обусловленностью: инструментальное действие служит материальным исполнительным механизмом, активируемым при соблюдении определённых условий, которые, в свою очередь, определяют саму возможность реализации инструментальной функции.

Таксис одновременности синхронизирует три элемента структуры: наступление условия → активация инструмента → достижение результата, подчёркивая процессуальное единство каузальной цепи.

Инструментальные и медиальные предлоги в немецком языке

В инструментальной функции предлог *mit* репрезентирует объекты, используемые агентом для осуществления действия, будь то орудия труда, материалы или иные предметы, применяемые как намеренно, так и ненамеренно. При комбинации с именами существительными конкретно-предметной семантики предлог *mit* выражает значение «чистой инструментальности» (*Ich schreibe mit dem Kugelschreiber. – Я пишу шариковой ручкой; Ich schneide mit dem Messer. – Я режу ножом.*)

При сочетании с процессуальными и акциональными девербативами, обозначающими целенаправленные действия одушевлённого субъекта, предлог *mit* приобретает медиальное значение. В данном случае он характеризует действие-средство, которое выступает причиной или инструментом для достижения цели, выраженной главным глаголом-сказуемым. Сопутствующее действие, обозначаемое девербативом, интерпретируется как намеренно избранный способ для достижения желаемого результата.

В отличие от сочетаний с предметными именами, где используются глаголы целенаправленного физического действия, с девербативами *mit* сочетается с глаголами психического или физического воздействия (*antworten, beantworten, erwidern, quittieren, annehmen* и т.д.). Например:

(11) *Ein Jahr vor ihrem Tod antwortete Ingeborg Bachmann darauf mit Schweigen* (LC). – За год до своей смерти Ингеборг Бахман ответила на это молчанием.

(12) *Die Kriegserklärung Rumäniens wurde mit dem Angriff beantwortet* (LC). – Объявление войны Румынии было встречено ответным нападением.

(13) *...der Entwurf wird mit Kopfnicken angepopten* (LC). – ...проект принимается кивком.

В приведённых контекстах предлог *mit* в медиальном значении маркирует

категориальную семантику медиального таксиса одновременности.

Предлог *durch* в инструментальном значении указывает на инструмент, средство или посредника, через которое осуществляется действие (частично синонимично предлогу *mit*). Например:

(14) *Durch Drücken von W schießt man kleine Kügelchen ab* (LC). – Нажатием клавиши W производится выстрел маленькими шариками.

(15) *Seltener wird mit dem Rebmesser auch durch Drücken geschnitten, jedoch nie gehackt* (DWDS). – Реже секатор используют также для резки путём нажатия, но никогда для измельчения.

(16) *Die in den letzten Jahren typisch gewordene gequetschte oder gedrehte Form wird durch Drücken mit einem dünnen Rundholz – beispielsweise dem Stiel eines Kochlöffels – in der Mitte des Teiglings bewirkt* (DWDS). – Типичная в последние годы сплюснутая или скрученная форма достигается путём нажатия на середину куска теста тонким круглым деревянным инструментом, например, ручкой кухонной ложки.

В данных примерах предлог *durch* маркирует категориальную семантику инструментального таксиса одновременности.

Разграничение медиального и инструментального таксиса одновременности

В системе немецкого языка предлоги *mit* и *durch* функционируют как маркеры двух различных типов таксисных отношений – медиального и инструментального, объединённых общей семантикой средства осуществления действия, но различающихся по характеру репрезентации этого средства.

1. Медиально-таксисные ситуации одновременности.

В данном случае предлог вводит конструкцию, обозначающую сопутствующее действие-манифестацию. Это дей-

стве представляет собой невербальный коммуникативный акт, физиологическую реакцию или демонстрацию, которая сопровождает основное действие или служит его причиной. Например:

(17) *Man muss die Antwort selbst geben, wörtlich, und er bestätigt sie durch Nicken.* (LC). – Ответ необходимо дать самостоятельно, дословно, и он **подтверждает его кивком**.

(18) *Vor acht Monaten, vor der Reichsgrenze, in seinem mit Devisen gefütterten Rock hatte er sich durch Zittern verraten.* – Восемь месяцев назад у границы рейха в своём пиджаке, набитом валютой, он **выдал себя дрожью**.

2. Инструментально-таксисные ситуации одновременности.

В этом типе ситуаций предлог *durch* вводит девербатив – имя действия, которое функционирует как непосредственный инструмент, механизм или каузатор основного процесса. Данное действие представляет собой не сопутствующий акт, а прямое средство достижения физически ощутимого результата.

(19) *Bei Säugern werden die Augen vor allem durch das Senken des oberen Lides geschützt* (LC). – У млекопитающих глаза **защищаются, главным образом, путём опускания верхнего века**.

Ключевое отличие между данными категориями заключается в характере действия: медиальный таксис акцентирует сопутствование или коммуникативную манифестацию, в то время как инструментальный таксис подчёркивает непосредственное каузальное или физическое воздействие как инструмент для достижения цели.

Спецификация инструментального и медиального таксиса: синтаксические и семантические актуализаторы

В этой связи следует разграничивать:

1. Инструментально-таксисные ситуации: каузация физической модификации.

Данный тип ситуаций актуализируется акциональными и процессуальными девербативами с предлогами *durch* и *mit* в инструментальном значении. Ключевым признаком является сочетание с каузативными глаголами, обладающими интегральной семой физической или функциональной модификации объекта. Эти глаголы обозначают целенаправленное изменение физического состояния, формы или положения объекта.

(20) *Die weicheren Stifte werden durch Pressen hergestellt* (LC). – Более мягкие карандаши **изготавливаются путём пресования**.

(21) *Der Vorgang wird durch Drücken der Abruf-, Polling- oder Empfangstaste des Faxgerätes eingeleitet* (LC). – Процесс иницируется **нажатием кнопки вызова, опроса или приёма факсимильного аппарата**.

2. Медиально-таксисные ситуации: каузация коммуникативной и психической модификации.

Медиальный таксис, будучи разнообразно инструментальным, специфицируется за счёт семантики своих актуализаторов. Ситуации конституируются девербативами-соматизмами и кинемами (обозначающими жесты и телодвижения: *das Achselzucken, das Kopfnicken, das Lachen*), которые сочетаются с предлогом *mit*. Данные конструкции функционируют с каузативными глаголами, содержащими семы «психическая модификация», «информативная модификация» или «реакция». Глаголы обозначают не физическое воздействие, а изменение в ментальной, эмоциональной или коммуникативной сфере. Например:

(22) *Laute Fröhlichkeit wird von Croupiers mit Zischen bestraft* (LC). – Громкая весёлость **считается неучтивым поведением и карается крупье шипением**.

(23) *Auf die Frage ... reagierte Vorstand Stefan Kalt mit einem Achselzucken* (LC). – На вопрос ... **председатель правления Стефан Кальт отреагировал пожатием плеч**.

(24) *Eva Ellinghaus quittierte die Vorwürfe mit Schluchzen... (LC)*. – *Ева Эллингхаус ответила на упреки рыданиями...*

(25) *Hohenheim quittierte den Dank und die Warnung mit einem Nicken und trieb das Rößlein an (DWDS)*. – *Хоэнхайм кивком ответил на благодарность и предупреждение и погнал лошадь дальше.*

Таким образом, дифференциация между инструментальным и медиальным таксисом проводится по характеру осуществляемой модификации. Инструментальный таксис актуализирует ситуации физико-функционального преобразования объекта. Медиальный таксис актуализирует ситуации коммуникативно-психического воздействия, где жесты и телодвижения выступают в роли семиотических средств, эквивалентных речевому акту или эмоциональной реакции.

Таксисный поликатегориальный семантический комплекс: теоретические основания

Таксисный поликатегориальный семантический комплекс представляет собой систему равноуровневых языковых средств, характеризующуюся двумя фундаментальными признаками:

1. Общим семантическим содержанием, выражающим хронологические отношения (одновременность / разновременность).

2. Единой функциональной направленностью на актуализацию таксисной семантики (одновременность, предшествование, следование).

Формирование таксисных семантических субкомплексов является результатом межкатегориального взаимодействия таксиса с другими функционально-семантическими категориями, такими как темпоральность, аспектуальность, итеративность, квантитативность, каузальность, концессивность, консекутивность, инструментальность.

В рамках интегративного типа взаимодействия таксис образует диффузные сегменты с темпоральностью, аспектуаль-

ностью, итеративностью, квантитативностью и каузальностью, формируя соответствующие семантические комплексы [5].

Целесообразно выделять две разновидности поликатегориальных комплексов:

1. «Близкие» комплексы: таксис – темпоральность, таксис – аспектуальность, таксис – итеративность, таксис – временная локализованность.

2. Комплексы «неблизких» категорий: таксис – квантитативность, таксис – каузальность, таксис – инструментальность, таксис – концессивность, таксис – кондициональность, таксис – финальность, таксис – консекутивность [5].

А. В. Бондарко рассматривает группировку полей аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка как аспектуально-темпоральный комплекс, подчёркивая многомерность отношений дифференциации и интеграции в репрезентации темпоральной идеи [6].

Следуя данной концепции, мы выделяем темпорально-аспектуально-таксисный поликатегориальный семантический комплекс. В его структуре дифференцируются одиннадцать семантических субкомплексов, актуализирующих значения одновременности и разновременности: 1) темпорально-таксисный; 2) итеративно-таксисный; 3) фазово-таксисный; 4) квантитативно-таксисный; 5) модально-таксисный; 6) инструментально-таксисный / медиально-таксисный; 7) кондиционально-таксисный; 8) каузально-таксисный; 9) концессивно-таксисный; 10) консекутивно-таксисный; 11) финально-таксисный.

Инструментально-таксисный семантический субкомплекс и медиально-таксисный субкомплексы: разграничение

Как уже отмечалось, в системе таксисных отношений одновременности инструментальный и медиальный таксис, при всей их генетической и функ-

циональной близости, демонстрируют чёткое функционально-семантическое разграничение. Хотя медиальный таксис правомерно рассматривать в качестве специализированной разновидности инструментального, поскольку оба типа кодируют отношение средства к действию, их дифференциация основывается на фундаментальном различии в природе средства и сфере протекания каузируемого действия.

Семантика инструментального таксиса заключается в выражении отношения, при котором каузируемое действие глагола осуществляется посредством физического, механического или технологического инструментария. Фокус смещён на объективную, внешнюю по отношению к агенту, причинно-следственную связь, непосредственно ведущую к модификации объекта. Формальными маркерами данной категории выступают предлоги *durch* и реже *mit*, акциональные и процессуальные девербативы, обозначающие технические манипуляции (*Ziehen*, *Drücken*), а также каузативные глаголы с интегральной семой «физическая модификация».

Ключевым признаком инструментального таксиса, актуализируемого в инструментально-таксисных семантических субкомплексах, является не-антропоморфная и объективно-детерминированная природа средства, направленного на изменение состояния внешнего объекта, где связь «инструмент – результат» носит прямой, часто механический характер. Данный признак имплицитно, что инструмент: 1) представляет собой физический, механический или технологический объект / процесс, существующий независимо от воли агента; 2) его применение направлено на изменение состояния внешнего объекта в сфере внешней, предметной деятельности; 3) связь «инструмент – результат» носит прямой, немедленный и причинно-следственный характер, лишённый субъективной опосредованности. Например:

(26) *Durch Ziehen an den Endfäden werden Fältchen erzeugt und der Stoff wird so auf eine geringere Breite gekürzt (LC).* – **Путём протягивания конечных нитей** создаются складки, и ткань таким образом укорачивается до меньшей ширины.

(27) *Durch Ziehen dieses Hebels wird die Motorhaube teilweise entriegelt... (LC).* – **Если потянуть за этот рычаг**, капот частично откроется...

(28) *Ein Druck auf sie zeigt die App-Symbole an, durch Drehen wird die reale Umgebung nach und nach durch virtuelle Welten ersetzt (LC).* – При нажатии на него отображаются значки приложений; **при его вращении** реальная среда постепенно заменяется виртуальными мирами.

(29) *Durch Ziehen der Reißleine werden die Ballons mit einem Stickstoff-Luft-Gemisch gefüllt (LC).* – **Путём выдёргивания спускового шнура** шары наполняются смесью азота и воздуха.

(30) *Durch das Heben und Absenken eines Überlaufrohrs wird der Wasserspiegel bei den Elektroden und damit die Heizleistung stufenlos geregelt (LC).* – **Посредством подъёма и опускания переливной трубки** уровень воды у электродов и, следовательно, мощность нагрева плавно регулируются.

(31) *Durch das Ziehen am Bügel wird Arbeit gegen die Oberflächenspannung verrichtet (DWDS).* – **Тяга за ручку** преодолевает поверхностное натяжение.

(32) *In der ersten Phase wurden durch das Ziehen von Kugeln aus dem Kreis der Wahlberechtigten die sogenannten „Nominatoren“ ausgelost (DWDS).* – На первом этапе из числа имеющих право голоса граждан **путём жеребьёвки** были отобраны так называемые «номинаторы».

(33) *Durch das Ziehen und Umreißen der Zeltplöcke (Zeltheringe) fielen die Unterkunftszelte zusammen und verbreiteten so Verwirrung im gegnerischen Lager (DWDS).* – **Выдёргивание и опрокидывание колышков** привело к обрушению жилых палаток, что вызвало смятение в лагере противника.

(34) *Durch das Ziehen am Schalthebel wird der Zug gespannt und der Käfig des Schaltwerks bewegt sich (DWDS).* – При нажатии на рычаг переключения передач трос натягивается, и перемещается рамка переключателя.

(35) *Bei der mechanischen Registertraktur wird durch das Ziehen oder durch das Zurückschieben eines Registerzugs eine Mechanik aus Zugstangen und Wellen bewegt, die bewirkt, dass die Schleife in der Windlade verschoben wird und so ein bestimmtes Register der Orgel spielbar wird (DWDS).* – При механическом стопорном действии нажатие или вытягивание стопорного рычага приводит в движение механизм стержней и валов, который заставляет двигаться петлю в патрубке, тем самым, делая определённый регистр органа доступным для игры.

В противоположность этому, медиальный таксис выражает отношение, при котором действие, преимущественно коммуникативное, эмоциональное или оценочное, реализуется через телесный жест, мимику или невербальный поведенческий акт. Семантический фокус смещён здесь на семиотическую функцию средства: тело или его часть становятся знаком, «посредником» для передачи внутреннего состояния или социального сигнала. Его формальный инвентарь строже: предлог *mit*, девербативы-соматизмы и девербативы-кинемы (*Achselzucken, Schulterzucken, Nicken, Kopfnicken*), а также предикаты, включающие глаголы коммуникации (*beantworten, reagieren, quittieren, weisen*), каузации психического состояния (*bestätigen, überzeugen*) и эмоционально-интеллектуального воздействия (*bestrafen*). Ключевой признак – антропоморфная и семиотическая природа средства, обозначаемого девербативом – реализуется в медиально-таксисных семантических комплексах одновременности. Например:

(36) *Der Routinier auf der Trainerbank nahm die zweite Niederlage in Folge mit einem Achselzucken (LC).* – Опытный тре-

нер в ответ на второе поражение пожал плечами.

(37) *Merz reagierte mit Kopfnicken... (LC).* – Мерц ответил кивком головы...

(38) *Mit einem Nicken weist sie auf die Tischecke vor ihm (DWDS).* – Кивком она указывает на угол стола перед ним.

(39) *Dies wurde von Bürgermeister Todeskino noch zuvor mit einem Schulterzucken zur Kenntnis genommen und im Bauausschuss nicht ernst genommen (DWDS).* – Мэр Тодескино ранее отмахнулся от этого заявления, пожав плечами, а строительный комитет не отнёсся к нему серьёзно.

(40) *Und wie bei der Signatur beantworten die meisten diese Frage mit einem Schulterzucken (DWDS).* – И, как и в случае с подписью, большинство людей отвечают на этот вопрос пожатием плеч.

(41) *Er blieb lange da und erwiderte später den fragenden Blick des Wirtes mit Achselzucken (LC).* – Он оставался там долго, а затем ответил на вопросительный взгляд хозяина пожатием плеч.

(42) *Auf das Urteil reagieren die Angeklagten mit Schulterzucken (LC).* – Подсудимые отреагировали на приговор пожатием плеч.

(43) *Die Arbeitnehmervertreter bekundeten mit einem Nicken ihr Einverständnis (LC).* – Представители работников выразили своё согласие кивком.

(44) *Mit einem Kopfnicken forderte er mich auf, endlich ins Haus zu gehen (LC).* – Кивком он настоятельно рекомендовал мне наконец зайти внутрь.

(45) *Heute reagiert er auf die Frage nach seinem Verhältnis zu Kurt Biedenkopf mit einem Schulterzucken (DWDS).* – Сегодня, когда его спрашивают о его отношениях с Куртом Биденкопфом, он просто пожимает плечами.

(46) *Meinen unschlüssigen Blick quittiert Piero mit einem Schulterzucken, "va bene!" (DWDS).* – Пьеро ответил на мой неуверенный взгляд пожатием плеч: «Va bene!».

(47) *Als Hu Jintao auf Weisung Xis vor laufenden Fernsehkameras von der Führungs-*

tribüne geführt wurde, tippte er Li freundlich auf die Schulter und Li erwiderte mit einem Kopfnicken (DWDS). – Когда Ху Цзиньтао по приказу Си Цзиньпина выводили с трибуны перед камерами в прямом эфире, он любезно похлопал Ли по плечу, и тот ответил кивком.

(48) *Der Nächste von ihnen ruft etwas und deutet dabei mit einem Kopfnicken auf Khalil, das Gesicht verzogen, als hätte er gerade etwas Widerliches essen müssen (DWDS).* – Следующий из них что-то кричит и кивает, указывая на Халиля; его лицо искажено, словно он только что съел что-то отвратительное.

(49) *Christoph Winkler bekräftigt seine Worte mit einem Kopfnicken (DWDS).* – Кристоф Винклер подтверждает свои слова кивком головы.

(50) *Als sie den Kasuar fragten, ob er ihre Mutter sei, antwortete er mit einem Kopfnicken (DWDS).* – Когда они спросили казуара, является ли он их матерью, он ответил кивком.

(51) *“Da vorne ist Ion Tiriac!”, sagt er und deutet mit einem Kopfnicken zu dem Mann, der als Manager von Tennisspieler Boris Becker berühmt wurde (DWDS).* – «Вот Ион Цириак!», – говорит он, кивая головой на человека, который прославился как менеджер теннисиста Бориса Беккера.

Функционально-семантическое различие между двумя рассматриваемыми типами таксиса и, соответственно, типами таксисных субкомплексов – инструментально-таксисным и медиально-таксисным – определяется дихотомией «физическое воздействие vs семиотическая репрезентация». Инструментальный таксис в инструментально-таксисном семантическом субкомплексе обслуживает сферу физической каузальности и технологических процессов, где средство непосредственно преобразует объект, в то время как медиальный таксис в другом типе таксисного субкомплекса – медиально-таксисном – обслуживает сферу человеческой коммуникации и экспрессии, где телесный акт опосредует пере-

дачу ментального или социального содержания. Оба эти типа субкомплексов объединяет общая структура отношения «действие – средство – результат» в режиме одновременности, однако медиально-таксисный субкомплекс представляет собой специализацию инструментально-таксисного субкомплекса для антропоцентрического контекста.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В немецком языке правомерно выделять инструментально-таксисный и медиально-таксисный семантические субкомплексы как результативные формы интегративного взаимодействия функционально-семантических категорий таксиса, инструментальности и медиальности в рамках темпорально-аспектуально-таксисного поликатегориального комплекса.

2. Ключевым дифференциальным признаком, разграничивающим данные субкомплексы, является природа средства-инструмента и характер осуществляемой модификации. Инструментальный таксис характеризуется неантропоморфной, объективно-детерминированной природой средства. Он актуализирует ситуации прямого физического, механического или технологического воздействия, направленного на преобразование внешнего объекта, где связь «инструмент – результат» носит непосредственный причинно-следственный характер. Формальными маркерами выступают предлоги *durch* (прототипически) и *mit*, а также каузативные глаголы с семей физической модификации.

Медиальный таксис, являясь антропоцентрической специализацией инструментального, характеризуется семиотической природой средства. Он обслуживает сферу коммуникации и психической деятельности, где телесный жест или действие (кинем, соматизм) функционирует как знак, опосредующий

передачу внутреннего состояния, реакции или социального сигнала. Его ядро составляют предлог *mit* и предикаты речевого / психического воздействия.

3. В конструкциях с предлогом *durch* наблюдается устойчивый синкретизм таксисной семантики одновременности с другими категориальными значениями: модальным (в исполнительских ситуациях), каузальным (в результативных) и кондициональным (в регулятивных).

Таксис одновременности выполняет интегрирующую функцию, преобразуя дискретные действия в единый процессуальный комплекс и усиливая восприятие инструментального действия как неотъемлемой части каузальной цепи.

Намеченные в работе направления открывают несколько перспектив для дальнейших изысканий:

1. Сопоставительный анализ. Выявленные закономерности могут быть положены в основу контрастивного исследования инструментально-таксисных и медиально-таксисных субкомплексов в других языках (например, в сопоставле-

нии с русским или английским) с целью выявления универсальных и идиоэтнических черт в репрезентации данных отношений.

2. Расширение эмпирической базы. Перспективным представляется расширение анализа на другие предлоги инструментальной семантики (например, *mittels*, *vermittels*, *unter Zuhilfenahme*), а также на беспредложные конструкции, выражающие инструментально-таксисные значения.

3. Изучение дискурсивного функционирования. Актуальным является исследование прагматических и стилистических функций данных конструкций в различных типах дискурса (научном, публицистическом, художественном), а также их частотности и дистрибуции.

4. Диахронический аспект. Изучение генезиса и эволюции инструментально-таксисных и медиально-таксисных конструкций в исторической перспективе позволило бы проследить динамику формирования данных семантических субкомплексов в немецком языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cate A. P. *Aspektualität und Nominalisierung: Zur Bedeutung satzsemantischer Beziehungen für die Beschreibung der Nominalisierung im Deutschen und im Niederländischen*. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang, 1985. 276 S.
2. Sandberg B. *Die neutrale -(e)n- Ableitung der deutschen Gegenwartsprache: zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven*. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1976. 229 S.
3. *Grammatical Categories in Linguistics and Education* / eds. H. Härtl, K. Zaychenko. Berlin – Boston: Walter de Gruyter, 2024. 306 p.
4. *Tense, aspect and discourse structure* / eds. J. Egetenmeyer, S. D. Schmid, M. G. Becker. Berlin – Boston: De Gruyter, 2024. 378 p.
5. Архипова И. В. Таксисные семантические синкрет-комплексы // Архипова И. В., Шустова С. В. *Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике: монография* / науч. ред. Н. А. Трофимова. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 5–187.
6. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 483 с.
7. Сюткина Н. П. К вопросу об эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский филологический вестник. 2024. № 1 (5). С. 49–60.
8. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13.

9. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: Изд-во «Ленинградский финансово-экономический институт», 1991. 159 с.

REFERENCES

1. Cate, A. P. (1985). *Aspektualität und Nominalisierung: Zur Bedeutung satzsemantischer Beziehungen für die Beschreibung der Nominalisierung im Deutschen und im Niederländischen*. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang.
2. Sandberg, B. (1976). *Die neutrale -(e)n- Ableitung der deutschen Gegenwartssprache: zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven*. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis.
3. Härtl, H. & Zaychenko, K. (eds.) (2024). *Grammatical Categories in Linguistics and Education*. Berlin – Boston: Walter de Gruyter.
4. Egetenmeyer, J., Schmid, S. D. & Becker, M. G. (eds.). (2024). *Tense, aspect and discourse structure*. Berlin – Boston: De Gruyter.
5. Arkhipova, I. V. (2021). Taxis semantic syncretic complexes. In: Arkhipova, I. V. & Shustova, S. V. *Intercategorical interaction in functional grammar*. Perm: Perm State National Research University publ., pp. 5–187 (in Russ.).
6. Bondarko, A. V. (2011). *Categorization in the grammar system*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. (un Russ.).
7. Syutkina, N. P. (2024). To the issue of emotional-intensive-causative categorical semantic complex (by the example of the German verbs). In: *Eurasian Philological Bulletin*, 1 (5), 49–60 (in Russ.).
8. Shustova, S. V. (2025). Categorical semantic complex in grammar (using the example of emotivity categories and causation). In: *World of the Russian Word*, 3, 4–13 (in Russ.).
9. Yamshanova, V. A. (1991). *The category of instrumentality in the German language*. Leningrad: Leningrad Financial and Economic Institute publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна (г. Новосибирск) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета;
<https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>; e-mail: irarch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova (Novosibirsk) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University;
<https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>; e-mail: irarch@yandex.ru

Научная статья
УДК 81.342
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-103-111

ПРОСОДИЧЕСКИЙ РИСУНОК ИЛЛОКУТИВНОГО АКТА УГРОЖАЮЩЕГО ТРЕБОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Грошев Д. В.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.09.2025

После доработки 02.10.2025

Принята к публикации 09.10.2025

Аннотация

Цель: получить акустические параметры речи (частоту основного тона, интенсивность и длительность) для моделирования просодического рисунка иллокутивного акта угрожающего требования с целью его автоматического распознавания.

Процедура и методы. Материалом экспериментально-фонетического исследования послужили высказывания, произнесённые пятью носителями немецкого языка, владеющими его произносительными нормами. Методика представляет собой комплексный анализ: слуховой, акустический и сопоставительный с привлечением компьютерной программы Praat.

Результаты. Проведённое исследование позволило получить просодический рисунок речевого акта угрожающего требования на уровне частоты основного тона, интенсивности и длительности. Наибольшая корреляция наблюдается между мелодикой и громкостью. Для угрожающего требования характерны плавные тон и громкость, скачкообразное развитие темпорального признака, акцентуация первого ударного слога, которая прослеживается на всех уровнях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение угрожающего требования как самостоятельного иллокутива позволяет уточнить классификацию речевых актов. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании немецкого языка для формирования у студентов просодической компетенции, а также могут найти применение в области судебной лингвистики.

Ключевые слова: иллокутивный акт, просодический рисунок, просодия, угрожающее требование, экспериментально-фонетическое исследование

Для цитирования:

Грошев Д. В. Просодический рисунок иллокутивного акта угрожающего требования (на основе экспериментально-фонетического исследования) // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 103–111. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-103-111>

Original research article

PROSODIC PATTERN OF THE ILLOCUTIONARY ACT OF A THREATENING DEMAND (BASED ON AN EXPERIMENTAL AND PHONETIC STUDY)

D. Groshev

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

Received by the editorial office 09.09.2025

Revised by the author 02.10.2025

Accepted for publication 09.10.2025

Abstract

Aim. Obtaining acoustic parameters of speech (frequency of the fundamental tone, intensity and duration) for modeling the prosodic pattern of the illocutionary act of a threatening demand for the purpose of its automatic recognition.

Methodology. The experimental phonetic study involved utterances produced by five native German speakers proficient in pronunciation norms. The methodology is a comprehensive analysis: auditory, acoustic and comparative, using the Praat computer program.

Results. The conducted study allowed us to obtain a prosodic pattern of the speech act of a threatening demand at the level of the frequency of the fundamental tone, intensity and duration. The strongest correlation is observed between melody and loudness. The threatening demand is characterized by a smooth tone and loudness, a discontinuous development of the temporal feature, and an accentuation of the first stressed syllable, which is evident at all levels.

Research implications. The study of the threatening demand as an independent illocutionary act allows us to clarify the classification of speech acts. The results of the study can be used in teaching German to develop students' prosodic competence, and can also find application in forensic linguistics.

Keywords: illocutionary act, prosodic pattern, prosody, threatening demand, experimental phonetic study

Groshev, D. V. (2026). Prosodic pattern of the illocutionary act of a threatening demand (based on an experimental and phonetic study). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp. 103–111. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-103-111>

Введение

В глобальном смысле просодия представляет собой набор тональных, динамических и темпоральных характеристик, несущих смыслообразительную функцию. «Именно просодические средства осуществляют окончательную контекстуализацию сообщения, отражая всё многообразие смысловых оттенков, возникающих в динамике речевого общения» [1, с. 435]. Использование просодии как ключевого инструмента для объяснения самых разных аспектов речи позволяет учёным проводить

всевозможные экспериментально-фонетические исследования. Так, например, было установлено, что по характеру тональной манифестации все речевые акты (далее – РА) можно распределить на четыре группы в соответствии с типом тона их реализации – волитивный, аффирмативный, квиетивный и инвертивный [2, с. 50]. В рамках иллокутивного акта запретительного характера разные ситуативные условия (деловая, нейтральная или непринуждённая сфера общения) влияют на разнообразие фонетической аранжировки данного РА

[3, с. 178]. Изучение этикетных РА показало, что обязательным условием манифестации вежливости на просодическом уровне является одновременное компенсаторное взаимодействие нескольких акустических параметров [4, с. 141]. При анализе степени категоричности директивов в немецком и белорусском языках было установлено, что существуют довольно чёткие акустические границы по всем просодическим признакам ударных слогов [5, с. 94]. Несмотря на общий интерес исследователей к смысловозначительной роли просодии в разных типах РА, существует ограниченное количество экспериментальных исследований по данному вопросу.

На уровне восприятия акустических образов речевых актов реципиент преимущественно легко распознаёт то, какой иллокутив реализует говорящий [6; 7; 8]. Следовательно, можно предположить, что у каждого РА есть свой просодический рисунок, т. е. определённый набор просодических характеристик на уровне частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности и длительности, который отличает его от других иллокутивов.

Корректное использование тона, громкости и темпа повышает шансы адресанта на эффективное речевое воздействие, оказанное на адресата. Речевое воздействие заключается в «умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [9, с. 5]. К таким способам в полном праве можно отнести просодию. Так, например, было установлено, что просодические характеристики речи участника политической коммуникации выступают в качестве маркера /триггера конфликта, меняющий коммуникативную тональность дискурса [10, с. 261].

Правильная аранжировка просодических характеристик особо важна в ситуациях, близких к конфликтным. К такому РА можно отнести угрожающее

требование. Оно представляет собой желание говорящего, выраженное в крайне категоричной форме. Например, *Wenn es irgendwann noch einmal passiert, melde ich es dem Vermieter* (Если это когда-нибудь повторится, я сообщу об этом арендодателю¹). Наличие угрозы в составе данного иллокутива подчёркивает важность и срочность исполнения требуемого. Цель угрозы как отдельного речевого акта коммиссива заключается в запугивании собеседника, для которого наступление последствий нежелательно [11, р. 57]. Принято выделять два главных типа угрозы как речевого действия – угрозу-наказание и угрозу-предупреждение [12]. Например, в рамках интернет-комментариев пользователи применяют оба типа менасивных РА, причём предпочтение отдаётся угрозе-наказанию. Кроме того, угроза может употребляться в сочетании с другими агрессивными РА, в том числе с требованием, выраженном в грубой форме [13, с. 68].

Угроза как инструмент воздействия используется как в письменной, так и устной форме. Большой отклик данный РА находит в политическом дискурсе. Установлено, что менасивные высказывания, реализованные в ходе предвыборной речи, представляют собой «целенаправленные и спланированные вербальные практики определённого воздействия на массовое сознание и эмоциональное состояние избирателей с целью привлечь их внимание к кандидатуре политика» [14, с. 17]. Анализируется речь определённых политиков, в частности, Дональда Трампа. Исследование позволило сделать вывод о том, что речь американского президента на вербальном уровне семантически и грамматически маркирована [15, с. 85].

Исследования, изучающие фонетическую сторону угрозы, носят ограниченный характер. Экспериментально-фо-

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Д. Г.

нетическое исследование показало, что стилистические особенности ситуации общения практически не накладывают изменений на просодическую манифестацию минатива (речевого акта угрожающего характера) [16, с. 19]. Кроме того, было установлено, что реализация семантико-прагматического содержания угрозы может осуществляться посредством конструкций других речевых актов, в том числе директивных, что объясняется намерением говорящего следовать нормам социального поведения [17, с. 6]. Последнее позволяет изучать не только сами речевые акты, но и их подвиды.

Выделение угрожающего требования как самостоятельного иллокутива объясняется тем, что его просодический рисунок отличается от других однонаправленных речевых актов, в том числе от самого требования. В отличие от РА просьбы и мольбы, для угрожающего требования характерны следующие просодические параметры: более высокий частотный диапазон, меньшая громкость, неравномерное распределение темпа с ускорением в инициальной части и замедлением в финальной. Кроме того, рассматриваемый иллокутив отличается от требования меньшей тонально-динамической выраженностью и более замедленным темпом [18].

Данный РА может применяться как в области официально-деловых отношений, так и бытовых. Однако, в случае последнего, обращение к РА сигнализирует об уже ухудшившихся отношениях, когда адресату ставится жёсткий ультиматум.

Таким образом, во избежание конфликтной ситуации, с одной стороны, и для достижения поставленной коммуникативной цели, с другой, требуется корректное использование тона, громкости и темпа речи. С этой целью в рамках экспериментально-фонетического исследования необходимо было получить просодический рисунок РА угрожающего требования.

Методология исследования

В основу экспериментально-фонетического исследования был положен комплексный анализ, состоящий из слухового, акустического и сопоставительного.

В исследовании использовался речевой материал, состоящий из 30 высказываний, начитанных пятью носителями немецкого языка (3 мужчины, 2 женщины в возрасте 23–26 лет), постоянно проживающими в Баварии и являющимися студентами или сотрудниками Вюрцбургского университета. Общий объём записанного материала составил 590 слогов. Запись производилась в профессиональной звукозаписывающей студии.

Примеры высказываний угрожающего требования: *Wenn du nicht einsiehst, die Küche und das Bad sauberzumachen, dann fliegst du raus* (Если ты не согласен убирать кухню и ванную, тогда на выход); *Wenn du noch einmal nicht zur Probe erscheinst, kannst du nicht mehr mitspielen* (Если ты снова не явишься на репетицию, ты больше не сможешь играть); *Wenn noch irgendetwas wegkommt, das mir gehört, dann gehe ich zu Polizei* (Если что-то ещё, что принадлежит мне, пропадёт, то я иду в полицию).

На первом этапе исследования создавался авторский корпус единиц – фрагменты высказываний, которые предположительно способны выражать угрожающее требование. Далее в поисковой системе определялась частотность таких фрагментов, анализировался контекст их употребления. Отбирались фрагменты, в которых контекстное окружение поддерживало предположительную семантику данного иллокутива. На основе подобных фрагментов конструировались ситуации, в которых реализовывалось угрожающее требование.

Далее носителям немецкого языка было предложено озвучить данные высказывания с установкой выразить угрожающее требование. При этом ис-

пытуемым позволялось незначительно изменять высказывания, добавлять при необходимости вводные слова, частицы, что обеспечило естественность звучания данных иллокутивов.

На аудитивном этапе для верификации материала была привлечена фокус-группа носителей языка, не участвовавших в записи. Их задачей была оценка аутентичности высказываний и соответствия произносительным нормам. Параллельно эксперты-фонетисты провели аудитивный анализ, который включал: расстановку пауз; определение иерархии словесных и фразовых ударений; анализ тонального контура. По результатам экспертной оценки для дальнейшего анализа было отобрано 29 наиболее репрезентативных высказываний общим объёмом в 571 слог.

В рамках дальнейшего этапа (акустического) применялась специализированная компьютерная программа Praat, предназначенная для анализа и обработки звучащей речи. Она позволяла снимать показатели исследуемых фраз на уровне частоты основного тона, интенсивности и длительности. Все показатели снимались вручную и заносились в таблицу. В каждом высказывании выделялось семь контрольных слогов – в предтакте, ритмическом корпусе и затакте.

Среднее значение каждого испытуемого было получено путём сложения полученных показателей по всем семи точкам и дальнейшего их деления на их количество.

Все индивидуальные особенности говорящих и гендерный аспект были устранены путём перевода абсолютных значений в относительные, что достигалось делением полученного значения признака на средненикиторский показатель. Чтобы получить инвариант угрожающего требования, необходимо было сложить все показатели в относительных единицах по каждой точке по отдельности и поделить полученный результат на 5, что равняется количеству испытуемых.

Диапазон интенсивности и ЧОТ был определён как разница между максимальным и минимальным значениями ЧОТ и интенсивности иллокутивного высказывания.

На заключительном этапе показатели на уровне ЧОТ, интенсивности и длительности были сопоставлены друг с другом, что позволило выявить особенности РА угрожающего требования.

Результаты экспериментально-фонетического исследования

Методы экспериментальной фонетики позволили выявить и охарактеризовать просодический профиль РА угрожающего требования, включая его тональные, динамические и темпоральные аспекты (рис. 1).

Диапазон длительности угрожающего требования шире диапазона интенсивности почти в 10 раз (1,03/0,11). Диапазон последнего диапазона ЧОТ уже в 3 раза (0,11/0,37). Расположение максимальных и минимальных показателей на тональном и динамическом уровнях совпадают. Пик зафиксирован в первом ударном слоге – точка С: ЧОТ – 1,27, интенсивность – 1,1. Минимум приходится на затакт – точка G: 0,9 – на мелодическом уровне, 0,99 – на уровне громкости. Максимальные показатели по темпоральному параметру находятся в завершении фонации – точка G (1,66). Минимум зафиксирован в ритмическом корпусе – точка D (0,63). Кривые ЧОТ и интенсивности преимущественно расположены на втором уровне. Диапазон длительности охватывает четыре уровня – с низкого до полувысокого.

Контуры развития ЧОТ и интенсивности носят практически идентичный характер. От начала высказывания и до самого его окончания наблюдается плавное движение кривых. Исключение составляет начало ритмического корпуса, где наблюдается значительное повышение тона. Кривая длительности резко контра-

Соотношение трёх параметров в речевом акте угрожающего требования

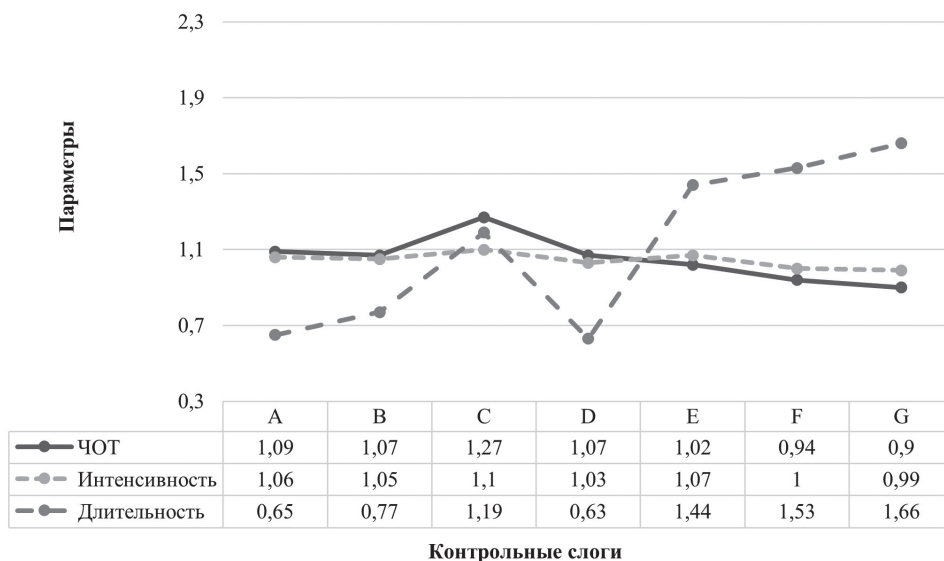

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение трёх параметров в речевом акте угрожающего требования / The comparison of the three parameters in the speech act of a threatening demand

Источник: данные автора.

стирует с аналогичными параметрами. В ритмическом корпусе зафиксировано резкое снижение кривой к предъядерному слогу, после прохождения которого кривая резко поднимается к ядерному слогу. На протяжении всего остального высказывания наблюдается градиентное увеличение признака.

Лингвистическая интерпретация полученных результатов

Применение угрожающего требования говорящим в ходе устной коммуникации подчёркивает крайнюю важность его исполнения слушающим. Как видно из полученного просодического рисунка, подобный эффект достигается за счёт стабильно ровного тона и громкости. Несмотря на незначительные отличия показателей в контрольных слогах, можно утверждать, что показатели двух параметров достаточно идентичны. Примечательно, что при реализации данного РА тон и

громкость должны быть невысокими. Донесение главной информации до слушателя также достигается за счёт акцентуации ключевых слогов, в частности, речь идёт о первом ударном слоге, который заметно выделяется на всех уровнях – тональном, динамическом и темпоральном. Это выделение наименее ярко выражено на примере громкости, однако, именно на этот слог приходится пик параметра интенсивности. Все перечисленные факторы в совокупности должны оказывать необходимый эффект на адресата.

Наличие угрожающего компонента в составе рассматриваемого РА подразумевает определённые негативные последствия, которые могут наступить для адресата в случае неисполнения требуемого. Такая тактика запугивания вероятно достигается за счёт отсутствия выделения каким-либо образом ядерного слога, который также относится к смысловоразличительным слогам, на тональном

и динамическом уровнях. В связи с этим можно выдвинуть предположение, что если требование было бы лишено угрожающего компонента в его составе, то первый ударный слог имел бы более высокие показатели.

Стремительный старт и плавное завершение звучания высказывания делает длительность самым контрастирующим параметром в отличие от ЧОТ и интенсивности. Быстрый темп в начале высказывания может объясняться желанием говорящего незамедлительно перейти к сути дела. В пользу этой мысли говорит заметное замедление угрожающего требования в первом ударном слоге, после которого идёт очередное ускорение фонации высказывания. Плавное замедление темпа к концу фразы свидетельствует о завершённости мысли говорящего.

Заключение

Экспериментально-фонетическое исследование позволило выявить просодический рисунок речевого акта угрожающего требования, установив взаимосвязь его тональных, динамических и темпоральных характеристик.

Расположение максимальных и минимальных показателей ЧОТ и интенсивности в одних и тех же зонах фонетической сегментации, идентичный контур движения данных параметров свидетельствуют

о наибольшей корреляции между мелодикой и громкостью.

Эффект угрожающего требования достигается за счёт максимально возможного плавного тона и громкости, скачкообразного развития темпорального признака, акцентуации первого ударного слога, которая прослеживается на всех уровнях. Предполагается, что в случае отсутствия оттенка угрозы в составе требования, первый ударный слог и, возможно, ядерный были бы выделены на просодическом уровне гораздо отчётливее.

Таким образом, можно заключить, что угрожающее требование представляет собой достаточно спокойное высказывание преимущественно благодаря плавному тону и громкости. Изменения в скорости фонации данного РА позволяют подчеркнуть особо важные места в сообщении, на которые реципиент должен обратить внимание.

Результаты исследования позволяют уточнить классификацию речевых актов, могут быть использованы в преподавании немецкого языка для формирования у студентов просодической компетенции, а также могут найти применение в области судебной лингвистики.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, могут лечь в основу дальнейших исследований, направленных на выявление соотношений параметров других РА различных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейдина Е. Л., Арапиди К. П. Роль просодических средств в реализации коммуникативной тональности в диалогическом дискурсе на английском языке // Преподаватель XXI век. 2024. № 3-2. С. 433–441. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-433-441.
2. Григорьев Е. И. Значимость просодии в типологии речевых действий // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2021. № 17. С. 44–53.
3. Черная А. В. Просодические характеристики речевых актов группы «ветотивы»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 191 с.
4. Николаева Е. Ю. Просодические средства выражения вежливости в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 196 с.
5. Дубицкая Е. Н. Акустические характеристики фразовых акцентов в косвенных директивах в белорусском и немецком языках // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3: Филология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 90–95.

6. Григорьев Е. И., Евтеев С. В. Просодический компонент в распознавании концепта иллокутивного действия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). С. 7–17.
7. Temporal neural dynamics of understanding communicative intentions from speech prosody / P. Gao, Z. Jiang, Y. Yang, Y. Zheng, G. Feng, X. Li // *NeuroImage*. 2024. Vol. 299. Article no. 120830. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2024.120830.
8. Weber A., Grice M., Crocker M. W. The role of prosody in the interpretation of structural ambiguities: A study of anticipatory eye movements // *Cognition*. 2006. Vol. 99. P. 63–72. DOI: 10.1016/j.cognition.2005.07.001.
9. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие: монография. Воронеж: Полиграф, 2001. 252 с.
10. Сейранян М. Ю. Конфликтотенный потенциал политического медиадискурса // *Казанская наука*. 2024. № 9. С. 260–262.
11. Neumaier Th. Representation of threatening speech in Late Modern English trials // *Journal of Pragmatics*. 2025. Vol. 237. P. 55–67. DOI: 10.1016/j.pragma.2025.01.004.
12. Баранов А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014. № 4 (36). С. 139–147.
13. Миронова Н. И. Речевой акт угрозы в интернет-комментариях к высоко конфликтотенному тексту // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2022. № 69. С. 57–72. URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
14. Новоселова О. В. Роль менасивного конструкта в предвыборных дебатах // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2022. № 70. С. 16–25. URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
15. Дубенец Н. Б. Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере») // *Политическая лингвистика*. 2020. № 5 (83). С. 80–86. DOI: 10.26170/pl20-05-08.
16. Бут Н. А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «минативов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 185 с.
17. Эпштейн О. В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 20 с.
18. Грошев Д. В. Роль просодии в дифференциации концептов однонаправленных речевых актов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 166 с.

REFERENCES

1. Freydina, E. L. & Arapidi, K. P. (2024). The Role of Prosody in the Realization of Tenor in English Dialogue Discourse. In: *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 3 (2), 433–441. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-433-441 (in Russ.).
2. Grigoriev, E. I. (2021). The importance of prosody in the typology of speech actions. In: *Theory and Practice of Foreign Languages in Higher Education*, 17, 44–53 (in Russ.).
3. Chernaya, A. V. (2002). *Prosodic characteristics of speech acts of the “vetotive” group* [dissertation]. Tambov (in Russ.).
4. Nikolaeva, E. Yu (2005). *Prosodic means of expressing politeness in modern German (experimental phonetic study based on the modern German language)* [dissertation]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

5. Dubitskaya, E. N. (2020). Acoustic characteristics of phrasal accents in indirect directives in Belarusian and German. In: *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 10 (3), 90–95 (in Russ.).
6. Grigoryev, E. I. & Evteyev, S. V. (2014). Prosodic components in recognition of illocution action concept. In: *Tambov University Review. Series: Humanities*, 7 (135), 7–17 (in Russ.).
7. Gao, P., Jiang, Z., Yang, Y., Zheng, Y., Feng, G. & Li, X. (2024). Temporal neural dynamics of understanding communicative intentions from speech prosody. In: *NeuroImage*, 299, 120830. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2024.120830.
8. Weber, A., Grice, M. & Crocker, M. W. (2006). The role of prosody in the interpretation of structural ambiguities: A study of anticipatory eye movements. In: *Cognition*, 99, 63–72. DOI: 10.1016/j.cognition.2005.07.001.
9. Sternin, I. A. (2001). *Introduction to speech influence*. Voronezh: Poligraph publ. (in Russ.).
10. Seiranian, M. Yu. (2024). Conflict perspective of political media discourse. In: *Kazan Science*, 9, 260–262 (in Russ.).
11. Neumaier, Th. (2025). Representation of threatening speech in Late Modern English trials. In: *Journal of Pragmatics*, 237, 55–67. DOI: 10.1016/j.pragma.2025.01.004.
12. Baranov, A. N. (2014). Phenomenon of threat in linguistic theory and forensic practice. In: *Theory and Practice of Forensic Science*, 4 (36), 139–147 (in Russ.).
13. Mironova, N. I. (2022). Speech act of a threat in the internet comments to a highly conflictogenic text. In: *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 69, 57–72. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 30.08.2025) (in Russ.).
14. Novoselova, O. V. (2022). The role of menasive construct in pre-election debates. In: *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 70, 16–25. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 30.08.2025) (in Russ.).
15. Dubenets, N. B. (2020). Realization of the Menacing Speech Act in American Diplomatic Discourse (based on Donald Trump's speeches on Twitter). In: *Political Linguistics*, 5 (83), 80–86. DOI: 10.26170/pl20-05-08 (in Russ.).
16. But, N. A. (2004). *Prosodic characteristics of situationally conditioned illocutionary acts of the "minatives" group (an experimental-phonetic study based on the modern German language)* [dissertation]. Tambov (in Russ.).
17. Epshteyn, O. V. (2010). *Pragmalinguistic Features of the Menasive Speech Act in Political Discourse (Based on the English Language)* [dissertation]. Samara (in Russ.).
18. Groshev, D. V. (2023). *The role of prosody in the differentiation of concepts of unidirectional speech acts* [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грошев Дмитрий Валерьевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
<https://orcid.org/0000-0001-9588-4918>; e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Groshev (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Romano-Germanic Languages, Bauman Moscow State Technical University;
<https://orcid.org/0000-0001-9588-4918>; e-mail: dimagroshev-str@yandex.ru

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-112-125

РЕЧЕВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕИ ЕДИНСТВА В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ЧИЛИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА ГАБРИЭЛЯ БОРИЧА ФОНТА

Заалишвили И. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: selivanova-irina@inbox.ru

Поступила в редакцию 07.08.2025

После доработки 18.09.2025

Принята к публикации 19.09.2025

Аннотация

Цель статьи заключается в описании языковых средств трансляции идеи национального и межнационального единства в официальных публичных выступлениях чилийского президента Габриэля Борича Фонта с 11 марта 2022 г. по 6 августа 2025 г. в лингвопрагматическом ракурсе.

Процедура и методы. Методологическая основа работы опирается на междисциплинарный подход, сочетающий принципы лингвистики текста, дискурс-анализа и политической лингвистики. Исследование, включавшее выявление языковых средств речевого воздействия на сознание аудитории с целью конструирования коллективной идентичности (идеологем, метафорических моделей, коммуникативных стратегий и тактик), проводилось на основе анализа корпуса текстов публичных речей чилийского президента. Были использованы следующие научные методы: метод систематизации, описательный метод, а также метод контекстуального анализа.

Результаты. Проведённое исследование позволило определить и систематизировать лексические средства речевого воздействия в публичных речах чилийского президента, среди которых особую роль играют идеологемы и метафоры интегративной семантики, а также стратегии и тактики речевого воздействия, которые в своей совокупности направлены на формирование национальной и наднациональной идентичности.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость настоящей работы состоит в том, что впервые в отечественной романистике проводится изучение особенностей дискурса чилийского президента Габриэля Борича Фонта. Полученные результаты актуальны для дальнейшего изучения латиноамериканского политического дискурса и выявления его закономерностей с точки зрения лингвокультурологии, социолингвистики и лингвопрагматики. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при подготовке будущих лингвистов, педагогов, специалистов по связям с общественностью или международных отношений.

Ключевые слова: идентичность, единство, речевое воздействие, дискурс власти, публичные речи, чилийский президент

Для цитирования:

Заалишвили И. В. Речевые репрезентации идеи единства в публичном дискурсе чилийского президента Габриэля Борича Фонта // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 112–125. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-112-125>

Original research article

SPEECH REPRESENTATIONS OF UNITY IN THE PUBLIC DISCOURSE OF CHILEAN PRESIDENT GABRIEL BORIC FONT

I. Zaalishvili

HSE University, Moscow, Russian Federation

e-mail: selivanova-irina@inbox.ru

Received by the editorial office 07.08.2025

Revised by the author 18.09.2025

Accepted for publication 19.09.2025

Abstract

Aim. The aim of this study is to describe, from a linguopragmatic perspective, the linguistic means used to convey the idea of national and international unity in the official public speeches of Chilean President Gabriel Boric Font delivered between March 11, 2022, and August 6, 2025.

Methodology. The methodological framework of the research is based on an interdisciplinary approach combining principles of text linguistics, discourse analysis, and political linguistics. The study, which focuses on identifying linguistic means of speech influence employed to construct collective identity (including ideologemes, metaphorical models, and communicative strategies and tactics), was conducted on a corpus of the Chilean president's public speeches. The research employed systematization, descriptive analysis, and contextual analysis.

Results. The research enabled us to describe and systematize the lexical and semantic means of speech influence in the president's public speeches used to convey the idea of unity. Among these means, we highlight ideologemes and metaphors of integrative semantics, as well as communicative strategies and tactics. It was concluded that their use is aimed at constructing both national and supranational identity.

Research implications. The theoretical significance of the research lies in the fact that it provides, for the first time in Russian Romance studies, an analysis of the key features of the discourse of Chilean President Gabriel Boric Font. The results obtained are relevant for further research on Latin American political discourse and for identifying its patterns from the perspectives of linguacultural studies, sociolinguistics, and linguopragmatics. The practical significance of the study lies in the potential application of its findings in the training of future specialists in Linguistics, Pedagogy, Public Affairs, and Foreign Affairs.

Keywords: identity, unity, speech influence, discourse of power, public speeches, Chilean president

For citation:

Zaalishvili, I. V. (2026). Speech representations of unity in public discourse of the Chilean president Gabriel Boric Font. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, номер выпуска, pp. 112–125. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-112-125>

Введение

Семантика идеи единства и/или разобщённости является актуальным объектом изучения в современной отечественной и зарубежной политической лингвистике. Её репрезентации в научной литературе рассматриваются на материале парламентских речей, партийных программ, официальных заявлений первых лиц государства и пр. [1; 2; 3].

Особую значимость выбранная тематика приобретает в современных геополитических условиях. Как отмечает С. А. Громыко, трансляция интегративных смыслов, репрезентирующих этническое, социальное и культурное единение в условиях многообразия его проявлений, имеет первостепенную важность, защищая общества от внешних и внутренних угроз – терроризма, экстре-

мизма, радикального национализма, ксенофобии, а также деструктивного внешнего давления [2, с. 41].

Значимым этапом изучения идеи единства в русскоязычном политическом и массмедийном пространстве стала монография «Лики единения в языке и дискурсе», опубликованная в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в 2022 году под редакцией Т. В. Леонтьевой [4]. В работе изучение особенностей языкового выражения идеи единства проводится на широком эмпирическом материале (в художественной литературе, интернет-коммуникации, политическом дискурсе и прессе), что позволяет составить представление о многогранности изучаемого феномена. Кроме того, вербализация семантики интегративности рассматривается в работах В. П. Джигоевой [5], Н. Б. Руженцевой [6], А. В. Щетининой и А. С. Семехиной [7]. Интерес для настоящего исследования также представляют работы зарубежных специалистов по политической лингвистике, изучавших дискурс аргентинского [8] и сальвадорского [9] президентов с точки зрения речевого воздействия в социальных сетях.

В данной статье рассматривается содержательная форма концепта «единство» в публичном дискурсе чилийского президента Габриэля Борича Фонта. В качестве материала исследования послужили его выступления перед национальной и международной аудиторией с момента вступления в должность. Корпус включает 775 текстов, опубликованных на официальном сайте пресс-службы Президента Чили (с 11 марта 2022 г. по 6 августа 2025 г.)¹.

Целью настоящей статьи является описание особенностей репрезентации

идеи национального и межнационального единства в официальных публичных речах президента Чили в лингвопрагматическом ракурсе.

В современном мире, испытывающем сильное влияние глобализационных процессов, вопрос существования многонациональных государств приобретает особую остроту. Стабильность их развития должна базироваться на внутреннем единстве власти и общества; в противном случае возрастает риск активизации деструктивных сил [3]. Под единством может пониматься как территориальная целостность государства, так и ментальная общность, основанная на единых целях развития, ценностных ориентирах, мировоззрении и социальных приоритетах [10].

Для многокультурной Чили выработка позиции, направленной на консолидацию государства и общества, является одной из самых насущных проблем современности. В связи с этим необходимо проанализировать, как данный вопрос трактуется в риторике первого лица государства, призванного конструировать коллективную идентичность внутри страны и формировать её позитивный образ за рубежом [11].

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий в себе принципы лингвистики текста, критического дискурс-анализа и политической лингвистики. Анализ проводился с учётом теоретических разработок по теории идеологем [12; 13; 14], политической метафорологии [15; 16; 17] и речевому воздействию [18]. Созданный корпус речей Г. Борича Фонта из 775 текстов позволил провести репрезентативное исследование в синхронной и частично диахронной перспективе с учётом меняющегося социополитического контекста Чили. Подобный подход открывает возможности для дальнейших сравнительных исследований в области институциональной коммуникации и политической риторики.

¹ Prensa Presidencia [Электронный ресурс]. URL: <https://prensa.presidencia.cl/> (дата обращения: 06.08.2025).

Новогоднее обращение президента как ритуальный жанр политического дискурса

Обращение первых лиц государства ко всей нации в канун Рождества или Нового года является символическим сообщением и относится к институциональному типу дискурса. Коммуникативные задачи данного послания заключаются в трансляции идеологии (национального объединения и коллективного созидания) и усилении положительного эмоционального состояния коллективного адресата [19]. При этом можно говорить о гомилетическом характере данного жанра, поскольку оратор описывает ожидаемые модели поведения и задаёт ценностные установки (единство нации, солидарность, взаимопомощь, забота о всеобщем благосостоянии, соблюдение законов и пр.):

*... nuestra apuesta es avanzar hacia una sociedad en la que **todos unidos**, el Estado, el sector privado, las organizaciones de la sociedad civil, los niños, las personas mayores, propiciemos la **colaboración** entre las personas, la **cohesión social** y la **ayuda mutua** (31 декабря 2024 г.) (... мы нацелены двигаться к обществу, в котором **все** – государство, частный сектор, организации гражданского общества, дети, пожилые люди – будем содействовать **сотрудничеству** между людьми, **социальной сплочённости** и **взаимопомощи**).*

В текстах подобных обращений фактуальная информация сведена к минимуму, поскольку государственный лидер в первую очередь апеллирует к идее величия нации:

*Y es que, **queridos compatriotas, soy optimista de Chile y su futuro**, soy optimista respecto del país que vamos a dejar a ustedes, a los niños y niñas de nuestra patria. Y los quiero invitar a compartir ese espíritu positivo para juntos ser mejores (31 декабря 2024 г.) (И, дорогие соотечественники, я с **оптимизмом смотрю на Чили и её будущее**, с оптимизмом смотрю на страну, которую мы оставим вам, а*

также нашим детям. И я призываю вас разделить со мной этот позитивный настрой, чтобы вместе мы могли стать лучше).

Таким образом, новогоднее обращение Г. Борича Фонта характеризуется традиционным набором транслируемых ценностей (единство нации, уважение прав человека, всеобщее благо, демократия и пр.). Его основная задача заключается в обозначении роли главы государства как гаранта коллективной идентичности в многонациональном обществе, претерпевающем серьёзные структурные изменения (в связи с увеличением потока мигрантов из соседних, менее благополучных в экономическом отношении стран).

Идеологемы интегративной семантики в публичных речах чилийского президента

Основная задача первых лиц государства заключается в социальной координации групповых действий по достижению коллективных целей (особенно в кризисные моменты). Это осуществляется путём идеологем интегративной семантики, которые используются с целью внедрения в коллективное сознание ценностных установок, конструирования объединяющих социальных смыслов и национальной идентичности [14].

*Идея единства при решении проблем является важным нарративом президента Г. Борича и выражается с помощью идеологем **todos** («все»), **unidos** («едины»), **un Chile común** («единая Чили»):*

*Pero, como Presidente de la República, mi convicción es que la mejor manera de enfrentar estas transformaciones y desafíos es y seguirá siendo desde **un nosotros, desde un Chile común**. Si el sentido de la corriente actual es que cada uno se salve por sí solo, nosotros defenderemos que siempre es mejor **estar unidos**, escuchando a **todas las voces**, respetando a quienes piensan distinto, velando por el bienestar de **todas y todos** (31 декабря 2024 г.)*

(Но, как президент республики, я убеждён, что наилучшим способом противостоять этим переменам и вызовам является и будет являться **наше единство, единая Чили**. Если сегодня предполагается, что каждый должен заботиться о себе сам, то мы будем отстаивать идею о том, что всегда лучше быть **едиными**, принимая во внимание **все мнения**, уважая инакомыслие, заботясь о **всеобщем** благосостоянии. Потому что здесь, на **нашей Родине, нет лишних**).

Идея взаимопонимания и примирения идейных противников, столь значимая для чилийцев ввиду существования страны в рамках диктатуры, обозначается при помощи идеологем *reconciliación* («примирение»), *paz* («мир») и *concordia* («согласие»):

En junio del 2023 ustedes recibieron una tarea tremendamente compleja que requería un tratamiento cuidadoso y prudente. Construir las bases para una solución de largo plazo al conflicto entre el Estado de Chile con el pueblo mapuche y proponer un camino para la paz (6 мая 2025 г.) (В июне 2023 года вам была поручена чрезвычайно сложная задача, требующая тщательности и осмотрительности. Заложить основы долгосрочного решения конфликта между чилийским государством и народом мапуче и проложить путь к **миру**).

Идея единства на базе политического плюрализма является важным нарративом в любом демократическом режиме и основой политической жизни современной Чили (*convivencia democrática, democracia* и пр.):

*En Chile no sobra nadie, la democracia la construimos juntos y la vida que soñamos solo puede nacer de la **convivencia**, el **diálogo**, la **democracia**, la **colaboración** y **no la exclusión*** (11 марта 2022 г.) (В Чили нет лишних людей. Вместе мы строим демократию, а жизнь, о которой мы мечтаем, может родиться только благодаря **мирному сосуществованию, диалогу, демократии, сотрудничеству и вовлечению всех и каждого**);

*Como chilenas y chilenos nos sentimos orgullosos de **habernos unido** para poder recuperar la **democracia**, restaurar la República y rehacer el camino de ampliación de derechos y de libertades fundamentales que habían conquistado los fundadores de nuestra patria* (20 сентября 2023 г.) (Мы, чилийцы, гордимся тем, что **объединились** ради восстановления демократии, возрождения Республики и продолжения пути по расширению основных **прав и свобод**, которые были завоеваны основателями нашей Родины).

Идея единства в многообразии, передаваемая идеологемами *diversidad* («разнообразие»), *convivencia* («сосуществование»), *convivencia social y política* («социальное и политическое сосуществование»), *riqueza y diversidad cultural* («богатство и культурное разнообразие»), объясняемая историческим прошлым Чили, в которой на протяжении многих веков противостояли и мирно сосуществовали представители различных культур, ввиду роста потока мигрантов, приобретает в настоящий момент новые смыслы:

*En el marco de la **unidad del Estado**, este proyecto consagra, además, el principio de **interculturalidad**, que reconoce y valora la **riqueza y diversidad cultural de nuestro país**... La **interculturalidad** es fundamental si queremos construir un Chile más justo e inclusivo, un Chile en donde todos y todas seamos y nos sintamos parte* (29 июня 2025 г.) (В контексте **национального единства** этот проект также закрепляет принцип **межкультурности**, который признаёт **культурное богатство и разнообразие нашей страны**... **Межкультурность** имеет основополагающее значение, если мы хотим построить более справедливую и всеобъемлющую Чили, Чили, в которой каждый чувствует себя частью единого целого).

Нарратив величия нации – один из ключевых в дискурсе первых лиц государства. Он позволяет расположить аудиторию, консолидировать общество вокруг общих ценностей и укрепить чувство причастности к большому историческому проекту. Обращение к величию,

помимо этого, легитимизирует политический курс, представляя его как продолжение национальной традиции и как основу будущих достижений:

Les quiero decir algo, soy optimista respecto al futuro de Chile, tenemos un país hermoso, tenemos un pueblo que es sacrificado, es forzado, que, en su gran mayoría, es honesto y trabajador (14 декабря 2023 г.) (Хочу вам кое-что сказать: я с оптимизмом смотрю на будущее Чили, ведь у нас прекрасная страна, у нас преданный своему делу и готовый приложить усилия народ, который в большинстве своём является честным и трудолюбивым).

Кроме того, в публичных речах президента Г. Борича Фонта закономерно продвигается идея мирного сосуществования наций при помощи идеологем *unión* («союз»), *colaboración internacional* («международное сотрудничество»), *cooperación* («сотрудничество»):

Chile está interesado en colaborar con todos los países... (15 ноября 2023 г.) (Чили заинтересована в сотрудничестве со всеми странами...);

Para Chile la cooperación es una práctica y una virtud necesaria para enfrentar los desafíos globales de nuestro tiempo, como lo son el crecimiento económico, el justo reparto de las riquezas que generamos y, por cierto, la promoción de la equidad de género, el combate a la crisis climática y la erradicación de la pobreza y la desigualdad social (24 апреля 2025 г.) (Для Чили сотрудничество – это необходимое условие для решения глобальных проблем нашего времени, таких как экономический рост, справедливое распределение создаваемого нами богатства и, конечно же, содействие гендерному равенству, борьба с климатическим кризисом и искоренение нищеты и социального неравенства).

В президентских речах также транслируется идея о конструировании наднациональной идентичности:

Quiero ir finalizando mi intervención diciéndoles que América Latina tiene una oportunidad histórica para levantar la voz. América

Latina, nuestra América, nuestra América Iberoamericana es un continente de paz. No tenemos nada que envidiarle a Europa. No tenemos nada que envidiarle al norte. Pero tenemos que ser capaces de alzar nuestra voz más fuerte de manera unida y esa unión no se produce solamente con retórica ni exceso de adjetivos. Esa unión se produce mediante acciones concretas que vayan directamente en bienestar de nuestros pueblos (24 апреля 2025 г.) (В заключении своего выступления я хочу сказать, что у Латинской Америки есть исторический шанс проявить себя. Латинская Америка, наша Америка, наша Иberoамерика – это континент мира. Нам не стоит завидовать Европе. Нам не стоит завидовать Северу. Мы должны научиться сильнее отстаивать свои интересы, а это единство достигается не только риторикой или чрезмерными эпитетами. Это единство достигается конкретными действиями, которые приносят непосредственную пользу нашим народам).

Таким образом, идеологемы интегративной семантики в речах чилийского президента выступают ключевым инструментом трансляции идеи единства в многонациональном обществе, а также средством реализации его символической роли как гаранта данного единства. В условиях социально-экономической и политической нестабильности в Чили (миграционный кризис, рост ксенофобии) значение указанных идеологем трудно переоценить. Призыв к межгосударственному сотрудничеству в преодолении неравенства и продвижении демократических ценностей является значимым нарративом в речах как внешней, так и внутренней адресации, причём в них неизменно акцентируется самобытный путь развития страны.

Метафоры интегративной семантики в публичном дискурсе чилийского президента

В политической коммуникации метафора отличается высокой частотностью употребления, что объясняется её семан-

тической ёмкостью [20; 21]. Для репрезентации идеи единства – понимаемого как мирное сосуществование, взаимопонимание и солидарность – наиболее востребованными оказываются метафоры с такими сферами-источниками, как «война», «дом» и «дорога».

Доместическая метафора позволяет обозначить необходимость коллективной деятельности с целью «строительства» страны на базе единых норм и ценностей:

*Pero la **construcción** de instituciones sólidas, de reglas estables, de confianza y de una visión de largo plazo es algo de lo que podemos dar garantías en Chile. De lo que yo como Presidente de la República me siento profundamente orgulloso, pero que no se sustenta solamente en nuestro Gobierno, sino lo que **han construido** muchos presidentes y presidentas antes que yo. Y a lo que nosotros no hemos hecho más que darle continuidad y profundizarlo (13 мая 2025 г.) (Строительство прочных институтов, стабильных правил, доверия и долгосрочной перспективы – это то, что мы можем гарантировать в Чили. Я как президент республики этим очень горжусь, но это стало возможно не только благодаря нашему правительству, но и фундаменту, заложенному моими предшественниками. А мы лишь продолжаем и улучшаем их достижения).*

Зачастую доместическая и милитарная метафоры встречаются в одном смысловом отрезке текста. В частности, их сочетание в следующем примере из речи от 14 декабря 2023 г. реализует прямой призыв к объединению нации с целью строительства более справедливой страны и победы над преступностью:

*Por eso, los invito, estimados y estimadas, a que tengamos optimismo, a que la esperanza **le gane** al miedo y a que **todos juntos, unidos** detrás de objetivos comunes como son la paz, **ganarle** a la delincuencia, el encuentro, la familia, podamos **construir** un Chile más justo y feliz para todos y todas (14 декабря 2023 г.) (Поэтому я призываю*

*вас, уважаемые сограждане, сохранять оптимизм, позволить надежде **победить** страх – и объединившись вокруг общих целей: мира, борьбы с преступностью, взаимопонимания и семьи, – **построить** для всех нас, для каждого и каждой, более справедливую и счастливую Чили).*

Образ дома в дискурсе президента Г. Борича Фонта связан с идеей созидательной деятельности (преимущественно в контексте обозначения желаемой модели поведения). В частности, метафорическая модель «Развитие государства – это строительство дома» говорит о постепенном прогрессе Чили в различных сферах деятельности:

*Chilenas, chilenos, recordemos siempre que la independencia de Chile fue conseguida con esfuerzo y sentido de unidad, y a todos quienes participaron de esta gesta y **construyeron** nuestra República en los años sucesivos... (16 сентября 2024 г.) (Чилийцы, давайте всегда помнить, что независимость Чили была достигнута благодаря усилиям и единству и благодаря тем, кто участвовал в этом процессе и **строил** нашу Республику в последующие годы...);*

*Y es que de eso se trata vivir en sociedad y ese es el Chile que queremos **construir**. Un país más justo, acogedor, amable (31 декабря 2024 г.) (В этом и заключается смысл жизни в обществе, и именно такую Чили мы хотим **построить**. Более справедливую, гостеприимную и доброжелательную страну).*

Пространственные метафоры связаны с идеей поступательного развития общества. Так, метафорическая модель «Развитие государства – это общий путь» транслирует идею достижения целей путем коллективной деятельности:

*Compatriotas, este es un año de decisiones. A ustedes les tocará elegir el **camino** que nuestra patria ha de **seguir** (1 июня 2025 г.) (Сотечественники, этот год – год принятия решений. Вам предстоит выбрать **путь**, по которому **пойдём** наша страна).*

Военные метафоры призывают к совместной борьбе против вызовов со-

временности (референтными реалиями выступают бедность, преступность, климатические изменения и пр.) в процессе государственного строительства с помощью лексических единиц из военной сферы – *luchar* («бороться»), *lucha* («борьба»), *atacar* («атаковать»):

Esa es la esencia de un gobierno progresista como el nuestro: atacar al mismo tiempo y con la misma energía las causas y las consecuencias de la criminalidad (1 июня 2024 г.) (В этом и заключается суть такого прогрессивного правительства, как наше: одновременно и энергично атаковать причины и последствия преступности);

Por eso el compromiso de servicio público de hacer este país más justo, de hacer este país más equitativo, de luchar contra la desigualdad, de que nos queramos un poquito más es parte de la esencia de nuestro Gobierno, de nuestro proyecto de izquierda progresista y vamos a seguir luchando para eso con la mente firme en que se puede construir un Chile mucho mejor (17 мая 2025 г.) (Поэтому суть нашего правительства и нашего прогрессивного левого проекта – это стремление к общественному служению: сделать Чили более справедливой и равноправной, бороться с неравенством, относиться друг к другу с чуть большей теплотой. И мы будем продолжать бороться за это, непоколебимо веря в то, что можно построить гораздо лучшую Чили).

Проведённый анализ позволяет заключить, что метафора действительно занимает лидирующие позиции по частотности употребления в политической коммуникации благодаря своей семантической ёмкости. В исследуемом материале наиболее состоятельными оказались три метафорические модели, связанные со сферами-источниками «война», «дом» и «дорога». Доместическая метафора служит для трансляции идеи созидательной коллективной деятельности, подчёркивая необходимость «строительства» страны на основе общих норм и ценностей. Она акцентирует постепенный прогресс, преемственность и соз-

дание справедливого, гостеприимного общества. Пространственная метафора (модель «развитие государства – это общий путь») передаёт идею поступательного движения, выбора направления и достижения целей через объединённые усилия граждан. Военная метафора мобилизует аудиторию на совместную борьбу с современными вызовами (преступность, неравенство, климатические изменения). Таким образом, с точки зрения лингвопрагматики все три метафорические модели работают в дискурсе Г. Борича Фонта на реализацию ключевой идеи национального единства, взаимопонимания и солидарности через образы созидания, движения и защиты.

Трансляция идеи единства в дискурсе чилийского президента сквозь призму теории речевого воздействия

Идея национального и межэтнического единства в дискурсе Г. Борича Фонта также выражается с помощью стратегий и тактик речевого воздействия. Согласно О. Н. Паршиной, суть тактики отождествления (в рамках стратегии самопрезентации) заключается в демонстрации символической принадлежности к определённой группе (социальной, статусной или политической) [18]. Средствами её реализации являются инклюзивное местоимение «мы» с обобщённым содержанием, местоимение *nuestro/a*, а также глаголы в первом лице множественного числа (*seguiremos*, *tenemos*, *hemos aprendido*):

Seguiremos levantando nuestra economía con iniciativas que permitan crecer más y mejor, de manera más justa (1 июня 2025 г.) (Мы продолжим стимулировать нашу экономику, реализуя инициативы, способствующие более сильному, качественному и справедливому росту);

En Chile hemos aprendido de nuestra historia y tenemos una institucionalidad que funciona (31 июля 2025 г.) (В Чили мы извлекли уроки из нашей истории,

и сегодня **мы имеем** функционирующую институциональную структуру).

Тактика солидаризации (в рамках стратегии самопрезентации) создаёт впечатление единения с аудиторией с помощью отсылки к общим ценностям и убеждениям, создавая ощущение «психологического созвучия» [18]. В речах Г. Борича она реализуется с помощью указания на эмоциональное и идеологическое единство с аудиторией:

*La emoción que he sentido hoy día al atravesar la Plaza de la Constitución y entrar a este Palacio de La Moneda, es profunda y necesito, existencialmente necesito **compartirla con ustedes** (11 марта 2022 г.) (Я испытал сегодня сильные эмоции, пересекая площадь Конституции и входя во дворец Ла Монета, и мне крайне важно поделиться ими с вами).*

Тактика единения (в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата) помогает оратору выполнять функции медиатора между противоборствующими политическими силами и социальными группами:

*Y es que aquí, en **nuestra patria, nadie sobra** (31 декабря 2024 г.) (Потому что здесь, на нашей родине, нет лишних).*

Тактика обращения к эмоциям адресата (в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата), связанная в первую очередь с апелляцией к чувству национальной гордости, реализуется при помощи словосочетаний *gran país* («великая страна»), *gran pueblo* («великий народ»), *referente regional* («пример для региона»), собственно оценочных прилагательных (*extraordinario*, *hermoso*, *único*, *excepcional*) и прилагательных эмоционального состояния (*orgulloso*):

*Esto no es casualidad, son años de trabajo serio y comprometido de la comunidad científica, de activistas, de ciudadanos, de autoridades a través de una política de Estado que nos permiten hoy ser un **referente regional** en estas materias y transformar a Chile en un hub tecnológico también en América del Sur (13 января 2025 г.) (Это не случайно;*

*это годы серьёзной и самоотверженной работы научного сообщества, активистов, граждан и властей в рамках государственной политики, которая позволила нам сегодня стать **региональным эталоном** в этих областях, а также превратить Чили в технологический хаб Южной Америки).*

Кроме того, тактика обращения к эмоциям адресата также реализуется с помощью выражения благодарности согражданам за их усилия в достижении общих целей и восхищения их самоотверженным трудом. Похвала и благодарность как вербальные средства открытого выражения одобрения или восхищения действиями адресата способствуют гармонизации отношений, мотивируют его следовать выбранной модели поведения и сокращают дистанцию между субъектами политической коммуникации:

*Queda mucho camino por recorrer, como decía la ministra Orellana, pero se ha avanzado mucho también. Así que, **gracias por ese trabajo, por esa tremenda pega** (8 марта 2025 г.) (Ещё многое предстоит сделать, как говорила министр Орельяна, но вместе с тем **есть** большой прогресс. Так что **благодарю вас за этот труд, за этот колоссальный труд**);*

*Quiero **agradecer** a todas y todos quienes han evacuado de forma tranquila, ordenada, siguiendo las instrucciones de las autoridades, favoreciendo el trabajo de los equipos y cuidando a quienes los rodean en medio de este contexto preventivo. Fue una labor muy difícil de coordinación, pero **la ciudadanía y las instituciones respondieron de manera impecable** (31 июля 2025 г.) (Хочу **поблагодарить** всех, кто эвакуировался спокойно и организованно, следуя указаниям властей, поддерживая работу спасательных бригад и заботясь о тех, кто находился рядом, в контексте принятия превентивных мер. Координировать действия было очень сложно, но **граждане и госучреждения безупречно справились со своей работой**);*

*Quiero **agradecerles a ustedes, las familias**, porque esta ley no hubiese salido adel-*

ante sin su empuje (31 июля 2025 г.) (Я хочу поблагодарить вас, семьи, потому что этот закон не был бы принят без вашей поддержки).

В публичных речах чилийского президента тактика учёта ценностных ориентиров (в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата) связана с определением стоящих перед обществом и мировым сообществом задач. Упомянутые ценности представляют традиционный набор позиций демократического государства: избегание авторитаризма, соблюдение прав и свобод человека, достижение духовного единства, защита наиболее уязвимых слоёв населения, мирное сосуществование в рамках многонационального общества, укрепление государства всеобщего благосостояния, соблюдение законов и пр.:

*Seguiremos fortaleciendo nuestra **democracia con inclusión, con fomento a la cultura, al deporte y a la cohesión social...** (июня 2025 г.) (Мы продолжим укреплять нашу **демократию** посредством **инклюзивности, развития культуры, спорта и социальной сплочённости...**).*

Тактика призыва (в рамках агитационной стратегии) обслуживает установки институционального общения, поскольку всегда исходит от государственного лидера как представителя института власти, наделённого полномочиями для выражения своей позиции. Коммуникативная цель оратора заключается в побуждении адресата к действию с помощью прямого или скрытого речевого обращения. Базовой языковой единицей, обладающей императивной семантикой, является глагол. Самым ярким и очевидным способом волеизъявления оратора выступает *прямой призыв*, выраженный в форме инфинитива или глагола второго лица множественного числа в повелительном наклонении:

Son tantos los desafíos, la emergencia climática, los procesos migratorios, la globalización económica, la crisis energética,

*la violencia permanente contra las mujeres y disidencias. Tenemos que trabajar juntos con nuestros pueblos hermanos, como lo conversábamos hoy día con Presidentes de otros países. Nunca más **mirarnos en menos, nunca más mirarnos con desconfianza, trabajemos juntos en América Latina para salir adelante juntos** (11 марта 2022 г.) (Сколько же перед нами вызовов: климатический кризис, миграционные процессы, экономическая глобализация, энергетический кризис, постоянное насилие в отношении женщин и сексуальных меньшинств. Мы должны работать вместе с нашими братскими народами, как мы уже говорили сегодня с президентами других стран. Никогда больше **не смотреть друг на друга свысока, никогда больше не смотреть друг на друга с недоверием. Давайте работать** сообща в Латинской Америке, чтобы сообща преодолеть все трудности).*

Косвенный призыв выражен модальными глаголами или конструкциями долженствования (*debemos, hay que, es necesario* и пр.):

*También sabemos que **debemos seguir avanzando en el uso de energías limpias en la producción...** (17 апреля 2024 г.) (Мы также знаем, что **нам следует** продвигаться в вопросах использования альтернативных источников энергии в производстве...).*

Таким образом, совокупность перечисленных тактик позволяет президенту Г. Боричу Фонту эффективно представить идею единства нации как основу успешного развития страны. Восхваление нации (трансляция идеи величия нации) и выражение благодарности соотечественникам за упорный и самоотверженный труд являются важным приёмом создания психологического резонанса с аудиторией и установления доверительных отношений. Статус оратора предоставляет ему исключительное право на призыв к совместной деятельности – как прямой, так и косвенный.

Заключение

Современное чилийское общество характеризуется культурным и этническим разнообразием. В связи с этим в число приоритетных задач главы государства входит укрепление национальной идентичности и противодействие ксенофобским настроениям по отношению к представителям иных рас и меньшинств.

В публичном дискурсе Габриэля Борича Фонта неизменно присутствует *социальная составляющая*, которая не только апеллирует к различным политическим, моральным, общечеловеческим и религиозным ценностям, но и играет значимую роль в конструировании имиджа оратора как заботливого и эмпатичного лидера. Кроме того, в его речах ясно прослеживается тенденция к сближению с национальной аудиторией посредством языковых и неязыковых средств воздействия (сокращение дистанции с аудиторией, проявление эмоций, использование примеров из личной жизни, вовлечённость в коммуникацию, юмор и др.), что находится в русле дискурсивных практик лидеров XXI века [22; 23].

Публичные выступления чилийского президента относятся к идеологически ангажированному типу дискурса и представляют собой коммуникативный ресурс, необходимый для выражения и трансляции политических убеждений и установок оратора с целью конструиро-

вания социальных смыслов и управления общественным сознанием. Ключевой при этом является *идея необходимости национального единства* в рамках мультикультурной общности. Кроме того, отличительной чертой риторики президента является стремление к формированию межнациональной (латиноамериканской) идентичности путём обращения к историческим фактам и общим ценностям.

В ходе исследования было выявлено, что к наиболее эффективным языковым средствам трансляции идеи национального единства в условиях поликультурной общности относятся *идеологемы* и *метафоры интегративной семантики*. Наряду с ними активно задействуются стратегии и тактики речевого воздействия: тактика отождествления и солидаризации в рамках стратегии самопрезентации; тактика единения, учёта ценностных ориентиров и обращения к эмоциям в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата; тактика призыва в рамках агитационной стратегии.

Необходимость продвижения указанной идеи обусловлена быстро меняющимся социополитическим контекстом современной Чили, социальная структура которой заметно трансформировалась вследствие вынужденного приёма потока мигрантов из стран с менее благополучной экономической и политической ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «Единство» в русском политическом дискурсе XX–XXI веков // Политическая лингвистика. 2010. № 4(34). С. 13–18.
2. Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 39–54. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54.
3. Лескова И. В., Зязин С. Ю. Идеи государственного единства в общественном дискурсе России в XX – начале XXI вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 120–126. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126.
4. Лики единения в языке и дискурсе: монография / Дубровская Т. В., Кислицина А. Н., Леонтьева Т. В., Ребрина Л. Н., Семехина А. С., Щетина А. В. Екатеринбург: Ажур, 2022. 292 с.

5. Джиоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Реализация концептов единство / иудзинад в юго-осетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 53–59.
6. Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 292 с.
7. Щетинина А. В., Семёхина А. С. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (213). С. 18–27. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-1-18-27.
8. Grassetti J. El discurso político de Nayib Bukele en Twitter // Cuadernos del Centro de estudios de diseño y comunicación. 2020. № 112. P. 205–224. <https://doi.org/10.18682/cdc.vi112.4102>
9. Slimovich A. Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter // Signo y Pensamiento. 2016. № 35 (68). P. 86–100. DOI: 10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa.
10. Ибрагимов К. Х. Единство государства: теоретико-правовые и историко-правовые аспекты. Грозный: Чеченский государственный университет, 2024. 294 с.
11. Раевская М. М., Селиванова И. В. Способы и средства трансляции образов страны/ государства и нации в институциональном дискурсе современной испанской монархии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 130–145. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9.
12. Клущина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4(50). С. 54–58.
13. Зененко Н. В. Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2018. № 4(70). С. 28–34.
14. Селиванова И. В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 51–63. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63.
15. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
16. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Анималистическая метафора в современном политическом медиадискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 6. С. 87–108. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.87108.
17. Чес Н. А. Концептуальная метафора в политическом медиадискурсе (на материале английского языка). М.: МГИМО–Университет, 2020. 190 с.
18. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
19. Раевская М. М., Селиванова И. В. Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 1. С. 57–70. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-1-57-70.
20. Бондаренко И. В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 52–60.
21. Раевская М. М., Селиванова И. В. Метафорическое моделирование действительности в публичном дискурсе испанского монарха Филиппа VI // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 1. С. 131–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144.

22. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приёмы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 105–117. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.2.10.
23. Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 1. С. 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131.

REFERENCES

1. Gavrilova, M. V. (2010). Development of content forms of the concept “unity” in Russian political discourse of the XX-XXI centuries. In: *Political linguistics*, 4(34), 13–18 (in Russ.).
2. Gromyko, S. A. (2023). Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes ‘Edinstvo’ [Unity] and ‘Edinenie’ [Unification]. In: *Scientific Dialogue*, 12 (5), 39–54. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54 (in Russ.).
3. Leskova, I. V. & Zyazin, S. Yu. (2025). The ideas of state unity in the public discourse of Russia in the 20th and early 21st centuries. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 1, 120–126. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-120-126 (in Russ.).
4. Dubrovskaya, T. V., Kislitsina, A. N., Leontieva, T. V., Rebrina, L. N., Semekhina, A. S. & Shchetinina, A. V. (2022). *Faces of unity in language and discourse*. Ekaterinburg: Azhur publ. (in Russ.).
5. Dzhioeva, V. P. & Tameryan, T. Y. (2017). The concept “unity” in the South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. In: *Political linguistics*, 4 (64), 53–59 (in Russ.).
6. Ruzhentseva, N. B. & Antonova, Yu. A. (2013). *Interethnic discourse: a model in the context of the era*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (in Russ.).
7. Shetinina, A. V. & Semekhina, A. S. (2021). Language representation of the idea of national unity in media discourse. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1 (213), 18–27. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-1-18-27 (in Russ.).
8. Grasseti, J. (2020). El discurso político de Nayib Bukele en Twitter. In: *Cuadernos del Centro de estudios de diseño y comunicación*, 112, 205–224. DOI: 10.18682/cdc.vi112.4102.
9. Slimovich, A. (2016). Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter. In: *Signo y Pensamiento*, 35 (68), 86–100. DOI: 10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa.
10. Ibragimov, K. Kh. (2024). *Unity of the State: Theoretical, Legal, and Historical-Legal Aspects*. Grozny: Chechen State University publ. (in Russ.).
11. Raevskaya, M. M. & Selivanova, I. V. (2025). National Image and Identity in the Institutional Discourse of the Modern Spanish Monarchy. In: *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 1 (28), 130–145. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9 (in Russ.).
12. Klushina, N. I. (2014). The theory of ideologeme. In: *Political linguistics*, 4 (50), 54–58 (in Russ.).
13. Zenenko, N. V. (2018). Political ideologeme in Spanish publicistic discourse. In: *Political linguistics*, 4 (70), 28–34 (in Russ.).
14. Selivanova, I. V. (2022). Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20 (3), 51–63. DOI 10.25205/1818-7935-2022- 20-3-51-63 (in Russ.).

15. Chudinov, A. P. (2013). *Essays on modern political metaphorology*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (in Russ.).
16. Brusenskaya, L. A. & Kulikova, E. G. (2022). Animalistic metaphor in the modern political media discourse. In: *Lomonosov Journalism Journal*, 6, 87–108. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.87108 (in Russ.).
17. Ches, N. A. (2020). *Conceptual Metaphor in Political Media Discourse (Based on English)*. Moscow: MGIMO-University publ. (in Russ.).
18. Parshina, O. N. (2005). *Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia* [dissertation]. Saratov (in Russ.).
19. Raevskaya, M. M. & Selivanova, I. V. (2020). The Spanish King's Christmas Messages as a Ritual Genre of Institutional Discourse: A Comparative Study. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18 (1), 57–70. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-1-57-70 (in Russ.).
20. Bondarenko, I. V. (2019). Linguistic and pragmatic potential of metaphors in political discourse. In: *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2, 52–60 (in Russ.).
21. Raevskaya, M. M. & Selivanova, I. V. (2023). Metaphorical Modeling of Reality in Public Discourse of the Spanish Monarch Felipe VI. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 21 (1), 131–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-131-144 (in Russ.).
22. Moiseenko, L. V. (2019). Populism in Political Discourse: Diagnostic Features and Linguo-Cognitive Techniques of Formation. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18 (2), 105–117. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.2.10 (in Russ.).
23. Bocharov, E. V. (2024). Self-presentation strategy and speech tactics in political discourse (based on the public speeches of Latin American politicians at the UN). In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 22 (1), 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Заалишвили Ирина Владимировна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков НИУ ВШЭ;
<https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>; e-mail: selivanova-irina@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Zaalishvili (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., School of Foreign Languages, HSE University;
<https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>; e-mail: selivanova-irina@inbox.ru

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-126-137

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАИМСТВОВАННОГО СУФФИКСА -ING / -ИНГ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Первак Т. В.^{1*}, Казачевская О. В.¹, Кукина Н. В.²

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: alexfirst@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.07.2025

После доработки 10.08.2025

Принята к публикации 11.08.2025

Аннотация

Цель. Выявить и сравнить словообразовательные возможности английского суффикса *-ing* в немецком и русском языках.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования стал сопоставительный метод, при помощи которого установлены особенности функционирования существительных с суффиксом *-ing / -инг* в немецком и русском языках. В ходе исследования описаны словообразовательные отношения, отражающие семантическую сочетаемость суффикса *-ing / -инг* с производящей основой в словообразовательных моделях немецкого и русского языков.

Результаты. Проведённый анализ показал различия в уровне адаптации суффикса *-ing / -инг* к словообразовательной системе немецкого и русского языков. Спецификой суффикса *-инг* в русском языке является его способность к деривации с существительными, не выражающими процессуальную семантику; эту функцию берёт на себя суффикс.

Теоретическая значимость. Исследование углубляет представления о словообразовательных отношениях в языке, в частности о процессе словообразовательной ассимиляции заимствованных аффиксов к системе другого языка.

Ключевые слова: словообразование, деривация, дериват, неoderиват, суффикс *-ing / -инг*, процессуальная семантика, ассимиляция, словотворчество

Для цитирования:

Первак Т. В., Казачевская О. В., Кукина Н. В. Словообразовательный потенциал заимствованного суффикса *-ing / -инг* в немецком и русском языках // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 126–137. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-126-137>

Original research article

WORD-FORMATION POTENTIAL OF THE BORROWED SUFFIX -ING IN GERMAN AND RUSSIAN

T. Pervak^{1*}, O. Kazachevskaya¹, N. Kukina²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: alexfirst@yandex.ru

Received by the editorial office 31.07.2025

Revised by the author 10.08.2025

Accepted for publication 11.08.2025

Abstract

Aim. To identify and compare the word-formation capabilities of the English suffix *-ing* in German and Russian.

Methodology. The key method of the study was the comparative method, which was used to establish the features of the functioning of nouns with the suffix *-ing* in German and Russian. The study describes word-formation relations that reflect the semantic compatibility of the suffix *-ing* with the productive base in word-formation models of the German and Russian languages.

Results. The analysis showed differences in the level of adaptation of the suffix *-ing* to the word-formation system of the German and Russian languages. The specificity of the suffix *-ing* in the Russian language is its ability to be derivated with nouns that do not express procedural semantics; this function is assumed by the suffix.

Research implications. The study deepens the understanding of word-formation relations in the language, in particular, the process of word-formation assimilation of borrowed affixes to the system of another language.

Keywords: word formation, derivation, derivative, neoderivat, suffix *-ing*, procedural semantics, assimilation, word creation

For citation:

Pervak, T. V., Kazachevskaya, O. V. & Kukina, N. V. (2026). Word-formation potential of the borrowed suffix *-ing* in German and Russian. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp.126–137. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-126-137>

Введение

В современных исследованиях лингвисты всё чаще обращают внимание на активное проникновение в современный русский язык так называемых «инговых» слов. Об этом свидетельствуют, в частности, работы С. Д. Левиной, И. А. Вотяковой, А. Н. Дьякова и Е. В. Скворецкой, Н. Е. Петровой и Г. С. Самойловой, А. Романик и др. Особое внимание процессу интеграции форманта *-инг* в словообразовательную систему русского языка уделяется в работе С. Д. Леви-

ной [1]; И. А. Вотякова, углубляя данный вопрос, анализирует факторы, препятствующие формированию полноценного словообразовательного типа с суффиксом *-инг* [2]. А. Н. Дьяков и Е. В. Скворецкая прослеживают «расширение словообразовательного поля суффикса *-инг* по сравнению с языком-источником», отмечая, что «в качестве производящих основ выступают и собственные имена (Сталинг), и конкретные существительные (сарделинги), и словосочетания (метробабка-дуринг)» [3, с. 186].

В исследовании А. Романик внимание сосредоточено на функциональных и стилистических аспектах дериватов и не-одериватов с финалью *-инг* [4], а Н. Е. Петрова и Г. С. Самойлова описывают различные семантические группы «инговых» существительных с точки зрения глагольно-именных функциональных свойств на основе парадигматических и синтагматических отношений [5]. В сопоставительном аспекте этот вопрос освещается в исследованиях О. Ермачковой на материале русского и словацкого языков [6], Е. Коряковцевой – на материале русского, польского и чешского языков [7]. Словообразовательные процессы в современном немецком языке, происходящие под влиянием английского языка, в том числе и с применением суффикса *-ing*, изучаются в работах В. Флейшера и И. Барц [8], Г. Р. Искадаровой [9], П. Айзенберга [10].

Словообразование, безусловно, находится под влиянием экстралингвистических факторов, оно впитывает и отражает в языковом выражении происходящие в обществе социально-экономические процессы. Как отмечает Н. С. Валгина, «законы аналогии, экономии речевых средств, законы противоречий, как правило, на уровне словообразования поддерживаются или стимулируются социальными причинами» [11, с. 131]. Солидный пласт дериватов с суффиксом *-инг* свидетельствует как о масштабном проникновении английских слов в современный русский язык для номинации новых понятий, явлений, терминов (*фишинг, пирсинг, майнинг*), так и о расширении сферы неузального словообразования в словотворческих целях (*диванинг, каморкинг, монастыринг, хоббиквартиринг*). Возникает закономерный вопрос, наблюдается ли в немецком языке подобный языковой тренд, есть ли различия в кодификации «инговых» слов в русском и немецком языках. Этим определяется актуальность темы исследования.

Цель работы состоит в том, чтобы сопоставить словообразовательный потенциал английского суффикса *-ing* в немецком и русском языках. Поставленная цель определила задачи исследования: 1) описать специфику заимствованного суффикса *-ing / -инг* в словообразовательных системах немецкого и русского языков; 2) охарактеризовать «инговые» дериваты, принимая во внимание особенности их функционирования в немецком и русском языках, выявить их сходства и различия. Для сбора эмпирического материала на русском языке привлекались онлайн-словари «Толковый словарь русского языка»¹, «Большой толковый словарь русского языка»², публикации на интернет-страницах газет «Парламентская газета», «Комсомольская правда», социальные сети и сайты из сети Интернет, национальный корпус русского языка³, немецкие примеры отобраны из онлайн-словарей немецкого языка Duden⁴, немецко-русского онлайн-словаря multitrans⁵, корпуса немецкого языка DWDS⁶. В работе применялись общенаучные методы (анализ, синтез, индукция) и частные лингвистические методы (описательный, сопоставительный, метод непосредственно составляющих).

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (дата обращения: 11.05.2025).

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка // Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (дата обращения: 11.05.2025).

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.05.2025).

⁴ Duden [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 15.07.2025).

⁵ Multitran [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 15.07.2025). Далее – Multitran.

⁶ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 10.05.2025). Далее – DWDS.

Характеристика суффикса *-ing / -инг* в словообразовательных системах немецкого и русского языков

Словообразовательный суффикс *-инг* в русском языке является заимствованным суффиксом, происходящим от английского *-ing*. В английском языке суффикс *-ing* выполняет разные функции, ключевыми являются следующие: образование грамматической формы глаголов («продолженное», длительное действие – *Continuous Tenses*), образование особой отглагольной формы (герундий), образование отглагольного существительного, обозначающего процесс, образование причастия настоящего времени или прилагательного. В последние десятилетия, на фоне активного заимствования английских слов, английский суффикс *-ing* всё чаще используется для образования новых слов в других языках. К уникальной особенности форманта *-инг* можно отнести его способность вступать в деривационный процесс как с английскими, так и с русскими мотивирующими основами, что делает его полноценным элементом словообразовательной системы русского языка, например, *фишинг* (от англ. *fish*), *стретчинг* (от англ. *stretch*), *зацепинг* (от рус. *зацепиться*) или *болотинг* (от рус. *болото*).

Исследования лингвистов показывают, что суффикс *-инг* становится всё более продуктивным в русском языке [2; 3; 4]. Несмотря на заимствованный характер, суффикс адаптирован к русской морфологической системе, что подтверждается частотой его использования и наличием лексикографической фиксации в словарях. Как пишет О. Ермачкова, «с точки зрения освоенности лишь некоторая часть слов на *-инг* полностью ассимилировалась в исследуемых языках графически, грамматически, словообразовательно, семантически (напр.: маркетинг, мерчендайзинг, консалтинг). Большая же половина инговых слов находится в пограничном состоянии. Такие слова адап-

тировались к нормам языка, но все еще неcodифицированы (хэдхантинг, дауншифтинг, моббинг и др.)» [6, с. 56]. Иная ситуация наблюдается в немецком языке. Согласно В. Флейшеру и И. Барц «суффикс *-ing* встречается в заимствованиях из английского языка. Он обозначает отглагольные абстрактные существительные, такие как *Banking, Doping, Leasing* и т. п., однако практически не использовался в качестве суффикса в литературном немецком языке, за исключением шуточных окказионализмов с исконной основой, например, *EM-Gruppen-Fußball-Gucking-und-Saufing*» [8, S. 216].

С помощью суффикса *-ing / -инг* как в немецком, так и в русском языках образуются существительные с процессуальной семантикой [3, с. 181; 9, с. 158], которые обозначают действие по мотивирующему глаголу. В качестве примера приведём такие слова, как *тренинг* – *Training*, *фишинг* – *Fishing* или *фудшеринг* – *Foodsharing*, которые акцентируют внимание на процессе, а не на результате действия:

(1) «В Госдуму внесут законопроект о так называемом фудшеринге – бесплатной передаче магазинами продуктов нуждающимся»⁷.

(2) *Lebensmittel, die übrig sind, weitergeben und sich gratis etwas holen, das nennt sich Foodsharing*⁸. В данном примере также наблюдается инкорпорирование словообразовательной морфемы *food*, уточняющей действие глагола *share / делиться*.

Такие существительные активно используются для номинации новых явлений и предметов в нашей жизни, для расширения терминологического аппарата научных отраслей. Это характерно как для русского, так и для немецкого языка. Для наглядности приведём часть эмпири-

⁷ Крюков М. В Госдуму внесут законопроект о фудшеринге [Электронный ресурс] // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesut-zakonoproekt-o-fudsheringe.html> (дата обращения: 15.05.2025).

⁸ Здесь и далее (если не указано иное) иллюстративный материал представлен из корпуса DWDS.

ческого материала, распределённого по тематическим группам:

спорт, фитнес и туризм: кемпинг / *Camping*, глэмпинг / *Glamping*, сёрфинг / *Surfing*, кёрлинг / *Curling*, картинг / *Karting*, стритрейсинг / *Streetracing*, стретчинг / *Stretching*, дайвинг / *Diving*, рафтинг / *Rafting*, треккинг / *Trekking*;

красота и уход: пилинг / *Peeling*, стайлинг / *Styling*, слимминг / *Slimming*;

медицина: скрининг / *Screening*, мониторинг / *Monitoring*;

музыка: джемминг / *Jamming*, миксинг / *Mixing*, мастеринг / *Mastering*, стриминг / *Streaming*, репетинг / *Repeating*, скэттинг / *Scatting*, диджеинг / *DJing*, скретчинг / *Scratching*;

маркетинг и реклама: мерчандайзинг / *Merchandising*, брендинг / *Branding*, ребрендинг / *Rebranding*, таргетинг / *Targeting*, аутсорсинг / *Outsourcing*;

финансы и бизнес: майнинг / *Mining*, трейдинг / *Trading*, фишинг / *Fishing*, инвестинг / *Investing*, кредитинг / *Crediting*, консалтинг / *Consulting*, нетворкинг / *Networking*, менеджинг / *Managing*;

технологии: граббинг / *Grabbing*, парсинг / *Parcing*, хостинг / *Hosting*;

обучение и образование: тренинг / *Training*, коучинг / *Coaching*, эдвайзинг / *Advising*, брейнсторминг / *Brainstorming*.

Таким образом, в новой терминологии, обслуживающей различные профессиональные отрасли, активно используется суффикс *-ing* / *-инг* для номинации новых явлений, процессов, предметов. В качестве производящей основы при этом доминируют прямые или адаптированные англицизмы.

Новая терминология отмечается в отношениях молодого поколения. Наиболее точно передать тип межличностных отношений в среде зумеров как в русском, так и в немецком языках помогают такие слова, как *бенчинг* / *Benching* от англ. *bench* / скамья (удержание кого-либо в стороне в качестве запасного варианта во время преследования других романтических интересов), *орбитинг* /

Orbiting от англ. *orbiting* / нахождение на орбите (это явление, когда человек, с которым у тебя ранее были романтические или дружеские отношения, прекращает контакт, но продолжает наблюдать за тобой в социальных сетях, смотреть сторис и ставить лайки), *свайпинг* / *Swiping* от англ. *swipe* (пролистывание, «смахивание» кандидатов вправо для выражения симпатии или влево для пропуска), *лавбомбинг* / *Lovebombing* от англ. *love* и *bomb* / бомбардировать любовью, *покетинг* / *Pocketing* от англ. *rocket* / карман (один из партнёров скрывает отношения от друзей, семьи и коллег), *хардболлинг* / *Hardballing* от англ. *hard* и *ball* (человек открыто озвучивает свои ожидания новым знакомым, например, желание серьёзных отношений или неготовность вступить в брак). Приведём два примера в контексте на материале немецкого и русского языков:

(3) „Partnersuche im Internet könnte so angenehm sein, gäbe es die ganzen hinterhältigen Trends wie Orbiting, Benching, Breadcrumbing und Cushioning nicht“.

(4) «Бенчинг и орбитинг – это как качели: не то, чтобы встречаемся, но качаемся рядом и всё время ждём, когда кто-то соскочит!»⁹.

К дальнейшим словообразовательным возможностям можно отнести появление телескопизмов, «образованных слиянием сегментов двух исходных усечённых слов» [12, с. 232], как в русском, так и в немецком языке, например, *глэмпинг* (гламур + кэмпинг), *снурфинг* (snow + серфинг):

(5) „Die Grenzen zwischen Camping und ‘Glamping’ sind fließend“.

(6) «В глэмпинге запрещена громкая музыка и пьяные веселья, плюс палат-

⁹ Суворова О. С. Бенчинг и орбитинг: новые формы избегания в отношениях и их влияние на психику [Электронный ресурс] // Психологи на b17.ru : [сайт]. URL: <https://www.b17.ru/article/634232/?ysclid=mdfngf63mu157380248> (дата обращения: 15.07.2025).

ки расположены на хорошем удалении друг от друга, что создает эффект «единенности»¹⁰.

В связи с этим стоит отметить наблюдения лингвистов относительно того, что телескопия становится достаточно распространённым способом словообразования в современном русском языке (см., например, [13, с. 84]).

Функционирование неодериватов и дериватов с суффиксом *-ing / -инг*

Новейшей тенденцией выступает создание неодериватов, интуитивно понятных носителям языка за счёт известной производящей основы, выраженной русским нарицательным существительным. «Производное слово чаще всего является результатом свёртывания синтаксической структуры – словосочетания или предложения, поэтому оно всегда может быть «развернуто» в конструкцию, в состав которой входит производящее слово» [14, с. 137], так, например, *монастыринг* означает уход в монастырь, чтобы поправить психологическое здоровье. Суффикс *-инг* в таких словах позволяет передать семантику процесса выполнения действия, например, *доинг* – дойка коров, *собачинг* – отстрел бездомных собак, *болотинг* – уход в заболоченные места и уединение с природой, *коровинг* – сельский / фермерский туризм, *диванинг* – отдых или отпуск на диване. Рассмотрим примеры таких слов в контексте:

(7) «'КП' уже писала про избинг с доингом и сенокосингом (отдых в деревенских реалиях). А теперь, похоже, появится еще и монастыринг. И хотя выяснилось, что такой вид перезагрузки еще только зародился и пока не достиг пика популярно-

сти, это вполне может произойти, судя по ажиотажу»¹¹.

(8) «Вслед за монастырингом россияне и белорусы увлеклись болотингом. Люди выбирают в отдалённые заболоченные места, погружаются в трясины, собирают морошку и уединяются с природой»¹².

Как видно из контекстов (7) и (8) неодериваты *избинг*, *сенокосинг* и другие созданы для конкретной ситуации и не имеют широкого употребления, поскольку используются в большей мере для языковой игры. Они не зафиксированы в словарях и встречаются, как правило, в неформальной речи, художественных текстах или рекламе, но не в официальных или академических текстах.

Как отмечает С. Д. Левина, реципиенты, занимаясь словотворчеством, ощущают новизну форманта *-инг*, игровой характер созданных по этой модели окказионализмов, их нарочитой семантической или лексической избыточности [1, с. 35]. «Инговые» неодериваты имеют, как правило, выраженную стилистическую окраску, которая может варьироваться от нейтральной до разговорной, фамильярной или даже жаргонной. Это позволяет употреблять их в различных функциональных стилях и контекстах – от официальных до неформальных. Такие слова часто используются для передачи эмоционального состояния или отношения к процессу, например:

(9) «Грустинг, нытинг, это уже прошлый век. Сейчас спасает только плакинг. Вы на каком этапе?»¹³.

¹⁰ РЯБИНИН life. Чем хорош и чем плох "глэмпинг", и что утопит его в России [Электронный ресурс] // Дзен : [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/YPsH11Y98iGBjZkr?ysclid=mdfphxq47872775747> (дата обращения: 17.07.2025).

¹¹ Карпицкая Д. Российская молодежь вместо отпуска уезжает жить и трудиться в монастырь: это новый модный способ отдыха [Электронный ресурс] // КП.RU : [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27650/5001228/> (дата обращения: 15.05.2025).

¹² Топор. Вслед за монастырингом россияне и белорусы увлеклись болотингом // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-184225789_21314745 (дата обращения: 17.05.2025).

¹³ Что там у Фрэнсис Кель? : telegram-канал. URL: <https://t.me/s/franciskehl?before=8922> (дата обращения: 15.05.2025).

Неодериваты на *-инг* часто используются с ироничным или шутливым подтекстом. Так, *жабинг* или *хрюкинг* могут вызывать у реципиента улыбку благодаря своей необычности. К подобным окказионализмам прибегают для создания комического эффекта или снижения пафоса, например, *тусинг* (от *тусовка*) создаёт ощущение несерьёзности или легкомысленности:

(10) «Эта история началась, когда Кристина потеряла смысл жизни, устала убегать от проблем и почти погрузилась в депрессию. На помощь подруге пришла соседка Маша, у которой на все жизненные вопросы простой ответ – шопинг, тусинг и фитнесинг. Ну, и пироженинг с морожененингом иногда»¹⁴.

Суффикс *-инг* придаёт деривату динамичность и экспрессию, например, *шопинг* (от англ. *shop*) приобретает в русском языке оттенок лёгкости и удовольствия от процесса покупок, *хайпинг* (от англ. *hype*) создаёт ощущение вовлечённости в тренды или популярные темы.

Суффикс *-инг* ассоциируется с англицизмами, которые часто воспринимаются как символы современности, прогресса и глобализации. Такие слова помогают передать дух времени и соответствовать современным тенденциям, например, *лайкинг* (от англ. *like*) и *репостинг* (от англ. *repost*) отражают современные реалии социальных сетей, *стриминг* (от англ. *stream*) подчёркивает актуальность цифровых технологий:

(11) «Начните использовать уже сегодня функцию – лайкинг, и вы увидите, как ваша страница в ВКонтакте будет привлекать все больше внимания, укрепляя ваш онлайн-имидж и открывая новые возможности для развития и продвижения»¹⁵.

¹⁴ Короче говоря, подруга решила бегать | ЗОЖНУ-ТЫЕ // Chortle City : RUTUBE-канал. URL: <https://rutube.ru/video/ccf3edd33a1208ce0e8924f169bc9ca1/> (дата обращения: 15.05.2025).

¹⁵ Фриланс маркетплейс KWORK [Электронный ресурс]. URL: <https://kwork.ru/smm/31547457/prodvizhenie-vkontakte-po-tsa-laying-mesyats-rekomenduuy> (дата обращения: 15.05.2025).

Использование суффикса *-инг* может быть способом стилизации под англоязычную речь, что особенно актуально в текстах, связанных с молодёжной культурой, технологиями или глобальными трендами. Благодаря таким словам язык становится более гибким и адаптивным к современным реалиям. *Трэвелинг* (от англ. *travel*) создаёт ощущение международного контекста, *кодинг* или *вайбкодинг* (от англ. *code*) подчёркивает связь с IT-сферой, например:

(12) «Изучение основ кодинга помогает развивать логическое мышление, решать задачи и создавать полезные проекты»¹⁶.

Дериваты с суффиксом *-инг* часто позволяют выразить сложное понятие одним словом, что делает речь более лаконичной, например: *фудшеринг* передаёт идею обмена продуктами питания без необходимости длинного объяснения.

Анализ эмпирического материала позволяет выделить цели заимствования или образования в русском языке слов с суффиксом *-инг*:

1. Для краткости, в целях экономии языковых средств: *трейдинг*, *монастыринг*. Как отмечает Н. В. Валгина, «ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряжённости в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [11, с. 131].

2. В целях эвфемизации, прежде всего с целью скрыть, замаскировать что-то нелицеприятное, негативное: *коучинг* (например, человек употребляет слово *коучинг*, если не хочет показывать, что у него какие-то проблемы, трудности и что он не может самостоятельно с ними справиться, поэтому вынужден обращаться за помощью к психологу); *скрининг* (так как медицинские анализы и обследо-

¹⁶ Программирование для начинающих: первые шаги в коднге [Электронный ресурс] // ПРОГ-КИДС : [сайт]. URL: <https://www.progkids.com/blog/programmirovanie-dlya-nachinayushih-pervye-shagiv-kodinge> (дата обращения: 15.05.2025).

ния часто ассоциируются с недомоганиями и болезнями, то выбор слова *скрининг* помогает снять возможные негативные эмоции и даже привлечь потенциальных пациентов); *моббинг* (это слово обозначает травлю в форме психологического насилия, проявляющуюся в систематическом и намеренном притеснении, унижении или отвержении кого-либо; на русском языке *моббинг* звучит менее грубо, нежели *травля*).

3. Для приукрашивания, повышения статуса, престижа: *мерчандайзинг* – продвижение товаров и торговых марок в крупной розничной торговле, *клининг* – уборка, *эдвайзинг* – консультирование бизнеса.

4. Из соображений привлекательности, следования моде, например, *стайлинг*, *сеттинг*, *пирсинг*, *стретчинг*.

5. Для обозначения новых процессов и понятий: *майнинг*, *парсинг*, а также для уточнения или дифференциации значения: *скретчинг*, *граббинг*. В то же время стоит отметить появление бесполезных слов, засоряющих язык, например: *планинг* (планер, ежедневник или планирование).

В немецком языке, как и в русском, «инговые» дериваты активно обслуживают понятийную сферу, пересекаясь во многих профессиональных отраслях: *Lifting* – лифтинг, *Tuning* – тюнинг, *Coaching* – коучинг и др. Как полагает П. Айзенберг, «инговые существительные обозначают процессы, но, кроме того, в немецком языке можно встретить англицизмы как термины для обозначения результатов процессов (*Briefing*, *Lifting*, *Ranking*, *Rating*, *Tuning*), событий (*Coaching*, *Meeting*, *Screening*, *Shopping*, *Sightseeing*, *Training*) и конкретных вещей (*Catering*, *Doping*, *Hair-Styling*, *Piercing*) [10, S. 106–107]. В немецких существительных такого типа «семантика процессуальности связана со значением глагольной основы» [15, с. 388], а в русских «инговых» неодериватах значение процессуальности придаёт сам формант *-инг*, так как

производящая основа является субстантивной.

В отличие от русского языка суффикс *-ing* в немецком языке практически не вступает в словообразовательный процесс с немецкими существительными, тем не менее, в корпусе немецкого языка зафиксированы единичные случаи словопроизводства от глагольных основ, например, от глагола *saufen* / *напиваться*:

(13) „Wir präsentieren fünf Vorschläge, wie man Gaming und Saufing lohnenswert verknüpfen kann“.

Такие слова, как *Gucking*, *Saufing*, на данный момент не характеризуются высокой частотностью употребления в немецком языке, поэтому могут быть обозначены как окказионализмы. Их значение не вызывает вопросов у немецкоязычных адресатов, но передача подобных окказионализмов при переводе на русский язык (с учётом экспрессивности и оригинальности обозначения) может представлять значительные трудности и потребовать применения особых переводческих стратегий, на что справедливо указывают О. П. Симутова и И. А. Шидловская [16, с. 430–431].

Стоит отметить, что в немецком языке заимствованный суффикс *-ing* менее продуктивен, чем в русском языке. Приведём пример образования слов от основы *Filter* с помощью разных суффиксов в немецком языке: дериваты *Filterung*, *Filtration*, *Filtern*, *Filtrieren*, *Filtering* имеют общее значение *фильтрация*, *фильтрование*, но различаются по сфере употребления и, соответственно, по оттенкам значения: *Filterung* – фильтрация (общеупотребительная лексика), *Filtration* – фильтрация, фильтрование жидкости, газа (в геологии, нефтяной и химической промышленности и т. д.), *Filtern* – процесс фильтрования (в астрономии, электронике, технике, химической и пищевой промышленности), *Filtrieren* – фильтрование, отфильтровывание, процеживание (в пищевой, химической, автомобильной промышленности), *Filtering* – филь-

трация, фильтрование (в компьютерной сфере) (см. соответствующие словарные статьи)¹⁷.

Примером дифференциации значения также может служить слово *Blocking* в немецком языке, образованное от основы *Block-* и заимствованного суффикса *-ing* с узкоспецифическим значением: слипание (листового материала) (см. соответствующую словарную статью)¹⁸.

Германисты отмечают, что «*-ing* всё чаще проникает в немецкий язык вместе с английскими словами, которые постепенно образуют отдельные анализируемые гнезда слов: *Camping – Camp – Camper – campen, Leasing – leasen, Shopping – shoppen – shop*» [8, S. 248]. Распространённой словообразовательной моделью в немецком языке является словосложение – соединение двух и более основ с помощью соединительных элементов или без них; существительные с суффиксом *-ing* могут выступать в качестве одной из основ такого сложного слова. Это может быть главная основа в сложном слове (*Bankenrating, Urlaubsfeeling*) или это основа-определение к понятию, выраженному главной основой (*Marketingvorstand, Merchandisinggeschäft, Dopingvergehen, Trainingsgelände*).

Суффикс *-ing* в русском языке утратил свою морфемную уникальность, обладает регулярностью и продуктивностью – активно участвует в деривационных актах [7, с. 85]. Об ассимиляции свидетельствуют «формы множественного числа наряду с единственным (кастинги, митинги и т. д.), формы прилагательных (боулинговый, демпинговый, рейтинговый, кемпинговый) и т. д. Глагольный суффикс

-ова(ть) также нередко участвует в деривации от англицизмов на *-инг*: *дайвинговать, шейпинговать* и т. д.» [6, с. 56].

Заключение

Таким образом, немецкий и русский языки по-разному кодифицируют слова с суффиксом *-ing / -инг*. Суффикс *-инг* представляет собой интересный пример взаимодействия языков и адаптации иностранных морфем в рамках именно русского словообразования. Большинство таких слов – прямые или адаптированные англицизмы. В русском языке суффикс *-инг* глубже ассимилировался со словообразовательной системой и демонстрирует широкую морфологическую и семантическую сочетаемость. Значительное количество неодериватов, обнаруженных в русском языке и практически отсутствующих в немецком, указывает на особый интерес к суффиксу *-инг* как инструменту для передачи иронии, экспрессии, юмора и т. п.

В заключение отметим, что проведённое исследование вносит определённый вклад в теоретическую разработку вопроса о словообразовательных отношениях в языке, в частности, углубляет знания о процессе словообразовательной ассимиляции заимствованных аффиксов к системе другого языка. Результаты исследования могут найти практическое применение при изучении немецкого и русского языков, в процессе преподавания теоретических курсов и лингвистического анализа языкового материала в рамках таких дисциплин, как словообразование, сопоставительная типология, межкультурная коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левина С. Д. Адаптация иноязычной морфемы *-инг* в русском языке начала XXI в. // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1 (6). С. 34–47. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47.
2. Вотякова И. А. Суффикс *-инг* в словообразовательной системе современного русско-

¹⁷ Multitran.

¹⁸ Multitran.

- го языка // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 275–282.
3. Дьяков А. И., Скворецкая Е. В. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 180–186.
 4. Romanik A. Существительные с финалью -инг в современном русском языке // Linguodidactica. 2023. Т. 27. С. 187–198. DOI: 10.15290/lingdid.2023.27.13.
 5. Петрова Н. Е., Самойлова Г. С. «Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики: к проблеме освоения новейших заимствований русского языка // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 10. С. 65–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-65-83.
 6. Ермачкова О. Англицизмы на -инг в русском и словацком языках // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 51–61. DOI: 10.26170/FK20-01-05.
 7. Коряковцева Е. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2016. 152 с.
 8. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter, 2012. 504 S.
 9. Искандарова Г. Р. Исследование стилистических потенций суффиксальных дериватов с суффиксами -о и -инг в современном немецком языке // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 9. С. 158–165.
 10. Eisenberg P. Anglizismen im Deutschen // Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache / edited by Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung and Union der deutschen Akademien der Wissenschaften, Berlin. Boston: De Gruyter, 2014. S. 57–120.
 11. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
 12. Дамбуев И. А. Телескопия как модель топонимного словообразования // Банзаровские чтения: материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ. Ч. 1. Улан-Удэ: БГУ, 2022. С. 230–236. DOI: 10.18101/978-5-9793-1709-0-230-236.
 13. Бугрышева Е. С. Типологическая характеристика ономастических реалий-неологизмов (на материале французских, английских и русских СМИ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 78–89.
 14. Новикова Л. Н. Особенности современных словообразовательных процессов в говорах и литературном языке // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 3. С. 134–137.
 15. Левина С. Д. Иноязычная неоморфема -инг в современном русском словообразовании // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных статей. М.: Флинта, 2021. С. 386–397.
 16. Симутова О. П., Шидловская И. А. Переводческие стратегии при передаче окказионализмов с немецкого языка на русский // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 430–433. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-430-433.

REFERENCES

1. Levina, S. D. (2023). Adaptation of the borrowed morpheme *-ing* in Russian of the beginning of the 21st century. In: *VERBA. North-West linguistic journal*, 1 (6), 34–47. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47 (in Russ.).
2. Votyakova, I. A. (2020). Suffix *-ing-* in the word-formation system of the modern Russian language. In: *Russian language and culture in the mirror of translation*, 1, 275–282 (in Russ.).

3. Dyakov, A. I. & Skvoretzkaya, E. V. (2013). The suffix -инг wins its positions in the Russian word-formation. In: *Siberian Journal of Philology*, 4, 180–186 (in Russ.).
4. Romanik A. (2023). Nouns with the ending -инг in modern Russian. In: *Linguodidactica*, 27, 187–198. DOI: 10.15290/lingdid.2023.27.13 (in Russ.).
5. Petrova, N. E. & Samoylova, G. S. (2024). Ing-Nouns as a Type of Processual Lexicon: Addressing Issue of Recent Borrowings in Russian. In: *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, 13 (10), 65–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-65-83 (in Russ.).
6. Iermachkova, O. (2020). Anglicisms ending in -ing in Russian and Slovak languages. In: *Philological Class*, 25 (1), 51–61. DOI: 10.26170/FK20-01-05 (in Russ.).
7. Koryakovtseva, E. (2016). *Essays on the language of modern Slavic media (semantic-word-formation and linguacultural aspects)*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach (in Russ.).
8. Fleischer, W. & Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter.
9. Iskandarova, G. R. (2010). Research of the stylistic potentials of derivative nouns with suffixes -o and -ing in modern German. In: *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 9, 158–165 (in Russ.).
10. Eisenberg, P. (2014). Anglizismen im Deutschen. In: *Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache*; ed. by Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung and Union der deutschen Akademien der Wissenschaften, Berlin. Boston: De Gruyter, S. 57–120.
11. Valgina, N. S. (2003). *Active processes in the modern Russian language*. Moscow: Logos publ. (in Russ.).
12. Dambuev, I. A. (2022). Blending as a means of toponymic word-formation. In: *Banzarov Readings: Proceedings of International Scientific Conference, Dedicated to the 200th anniversary of D. Banzarov and 90th anniversary BSPI-BSU (Ulan-Ude, March 30–31, 2022). Part 1*. Ulan-Ude: Buryat State University named after D. Banzarov, pp. 230–236. DOI: 10.18101/978-5-9793-1709-0-230-236 (in Russ.).
13. Bugrysheva, E. S. (2017). Typological characteristics of onomastic neologistic realia (in French, English and Russian mass media). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 78–89 (in Russ.).
14. Novikova, L. N. (2009). Features of modern word-formation processes in dialects and literary language. In: *Vestnik of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 15 (3), 134–137 (in Russ.).
15. Levina, S. D. (2021). Foreign neomorpheme -ing in the modern Russian word-building. In: *Active processes in the modern Russian language: national and international*. Moscow: Flinta publ., pp. 386–397.
16. Simutova, O. P. & Schidlovskaya, I. A. (2022). Translation strategies for the transfer of occasional words from German to Russian. In: *The world of science, culture and education*, 6 (97), 430–433. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-430-433 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Первак Татьяна Владимировна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0000-0003-3427-3317>; e-mail: alexfirst@yandex.ru

Казачевская Ольга Васильевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения;

<https://orcid.org/0009-0009-9612-5388>; e-mail: olga.kaz795@yandex.ru

Кукина Наталья Владимировна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации,

<https://orcid.org/0000-0001-9547-6113>; e-mail: nataliya-vl@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Pervak (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German and Roman Philology, Federal State University of Education;

<https://orcid.org/0000-0003-3427-3317>; e-mail: alexfirst@yandex.ru

Olga V. Kazachevskaya (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German and Roman Philology, Federal State University of Education;

<https://orcid.org/0009-0009-9612-5388>; e-mail: olga.kaz795@yandex.ru;

Natalya V. Kukina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0000-0001-9547-6113>; e-mail: nataliya-vl@mail.ru

Научная статья
УДК 811.161.1'271
DOI: 10.18384/2949-5075-2026-1-138-154

РЕЧЕЭТИКЕТНАЯ ЕДИНИЦА «ЖАЛОБА» В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ: ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ТИПОЛОГИЯ ОТВЕТНЫХ ХОДОВ И УСЛОВИЯ ПЕРЛОКУТИВНОГО УСПЕХА

Соколова Е. Г.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: sokolova-nl@rudn.ru*

Поступила в редакцию 06.11.2025

Принята к публикации 21.11.2025

Аннотация

Цель: выявить прагматические и коммуникативно-функциональные особенности речеведной единицы (РЕ) «жалоба» в структуре диалогического единства, определить полный спектр сопрягаемых с ней единиц других тематических групп, охарактеризовать условия реализации перлокутивного эффекта сопереживания и факторы, приводящие к его отсутствию, а также разработать многопараметрическую классификацию жалоб.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ типизированных диалогов, моделирующих различные варианты включения жалобы в иницирующий или реагирующий речевой ход. Применён метод прагмалингвистического описания, элементы дискурсивного анализа и классификации речевых актов по иллокутивной направленности. Обобщены наблюдения над вербальным и жестово-мимическим сопровождением жалобы. Приведён анализ взглядов исследователей в области речевого этикета и прагматики. Использован метод интроспекции и анализа коммуникативных неудач.

Результаты. Проведённый анализ показал, что жалоба как РЕ реализует три варианта диалогического функционирования: первый вариант – самодостаточная жалоба, выступающая и в роли реплики-стимула, и в роли реплики-реакции (диалог типа «жалоба + жалоба»); второй вариант – жалоба как иницирующий речевой ход; третий вариант – жалоба как реакция на беспокойство/озабоченность. Выявлены и систематизированы РЕ, сопрягаемые с жалобой в ответном ходе: беспокойство/озабоченность, сочувствие, возмущение, соболезнование, сожаление, утешение, комплимент, совет, извинение, безразличие, игнорирование, а также негативные реакции (недоверие, разочарование, раздражение). По заключению автора статьи, достижение перлокутивного эффекта сопереживания зависит от совпадения отношения коммуникантов к предмету жалобы, анамнеза их отношений, пространственно-временных и социальных факторов. Установлено, что стрессовое состояние адресанта является парадоксальным препятствием для правильной оценки обстановки перед вербализацией жалобы. Разработана многопараметрическая классификация жалоб по пяти основаниям.

Теоретическая и практическая значимость. Введено авторское разграничение между сочувствием, соболезнованием и сожалением как различными способами вербализации сопереживания, различающимися по степени совпадения отношения к предмету жалобы. Обобщён новый материал по классификации ответных речевых ходов на жалобу. Обновлена проблематика изучения речеведных единиц в аспекте перлокутивного эффекта. Впервые предложено

на интегративная модель прогнозирования успешности жалобы. Результаты могут быть применены в курсах по прагмалингвистике, теории речевых актов, межкультурной коммуникации, а также в практической риторике и психологическом консультировании.

Ключевые слова: диалогическое единство, жалоба, перлокутивный эффект, прагматическая иллюкция, речезыкетная единица (ЕРЭ), сопереживание, типология ответных ходов, коммуникативная неудача

Для цитирования:

Соколова Е. Г. Речезыкетная единица «жалоба» в диалогическом единстве: прагматическая полифункциональность, типология ответных ходов и условия перлокутивного успеха // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 1. С. 138–154. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-138-154>

Original research article

THE SPEECH ETIQUETTE UNIT “COMPLAINT” IN DIALOGIC UNITY: PRAGMATIC POLYFUNCTIONALITY, TYPOLOGY OF RESPONSE MOVES, AND CONDITIONS OF PERLOCUTIONARY SUCCESS

E. Sokolova

*People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russian Federation
e-mail: sokolova-nl@rudn.ru*

Abstract

Aim: to identify the pragmatic and communicative-functional features of the speech etiquette unit (SEU) “complaint” in the structure of dialogic unity, to determine the full range of SEUs from other thematic groups that can be combined with it, to characterize the conditions for achieving the perlocutionary effect of empathy and the factors leading to its absence, and to develop a multi-parameter classification of complaints.

Methodology. The main content of the study consists of an analysis of typical dialogues modeling various ways of including a complaint in an initiating or responding speech move. The method of pragmalinguistic description, elements of discourse analysis, and classification of speech acts according to their illocutionary orientation are applied. Observations on the verbal and gestural-mimetic accompaniment of the complaint are summarized. An analysis of researchers' views in the field of speech etiquette and pragmatics is presented. The method of introspection and analysis of communicative failures is used.

Results. The conducted analysis has shown that the complaint as an SEU realizes three variants of dialogic functioning: the first variant – a self-sufficient complaint acting both as a stimulus and as a response replica (a “complaint + complaint” dialogue); the second variant – the complaint as an initiating speech move; the third variant – the complaint as a response to worry/concern. The SEUs combined with the complaint in the response move have been identified and systematized: worry/concern, sympathy, indignation, condolence, regret, consolation, compliment, advice, apology, indifference, ignoring, as well as negative reactions (distrust, disappointment, irritation). According to the author's conclusion, the achievement of the perlocutionary effect of empathy depends on the coincidence of the communicants' attitudes toward the subject of the complaint, the anamnesis of their relationship, and spatial-temporal and social factors. It has been established that the addresser's stress state paradoxically hinders the correct assessment of the communicative situation before verbalizing the complaint. A multi-parameter classification of complaints based on five criteria is developed.

Research implications. An author's distinction is introduced between sympathy, condolence, and regret as different ways of verbalizing empathy, distinguished by the degree of coincidence of the attitude toward the subject of the complaint. New material on the classification of response speech moves to a complaint is summarized. The research updates the issues of studying speech etiquette units from the perspective of perlocutionary effect. An integrative model for predicting the success of a complaint is proposed for the first time. The results can be applied in courses on pragmalinguistics, speech act theory, intercultural communication, as well as in practical rhetoric and psychological counseling.

Keywords: dialogic unity, complaint, perlocutionary effect, pragmatic illocution, speech etiquette unit (SEU), sympathy, typology of response moves, communicative failure

For citation:

Sokolova, E. G. (2026). The speech etiquette unit "complaint" in dialogic unity: pragmatic polyfunctionality, typology of response moves, and conditions of perlocutionary success. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, pp.138–154. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-1-138-154>

Введение

Тематическая группа речевых единиц (ЕРЭ) «Жалоба» относится к сложным и весьма неоднозначным элементам речевого этикета (РЭ) в целом. Это связано с рядом особенностей, характерных для данной группы.

Ролевая многоплановость жалобы при формировании диалогического единства, возможность сопрягаться с очень большим количеством разнообразных ЕРЭ, принадлежащих различным тематическим группам, и при этом вступать «в партнёрские отношения» с сопутствующими составляющими диалога той же речевой системы – всё это делает жалобу одним из наиболее интересных и в то же время не простых для изучения элементов.

Жалоба, наравне с другими ЕРЭ, имеет свою прагматическую иллокуцию. Она состоит в том, чтобы оказать на слушающего такое вербальное воздействие, в результате которого у последнего появляется чувство жалости к собеседнику. Прагматическая цель жалобы направлена на то, чтобы спровоцировать у партнёра по диалогу сопереживание, сочувствие, которые, в свою очередь, должны пробудить у адресата желание принять участие в том, кто своей жалобой инициировал диалог. Причём правильно выстроенная речевая цепочка фраз, удачно и верно подобранное жестово-мимическое

сопровождение диалога могут как вызвать сильный эффект сопереживания со стороны слушающего, так и оказать достойное терапевтическое воздействие на того, кто вербализовал жалобу.

Цель настоящей статьи – описать структуру диалогического единства с жалобой, классифицировать типы сопрягаемых ЕРЭ и выявить условия достижения перлокутивного эффекта сопереживания. Материалом исследования служат типизированные диалоги на английском языке, моделирующие различные коммуникативные ситуации. В отличие от предшествующих работ, в данном исследовании предлагается интегративная модель анализа жалобы, объединяющая прагматический, социолингвистический и психолингвистический подходы.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, возрастающим интересом к изучению речевых актов, угрожающих лицу (face-threatening acts), в современной прагматике; во-вторых, необходимостью систематизации разнородных данных о вербальных и невербальных реакциях на жалобу; в-третьих, практической значимостью таких исследований для оптимизации межличностного общения в различных сферах – от бытовой до профессиональной (в частности, в сфере обслуживания, психологического консультирования, медиации).

Литературный обзор: теоретические подходы к изучению речевого акта жалобы

Изучение жалобы как речевого акта и речезыкетной единицы (ЕРЭ) имеет давнюю традицию в отечественной и зарубежной лингвистике. В рамках теории речевых актов, восходящей к работам Дж. Остина [1] и Дж. Серля [2; 3], жалоба традиционно рассматривается в классе экспрессивов – речевых актов, выражающих психологическое состояние говорящего относительно положения дел, обозначенного в пропозициональном содержании. Как отмечает Ш. Паронян, «на иллокутивном уровне жалобы выражают негативное эмоциональное сообщение, неодобрение говорящим определённой ситуации или неудовлетворённость некоторым положением дел» [4]. В таксономии Серля экспрессивы включают извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и, что особенно важно, жалобы, поскольку все они показывают, что говорящий принимает определённое психологическое состояние как истинное [3].

Важным направлением исследований является сопоставительное изучение жалобы в разных лингвокультурах. О. К. Андрущенко, анализируя русский речевой акт жалобы, обращается к паремиологическому фонду, демонстрируя, что «наличие какого-либо понятия в пословицах и поговорках выступает критерием его значимости для народа» [5]. В её работе показано, что в русской языковой картине мира жалость и жалоба характеризуются сложной оценочной коннотацией – от отрицательной (в ранних паремиях) до нейтральной или положительной в более поздних употреблениях. Этот вывод имеет принципиальное значение для понимания того, почему в русской коммуникативной культуре жалоба может восприниматься иначе, чем, например, в англо-американской.

Сопоставительные исследования жалобы активно проводятся и на материа-

ле восточноазиатских языков. В работе Мю Вэй на материале онлайн-отзывов о ресторанах в Китае и США установлено, что «адресатность (addressivity) оказалась сильным фактором, влияющим на то, как управляется лицо (face) в специфической конструкции жалоб как набора речевых актов в китайском наборе данных, тогда как такое расхождение отсутствовало в американских отзывах, где лицо ресторанов и других потребителей не обрабатывалось со значительным разграничением и осмотрительностью» [6]. Эти данные подтверждают известное различие между высококонтекстными и низкоконтекстными культурами, а также различие в стратегиях сохранения «лица» по Эрвину-Трипп.

Проблема вежливости и управления лицом (face) при реализации жалобы является центральной в прагматических исследованиях со времени классической работы П. Браун и С. Левинсона [7], в которой жалоба была отнесена к актам, угрожающим позитивному лицу адресата. Поскольку жалоба по своей природе угрожает позитивному лицу адресата (в случаях, когда адресат ассоциируется с источником проблемы) или негативному лицу (когда жалоба навязывает слушающему обязанность реагировать), говорящие прибегают к разнообразным стратегиям смягчения, включая использование пауз, хезитаций, квалификаторов (kind of, sort of) и различных речезыкетных формул. М. Зауэр в диссертационном исследовании, посвящённом сопоставительному анализу жалоб в канадском английском и немецком языке [8], разработала функциональную типологию жалобных стратегий, включающую «обращение к проблеме, запрос на исправление, оправдание и возложение вины». В её исследовании было показано, что выбор прагмалингвистических стратегий зависит от социопрагматических факторов – социальной дистанции и социальной власти.

С точки зрения жанрового подхода, восходящего к идеям М. М. Бахтина, жалоба рассматривается как речевой жанр с определёнными композиционными, стилистическими и тематическими характеристиками. В исследовании С. А. Ивановой (2022) на материале устных интервью, собранных в Свердловской и Тверской областях, а также в фольклорном архиве СПбГУ, выделен общий сюжет, характерный для большинства жалоб – «сюжет "жертвы и преследователя", в котором адресант занимает позицию жертвы, манифестирует собственную беспомощность, а также указывает на агрессора/ преследователя мнимого или реального» [9, с. 140]. Исследовательница предлагает динамическую модель речевого жанра жалобы, учитывающую коммуникативную ситуацию и статус участников, и определяет прагматическую задачу жанра как «способ осмысления и воссоздания социальной реальности». Этот подход позволяет рассматривать жалобу не как изолированный речевой акт, а как элемент более крупного жанрового целого.

В работе Ю. Г. Липко [10], специально посвящённой дискурсу жалобы в современном английском языке, разработана прототипическая модель речевого акта жалобы, включающая его структурные составляющие и языковую репрезентацию. Особое внимание в этом исследовании уделено перлокутивному эффекту жалобы и типологии ответных реакций, включая согласие, утешение, совет, а также коммуникативные неудачи. Кроме того, Ю. Г. Липко анализирует косвенное использование жалобы – её сочетание с иллокутивными актами просьбы, упрёка, несогласия, а также функционирование жалобы как средства манипуляции. Эти наблюдения перекликаются с выводами, представленными в настоящей статье, где также выстраивается типология ответных ходов на жалобу – от эмпатийных до дисфункциональных.

Значительный корпус исследований посвящён месту жалобы в системе рече-

вого этикета и её роли в диалогическом взаимодействии. В работе Д. М. Колядова, посвящённой обращению как дискурсивному маркеру, показано, что «обращения могут быть описаны как находящиеся на границе между двумя последовательностями реплик, как правило, в начале второй последовательности» [11]. Хотя исследование Д. М. Колядова непосредственно не касается жалобы, его выводы о тематическом структурировании диалога релевантны для анализа диалогических единств, включающих жалобу в качестве инициирующего или реагирующего хода.

Наконец, нельзя не отметить направление исследований, связанное с изучением жалобы в институциональном и компьютерно-опосредованном дискурсе. Анализ онлайн-жалоб, проводимый как на материале английского, так и других языков, показывает, что электронная среда накладывает дополнительные ограничения на выбор стратегий выражения недовольства и управления лицом. В частности, в исследовании К. Васкес [12] показано, что онлайн-отзывы на сайтах типа TripAdvisor или Yelp часто строятся по модели «жалоба – объяснение – запрос на компенсацию», причём степень эксплицитности жалобы коррелирует с предполагаемой анонимностью и социальной дистанцией. В российской лингвистике аналогичные исследования проводились на материале отзывов на маркетплейсах, где жалоба часто оформляется с использованием сниженной лексики и экспрессивных синтаксических конструкций.

Таким образом, речевой акт жалобы изучен в нескольких ключевых аспектах: таксономическом (место среди других речевых актов), сопоставительном (межкультурные различия), социопрагматическом (факторы социальной дистанции и власти), жанроведческом (композиционные и сюжетные особенности), а также в аспекте перлокутивного эффекта и ответных реакций. Настоящее исследо-

вание вносит вклад в последнее из указанных направлений, предлагая детальную классификацию ЕРЭ, сопрягаемых с жалобой в диалогическом единстве, и выявляя условия достижения перлокутивного эффекта сопереживания. Кроме того, в отличие от большинства предыдущих работ, в данном исследовании предпринимается попытка построения интегративной модели, объединяющей анализ иллокутивной цели жалобы, её перлокутивного эффекта и ситуативных факторов успеха/неуспеха.

Варианты проявления жалобы в диалогическом единстве

ЕРЭ тематической группы «Жалоба» в рамках диалогического единства проявляются в трёх вариантах.

Первый вариант: фразы-жалобы выступают и в роли реплики-стимула, и в роли реплики-реакции. В этом случае жалоба самодостаточна при формировании диалога.

В качестве примера можно привести следующий типизированный диалог:

A.: I've got a terrible headache.

B.: I've got a headache, too.

Ответ жалобой на жалобу с психологической точки зрения свидетельствует о том, что физическое или эмоциональное состояние беседующих субъектов таково, что каждому из участников диалога важна собственная проблема, и каждый из них нуждается в психологической разгрузке. Как это ни парадоксально, но даже такой диалог – диалог вида «жалоба + жалоба» – способствует реализации прагматической иллокуции жалобы. На уровне подобного диалога каждый из коммуникантов понимает, что в своём недомогании, несчастье, в своей неприятности, проблеме или каком-либо ином негативном состоянии, положении он не одинок, а от этого уже становится легче.

Этот феномен можно интерпретировать с позиций теории социального сравнения Л. Фестингера: в отсутствие

объективных стандартов оценки своего состояния человек обращается к сравнению с другими; обнаружение сходства (особенно в негативных состояниях) снижает тревогу и повышает чувство нормальности. В этом заключается глубинная терапевтическая функция диалога «жалоба + жалоба» – создание общей субъективной реальности переживания. Расширим иллюстрацию данного варианта дополнительным примером:

A.: My boss criticized my report again in front of everyone.

B.: You're lucky. Mine made me rewrite the whole project from scratch.

A.: Oh, that's even worse. Okay, maybe my situation isn't so bad.

Здесь мы видим, как жалоба на жалобу (с элементами «однонаправленного топа» – «у тебя ещё хуже») приводит к переоценке адресантом собственной проблемы и, как следствие, к частичному снятию стресса. Это важное наблюдение: диалог «жалоба + жалоба» может не только констатировать общность негативно-го опыта, но и перестраивать иерархию проблем, снижая субъективную тяжесть первоначальной жалобы.

Второй вариант: жалоба проявляется в иницирующем речевом ходе.

В таком варианте в качестве элементов РЭ, сопряжённых с жалобой в диалогическом единстве, могут проявиться ЕРЭ следующих тематических групп: беспокойство/озабоченность, сочувствие, возмущение, соболезнование, сожаление, утешение, комплимент, совет, извинение, безразличие, игнорирование, недоверие, разочарование, раздражение. Каждая из этих групп будет подробно охарактеризована в последующих разделах с приведением соответствующих примеров.

Необходимо иметь в виду, что под игнорированием понимается нулевая реакция на жалобу. Попросту говоря, это отсутствие реплики адресата на реплику адресанта. Соответственно, нет самого ответного речевого хода. Примером игнорирования может служить ситуация,

когда на жалобу "I'm so tired today" собеседник молчит, отводит взгляд или переводит разговор на другую тему, не давая вербального ответа. Важно подчеркнуть, что игнорирование – это не просто отсутствие слов; это нулевой речевой ход в позиции, где по конвенциям речевого этикета ожидается реакция. Именно поэтому игнорирование воспринимается как наиболее грубое нарушение и ведёт к максимальной дестабилизации контакта.

Введём дополнительную дифференциацию внутри второго варианта. Жалоба в иницирующем речевом ходе может быть:

- направленной (с указанием конкретного виновника или причины: «Ты сломал мою любимую кружку») – такая жалоба наиболее угрожает лицу адресата;

- ненаправленной (без указания конкретного виновника: «Вечно у нас в офисе холодно») – менее угрожает, но может быть воспринята как намёк;

- автореферентной (о собственном состоянии: «У меня болит голова») – наименее угрожает адресату и чаще всего вызывает эмпатийные реакции.

Тип жалобы существенно влияет на спектр возможных ответных ЕРЭ, что будет показано далее.

Третий вариант: жалоба выступает в качестве реплики-реакции на беспокойство/озабоченность. Третий вариант будет подробно рассмотрен в разделе настоящей работы, посвящённом ЕРЭ тематической группы «Беспокойство/озабоченность», выступающим в качестве реплик-стимулов при формировании диалогического единства.

Кратко охарактеризуем этот вариант здесь. В ответ на проявление беспокойства (например, "What's wrong? You look upset") адресант может вербализовать жалобу, которая в этом случае оказывается реакцией на уже проявленную эмпатию со стороны собеседника. Примечательно, что в такой конфигурации жалоба часто бывает более развёрнутой и эмоционально насыщенной, поскольку

адресант ощущает себя в безопасном, эмпатийном пространстве, созданном предшествующим ходом беспокойства. Это демонстрирует кооперативный характер речевой этикетной системы: жалоба и беспокойство образуют устойчивую диалогическую пару, в которой иницирующий ход создаёт условия для успешной перлокуции ответного.

Пример такого диалога:

A.: You seem quiet today. Is everything okay? (беспокойство)

B.: Actually, no. I had a huge fight with my roommate, and now I don't know how to fix things (жалоба).

Здесь жалоба выступает именно как реплика-реакция, что меняет её прагматическую нагрузку: она становится не столько призывом к сопереживанию (оно уже выражено стимулом), сколько развёртыванием и конкретизацией предмета переживания.

В настоящем разделе данного исследования основное внимание будет уделено жалобе, проявляющейся в диалогическом единстве в качестве иницирующего речевого хода, поскольку именно этот вариант представляет наибольшую сложность для анализа по причине максимальной вариативности возможных ответных ходов.

Перлокутивные эффекты сопереживания и их вербализация

Жалоба представляет собой вербальное выражение недовольства по поводу чего-либо или кого-либо с целью вызвать у собеседника сопереживание. В данном определении важно выделить два компонента: (1) когнитивно-оценочный (неудовольствие по поводу X) и (2) интенциональный (цель вызвать сопереживание). Именно второй компонент отличает жалобу от простого констатирования негативного факта.

Перлокутивный эффект сопереживания может вызвать у адресата чувство беспокойства за адресанта, озабочен-

ности его состоянием, особенно в тех случаях, когда жалоба имеет несколько абстрактный характер. Под абстрактным характером жалобы здесь имеется в виду отсутствие конкретного субъекта или объекта жалобы, неясность её причины. Беспокойство и озабоченность в таких случаях направлены на конкретизацию жалобы.

A.: I feel terrible (жалоба).

B.: What's the matter? Your face is pale. You're shivering (беспокойство/озабоченность).

В данном диалоге ответная реплика выполняет сразу несколько функций: (а) вербализует эмпатию (беспокойство о состоянии адресанта); (б) запрашивает дополнительную информацию, необходимую для понимания причины; (в) демонстрирует включённость в проблему собеседника через указание на наблюдаемые физические признаки ("Your face is pale. You're shivering"). Такое сочетание дескрипции и эмоциональной оценки является эффективной стратегией достижения перлокутивного эффекта.

Однако беспокойство и озабоченность могут проявляться в ответ и на вполне конкретную жалобу. В этом случае адресат старается проявить своё участие, а заодно и получить больше информации о том негативном, что инициировало жалобу.

A.: We've lost the game (жалоба).

B.: How could it happen? You are such a strong team (беспокойство/озабоченность).

Интересно, что здесь беспокойство выражается не через прямые эмотивные высказывания, а через риторический вопрос и комплиментарную оценку команды адресанта. Это более сложный, косвенный способ выражения эмпатии, который, однако, не менее эффективен, чем прямые формулы.

Состояние беспокойства и/или озабоченности в ответ на жалобу оформляется на коммуникативно-вербальном уровне при помощи ЕРЭ тематической группы

с одноименным названием «Беспокойство/Озабоченность». Оформляя своё эмоциональное состояние сопереживания жалобе собеседника в форме фраз из тематической группы «Беспокойство/Озабоченность», адресат проявляет своё участие в состоянии адресанта, как бы говоря на суперлинейном уровне: «Я сопереживаю тебе, беспокоюсь за тебя, озабочен тем негативом, который стал причиной жалобы». Но это ещё не всё. Выражая словами своё беспокойство, адресант провоцирует собеседника на продолжение разговора, предоставляя таким образом последнему возможность выговориться и освободиться от нежелательных отрицательных эмоций, вызвавших жалобу.

Диалоги, в которых ответный речевой ход на жалобу представляет собой фразу из числа тех, что принадлежат речевой группе «Беспокойство/Озабоченность», как правило, пролонгированы во времени. Итог диалога в таких случаях может быть различен и зависит от того, будет ли эмоциональное состояние коммуникантов однополярным или разнополярным. Иными словами, будет ли наблюдаться искомый перлокутивный эффект сопереживания со стороны адресата или он будет отсутствовать, или, что ещё хуже для адресанта, он перерастёт в раздражение.

Примером такого неблагоприятного исхода может служить ситуация, когда настойчивое выражение беспокойства воспринимается адресантом как излишняя назойливость:

A.: I feel terrible (жалоба).

B.: What's the matter? Tell me exactly what happened. When did it start? Have you seen a doctor? (чрезмерное беспокойство, переходящее в давление)

A.: Just leave me alone, please (раздражение в ответ).

Здесь важно отметить, что перлокутивный эффект зависит не только от содержания ответной реплики, но и от её просодического оформления, темпа

речи, громкости, а также от невербального сопровождения. В данном случае град вопросов без пауз, вероятно, произнесённых с повышенной интонацией, создаёт ощущение допроса, а не поддержки, что и приводит к обратному эффекту – раздражению вместо облегчения.

Стараясь вызвать сопереживание у собеседника, адресант (часто сам себе не отдавая в этом отчёта) предполагает совпадение своего отношения к предмету или объекту, или субъекту жалобы с отношением того, на кого направлена реплика-стимул – жалоба. Это предположение можно назвать «презумпцией консонанса оценок» – не всегда осознаваемой, но критически важной для успеха иллокуции. В тех случаях, когда такое совпадение имеет место, адресат, как правило, проявляет сочувствие к адресанту. Вербализация данного эмоционального состояния последнего происходит в виде ответного диалогообразующего речевого хода, в котором используется одна из ЕРЭ, принадлежащих к тематической группе «Сочувствие». Например:

A.: I've broken my leg (жалоба).

B.: Poor you (сочувствие).

Краткая формула "Poor you" является прототипическим выражением сочувствия в английском языке. Однако в зависимости от степени близости коммуникантов и серьёзности ситуации сочувствие может быть выражено и более развёрнутыми конструкциями: "I'm so sorry to hear that", "That must be really painful", "I can only imagine how hard it is for you". Все они объединены одним суперлинейным смыслом: «Я разделяю твоё отношение к случившемуся и испытываю те же чувства».

Если сочувствие адресата приобретает особенно сильную форму, то оно может перерасти в возмущение относительно того, на что или на кого жалуется собеседник, и тогда диалогообразующим элементом, сопряжённым с жалобой, становится возмущение, как в следующем примере:

A.: He beats me every night (жалоба).

B.: How dare he is (возмущение)!

Переход от сочувствия к возмущению происходит в тех случаях, когда предмет жалобы оценивается адресатом не просто как печальный или неприятный, но как нарушающий фундаментальные моральные или социальные нормы. Возмущение – это сочувствие, усиленное компонентом нормативной оценки («так нельзя»), что делает его более энергичным и часто сопровождаемым предложением действий («Надо что-то делать!», «Ты должен обратиться в полицию»).

Однако отношения собеседников к тому, по поводу чего или кого вербализуется жалоба, могут и не совпадать. Если элемент сопереживания со стороны слушающего жалобу в таком случае присутствует, то в ответном речевом ходе обозначится ЕРЭ тематической группы «Соболезнование».

A.: She betrays me all the time (жалоба).

B.: I sympathize with you. But I don't think she does it on purpose (соболезнование).

Используя в реагирующем речевом ходе ЕРЭ-сочувствие, коммуникант как бы говорит: «я сопереживаю Вам/тебе, разделяю Ваше/твоё отношение к причине жалобы, чувствую то же самое, что и Вы/ты». Используя же в ответе на жалобу одну из единиц тематической группы «Соболезнование», он подчёркивает, что «я сопереживаю Вам/тебе, испытываю за Вас/тебя боль, но имею иное относительно Вашего/твоего мнение по поводу того, на что (или кого) Вы/ты жалуетесь/жалуетесь».

Для того чтобы выразить своё участие собеседнику, от которого исходит жалоба, коммуникант нередко использует формулы словесного сожаления. По сравнению с сочувствием или соболезнованием, где на суперлинейном уровне присутствует мнение адресата относительно того негативного факта или состояния, по поводу которого оформлена жалоба, сожаление довольно-таки ней-

трально. Выбирая клише из синонимического ряда ЕРЭ тематической группы «Сожаление», участник диалога скорее констатирует, что он расстроен вместе с адресантом, чем выражает своё отношение к факту, послужившему основанием для жалобы.

A.: I won't have a holiday this year (жалоба).

B.: Oh, what a pity (сожаление).

Сожаление является наиболее «безопасной» и неконфликтной реакцией на жалобу, поскольку оно не требует от адресата ни оценки ситуации, ни согласия с адресантом, ни даже глубокой эмоциональной включённости. По этой причине сожаление часто используется в ситуациях социальной дистанции, формального общения или когда адресат не имеет времени/желания для развёрнутого эмпатийного ответа.

Утешение в ответ на жалобу также основано на перлокутивном эффекте сопереживания. Утешая того, кто жалуется, адресат старается уберечь и отвлечь адресанта от негативных эмоций. Утешить – значит «успокоить чем-нибудь радостным, облегчить кому-нибудь горе, страдание»¹.

A.: I haven't heard from my son for a long time already (жалоба).

B.: Don't worry. The war is over. He'll soon be back (утешение).

Утешение отличается от других эмпатийных реакций наличием перспективного компонента: оно не только констатирует сопереживание, но и предлагает надежду на улучшение ситуации (“He'll soon be back”). При этом важно, что утешение может быть как истинным (основанным на реальных фактах, указывающих на возможное улучшение), так и ложным (например, «Всё будет хорошо» без каких-либо оснований). Истинное утешение имеет значительно более высокий перлокутивный потенциал.

В ответ на жалобу можно услышать и комплимент.

A.: I feel bad (жалоба).

B.: But you look marvelous (комплимент).

Сопереживая жалующемуся собеседнику, адресат старается не просто выразить своё сочувствие или соболезнование ему, не просто его утешить, а как бы полностью «переключить» диалог на мажорный лад. Комплимент в ответ на жалобу – это стратегия эмоционального рефрейминга: адресат не отрицает жалобу, но перенаправляет внимание адресанта на позитивный аспект, который тот упустил. «Ты плохо себя чувствуешь, но выглядишь при этом замечательно» – это имплицитное сообщение: «Твоя ситуация не так ужасна, как ты думаешь, обрати внимание на то хорошее, что остаётся».

Известно, что многие люди (особенно это касается женщин) не всегда выглядят так, как себя чувствуют, а, наоборот, чувствуют себя так, как выглядят, сколь бы парадоксальным это обстоятельство не казалось. Поэтому, когда моей знакомой в одном английском доме на жалобу “I feel out of place” ответили комплиментом “You are a beauty and look extremely elegant”, она моментально приободрилась и весь вечер была весела и чувствовала себя вполне «в своей тарелке».

Приведём ещё один, более развёрнутый пример комплиментарного ответа на жалобу в академической среде:

A.: I'm sure I'll fail this exam. I haven't slept for two days, and I can't remember anything.

B.: Are you kidding? You're the smartest person in our group. You've helped me pass two exams already. Just take a deep breath and look through your notes one more time.

Здесь комплимент (“You're the smartest person”) комбинируется с советом, что многократно усиливает перлокутивный эффект по сравнению с изолированным использованием каждой из ЕРЭ.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 840.

Отсутствие сопереживания, нарушение этикетных норм и факторы коммуникативного неуспеха

В силу целого ряда обстоятельств жалоба может не достичь искомой иллюзии сопереживания. Эмоциональная реакция адресата приводит к перлокутивному эффекту отсутствия такового. Тем не менее, если адресат хочет соблюсти нормы вежливости, он вступит в беседу с адресантом. Желание поддерживать дружеский или просто положительно эмоционально окрашенный контакт заставит первого дать коммуниканту совет или сделать предложение.

A.: I've got a bad cold (жалоба).

B.: If I were you I'd take a hot bath (совет).

A.: I feel absolutely awful. Someone has stolen my purse (жалоба).

B.: You should go to the police (совет).

Совет как реакция на жалобу интересен тем, что он одновременно и демонстрирует включённость адресата в проблему (он не отмахивается, не игнорирует), но при этом не предполагает обязательного эмоционального созвучия. Можно дать дельный совет, совершенно не испытывая при этом ни сочувствия, ни соболезнования. Именно поэтому совет занимает пограничное положение между эмпатийными и дисфункциональными реакциями: перлокутивный эффект сопереживания может и не достигаться, но контакт не разрушается, и адресант получает как минимум когнитивную помощь.

Следующей по нисходящей шкале вежливости реакцией на жалобу при отсутствии сопереживания у адресата будет попытка извиниться.

A.: You're late again. I've been waiting for you for half an hour (жалоба).

B.: I'm terribly sorry (извинение).

В данном случае извинение выполняет функцию ритуального признания ответственности. Оно не выражает сопереживания, но предотвращает эскалацию конфликта. По сути, это «социальная

смазка» (social lubricant), которая позволяет сохранить контакт, не входя в глубинные эмоциональные слои.

Если же при перлокутивном эффекте отсутствия сопереживания в рамках диалогического единства в ответ на жалобу появляется ЕРЭ тематической группы «Безразличие», то каноны вежливости явно нарушаются, что в дальнейшем может привести к дестабилизации контакта между коммуникантами.

A.: He divorced me, you know (жалоба).

B.: So what (безразличие)?

Формула "So what" является классическим маркером безразличия в английском языке. Она не только не выражает сопереживания, но и имплицитно обесценивает предмет жалобы («твоя проблема не заслуживает внимания»). Это наиболее сильное нарушение речевых этикетных ожиданий после игнорирования.

Игнорирование жалобы на вербальном уровне является крайней степенью нарушения вежливой нормы общения в случае отсутствия у слушающего эмоциональной реакции сопереживания. Смягчить отсутствие прогнозируемого ответного речевого хода на жалобу может любой адекватный элемент из ряда жестово-мимического общения.

Примером игнорирования с возможным жестово-мимическим смягчением может служить следующая ситуация: на жалобу "I've had such a difficult day" адресат молча кивает, не произнося ни слова, но при этом сохраняет выражение участливого лица. Однако вербальная реакция отсутствует. Здесь невербальные средства (кивок, выражение лица) выполняют функцию минимального признания жалобы, предотвращая полный разрыв контакта, но не предоставляя той вербальной поддержки, на которую рассчитывал адресант.

Желаемая реакция на жалобу далеко не всегда достижима. Крайне важен верный прогноз ответа адресата на жалобу. Искомые беспокойство, сочувствие, соболезнование и прочие вербальные

акты-спутники эмоционального состояния сопереживания выслушивающего жалобу могут не проявиться в силу ряда факторов как психологического или социального, так и пространственно-временного характера. Систематизируем эти факторы:

Психологические факторы:

– эмоциональное состояние адресата в момент получения жалобы (усталость, раздражение, сосредоточенность на собственных проблемах);

– личностные особенности адресата (низкая эмпатия, алекситимия);

– предшествующий анамнез отношений (накопленные обиды, неразрешённые конфликты);

– стиль привязанности адресата (избегающий тип менее склонен к эмоциональной отзывчивости).

Социальные факторы:

– статусное неравенство (начальник – подчинённый, учитель – ученик);

– социальная дистанция (незнакомцы реже выражают эмпатию, чем близкие);

– групповая принадлежность (свои – чужие).

Пространственно-временные факторы:

– дефицит времени (адресат спешит);

– присутствие третьих лиц (эффект аудитории, который может подавлять эмоциональное выражение);

– физическая среда (шум, отсутствие приватности).

Немаловажную роль в этом смысле играет и анамнез отношений партнёров по диалогу с зачином-жалобой. В результате вместо сопереживания жалоба может вызвать у адресата раздражение. Оно вербализуется в виде сопрягаемых с жалобой в диалоге ЕРЭ тематических групп «Недоверие», «Разочарование» или «Раздражение».

A.: She left me for another and took away the sun (жалоба).

B.: You can't be serious (недоверие).

A.: We came too late. All the tickets are sold out (жалоба).

B.: How very disappointing (разочарование)!

A.: We've missed the plane (жалоба).

B.: How annoying (раздражение)!

Интересно, что раздражение как ответ на жалобу может быть направлено как на саму жалобу («Ты уже устал ныть»), так и на ситуацию, вызвавшую жалобу, но при этом адресат не отделяет ситуацию от жалующегося, проецируя раздражение на него. В любом случае, такой ответ имеет нулевой или негативный терапевтический эффект.

Достижение того, что выше было названо «терапевтическим эффектом» в ответ на жалобу за счёт вербальных «поглаживаний» со стороны партнёра по диалогу, в случае отсутствия сопереживания неприятности или горю адресанта сводится к нулю. Если же состояние адресата можно охарактеризовать как раздражённое, то вместо искомой «терапии поглаживания» адресант скорее получает «пинок». В этой связи очень важен верный прогноз на жалобу. Следует учитывать время, место и того субъекта, на которого будет направлена жалоба, отношение последнего к жалующемуся лично и предмету/объекту или субъекту жалобы. Причём все эти составляющие необходимо оценить мгновенно. В подавляющем большинстве случаев правильная оценка указанных и подобных им факторов как отрицательных привела бы к тому, что жалоба не была бы словесно оформлена.

Парадокс же заключается в том, что, как правило, адресант настолько расстроен, или раздосадован, или подавлен случившимся, что его собственное стрессовое состояние является препятствием для того, чтобы правильно оценить обстановку, в которой вербализуется жалоба. А столкнувшись с безразличием или раздражением собеседника на свою жалобу, он, в лучшем случае, не может снять стресс, в худшем – усугубляет его.

Этот парадокс можно сформулировать следующим образом: **чем больше**

человек нуждается в эмпатийном ответе, тем меньше у него когнитивных ресурсов для оценки вероятности его получения. Это фундаментальное ограничение, которое необходимо учитывать как жалующемуся, так и тому, кто профессионально работает с жалобами (психолог, оператор колл-центра, медиатор).

Целесообразно в этой связи обратить внимание на то, насколько детские инстинкты порой разумнее спонтанных поступков взрослых людей на коммуникативно-вербальном уровне. Ребёнок «побежит» жаловаться маме (м. б. бабушке, реже папе или к.-л. близкому родственнику), точно зная, что найдёт у неё сочувствие и помощь (здесь не принимаются во внимание случаи реакции родителей на детскую ложь, патологическое невнимание родителей к детям, раздражение родителей на детей-нытиков и т. д.). Взрослый же человек, чаще всего, в последнюю очередь будет искать релаксации на жалобу у родителей. Он станет жаловаться на свои беды друзьям, знакомым, сослуживцам, соседям, милиции, продавцу в магазине... Легко заметить, что этот краткий список лиц, на которых может быть направлена жалоба, составлен по степени убывания их эмоционального участия в жалующемся субъекте.

Проведём небольшой социально-психологический анализ этого феномена. Доверие ребёнка к матери как гаранту эмпатии основано на эволюционно закреплённой модели безопасной базы (secure base) по Дж. Боулби². Взрослый человек, хотя теоретически и сохраняет способность к распознаванию эмпатийно-надёжных фигур, часто подавляет эту способность под воздействием социальных стереотипов («жаловаться родителям во взрослом возрасте – инфантильно») или

сиюминутного стресса. В результате выбор партнёра для жалобы оказывается неоптимальным, что повышает риск коммуникативной неудачи.

Одним из наиболее распространённых видов жалобы является жалоба медицинского характера. Действительно, человек с определённой периодичностью жалуется на своё физическое или эмоциональное состояние. Можно услышать жалобы, связанные с социально-бытовыми условиями. Жалуются на проблемы окружающей среды, включая метеорологические обстоятельства и катаклизмы всякого рода. Можно услышать жалобы на различных субъектов, начиная с очень близких людей, таких как дети и родители, и кончая совсем незнакомыми, такими, как случайные встречные или случайные прохожие. Таким образом, практически всё, что окружает человека, равно как и он сам, может послужить причиной или поводом для жалобы. Соответственно, все перечисленные выше показатели могут быть положены в основу классификации жалоб.

Для иллюстрации многообразия предметов жалобы можно привести следующие примеры:

Жалоба медицинского характера:

A.: My back has been hurting for three days now (жалоба).

B.: You should see a doctor (совет).

Жалоба на социально-бытовые условия:

A.: The rent has gone up again, and the elevator is still broken (жалоба).

B.: That's really annoying (сочувствие).

Жалоба на метеорологические обстоятельства:

A.: It's been raining for two weeks non-stop (жалоба).

B.: I know, I feel so depressed because of it (сочувствие).

Жалоба на близкого человека:

A.: My mother never listens to what I say (жалоба).

B.: Poor you, that must be hard (соболезнование).

² См.: Теория привязанности [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_привязанности (дата обращения: 06.10.2025).

Многопараметрическая классификация жалоб и модель прогнозирования успешности

На основе проведённого анализа представляется возможным предложить многопараметрическую классификацию жалоб, учитывающую различные основания.

По предмету/объекту жалобы:

- соматические (жалобы на физическое состояние);
- психологические (на эмоциональное состояние);
- социально-бытовые (на условия жизни, работы);
- интерперсональные (на действия/бездействие других людей);
- экологические/метеорологические (на погоду, экологию);
- метафизические/экзистенциальные (на судьбу, несправедливость мира).

По адресату (кому жалоба направлена):

- близкий (семья, друзья);
- функциональный (врач, начальник, полиция);
- случайный (попутчик, сосед по очереди);
- заочный (жалоба в социальных сетях, отзыв на сайте).

По степени конкретности:

- абстрактные («мне плохо», «всё надоело»);
- конкретные («сосед вчера опять шумел до двух ночи»).

По наличию/отсутствию виновника:

- с виновником («ты опять сломал мою вещь»);
- без виновника («опять дождь», «сломался лифт»).

По иллокутивной силе:

- слабые (упоминания, намёки);
- средние (эксплицитные жалобы без эмоционального усиления);
- сильные (жалобы с эмоциональными маркерами, гиперболами, повторами).

На основе факторов, выявленных в наших исследованиях ранее, может быть

предложена **интегративная модель прогнозирования успешности жалобы** (модель ПУЖ). Успешность жалобы (достижение перлокутивного эффекта сопереживания) является функцией следующих переменных:

$$Y = f(A, R, S, T, H, C), \text{ где:}$$

A – характеристики адресанта (эмоциональное состояние, стресс, привычный стиль жалобы);

R – характеристики адресата (эмпатийность, текущее состояние, наличие когнитивных ресурсов);

S – социальные переменные (статус, дистанция, анамнез отношений);

T – пространственно-временные условия (место, время, присутствие других);

H – характер предмета жалобы (серьёзность, обратимость, наличие виновника);

C – коммуникативная компетентность адресанта (способность правильно выбрать момент и форму жалобы).

Парадоксальным образом, переменная H (характер предмета жалобы) часто имеет наименьшее влияние на успех: даже очень серьёзная жалоба может быть отвергнута при неблагоприятных R, S, T, тогда как тривиальная жалоба получает мощную эмпатийную поддержку при их благоприятных значениях. Это важное практическое наблюдение: **успех жалобы определяется не столько её содержанием, сколько контекстом.**

Заключение

Проведённый в настоящей статье анализ позволяет сделать следующие выводы.

Речезиткетная единица (ЕРЭ) «Жалоба» представляет собой полифункциональный элемент речевого этикета, способный выступать как в роли иницирующей, так и реагирующей реплики в диалогическом единстве. Установлено три варианта диалогической реализации жалобы: (а) жалоба как самодостаточ-

ный элемент в роли и стимула, и реакции (диалог «жалоба + жалоба»); (б) жалоба в иницирующем речевом ходе; (в) жалоба как реакция на беспокойство/озабоченность.

Наиболее сложным и семантически насыщенным является вариант с жалобой в иницирующем ходе, требующий от адресата выбора одной из множества возможных ответных ЕРЭ. Систематизация ответных реакций позволяет выстроить континуум от эмпатийных (беспокойство, сочувствие, возмущение как усиленная форма сочувствия, соболезнование, утешение, комплимент) через нейтрально-этикетные (сожаление, совет, извинение) до дисфункциональных (безразличие, игнорирование, недоверие, разочарование, раздражение). Впервые дано разграничение между сочувствием, соболезнованием и сожалением на основе критерия «совпадение/несовпадение оценки предмета жалобы» и «наличие/отсутствие оценка суждения».

Ключевым условием достижения перлокутивного эффекта сопереживания является совпадение оценки предмета жалобы коммуникантами; при его отсутствии, но сохранении эмпатии возникает соболезнование. Сожаление занимает нейтральную позицию, не предполагая выраженной оценки. Дополнительными факторами успеха являются: а) наличие когнитивных ресурсов у адресата для эмпатийной реакции; б) приватность общения; в) положительный анамнез отношений.

Установлено фундаментальное парадоксальное противоречие: именно стрессовое состояние адресанта, побуждающее к жалобе, одновременно препятствует адекватной оценке коммуникативной си-

туации (время, место, личность адресата, анамнез отношений), что повышает риск получить не сопереживание, а раздражение или безразличие. Сформулировано как «парадокс жалобы»: чем сильнее потребность в эмпатии, тем ниже способность к оценке условий её получения.

Практически все сферы жизнедеятельности человека могут служить поводом для жалобы, что позволяет строить многопараметрические классификации по предметно-референтному, социальному и психологическому основаниям. В статье предложена классификация по пяти основаниям и впервые представлена интегративная модель прогнозирования успешности жалобы (модель ПУЖ) как функция шести групп переменных.

Представляется целесообразным проведение сопоставительного анализа реализации жалобы в разных лингвокультурах (русско-английском, русско-китайском, русско-немецком) с учётом выделенных параметров. Отдельного внимания заслуживает изучение гендерных и возрастных особенностей восприятия жалобы в диалогическом дискурсе, а также анализ жалобы в цифровой коммуникации (мессенджеры, социальные сети, отзывы на маркетплейсах), где отсутствие невербального сопровождения модифицирует как стратегии выражения жалобы, так и спектр ответных реакций. Кроме того, требует эмпирической верификации предложенная модель прогнозирования успешности жалобы (модель ПУЖ), необходимы экспериментальные исследования с контролем выделенных переменных и измерением перлокутивного эффекта с помощью психологических шкал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 166 p.
2. Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London: Cambridge University Press, 1969. 203 p.
3. Searle J. R. *A taxonomy of illocutionary acts // Language, mind, and knowledge*. Minnesota studies in the philosophy of science. Vol. 7. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. P. 344–369.

4. Paronyan Sh. Sociocultural Pragmatic Differences of Complaining in English // *Bulletin of Yerevan State University B: Philology*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 90–100. DOI: 10.46991/BYSU.B/2026.17.1.090.
5. Андрущенко О. К. Речевой акт жалобы: семантика, прагматика, типология // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2014. Т. 1. № 1 (1). С. 46–50.
6. Wei M. A contrastive study of Chinese and American online complaints: Speech act construction in relation to face management // *Pragmatics and Society*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 376–399. DOI: 10.1075/ps.21059.wei.
7. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
8. Sauer M. *Complaints: a cross-cultural study of pragmatic strategies: Master of Arts Thesis*. Victoria, Canada: University of Victoria, 2000. 140 p.
9. Иванова С. А. Жанры устной речи. Жалоба // XXV Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ: тезисы. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. С. 139–140.
10. Липко Ю. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты дискурса жалобы в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 167 с.
11. Колядов Д. М. Обращение как дискурсивный маркер // *Вопросы языкознания*. 2020. № 6. С. 7–30. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.7-30.
12. Vásquez C. Complaints Online: The Case of TripAdvisor // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 6. P. 1707–1723.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
2. Searle, J. R. (1969). *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London: Cambridge University Press.
3. Searle, J. R. (1975). A taxonomy of illocutionary acts. In: *Language, mind, and knowledge. Minnesota studies in the philosophy of science. Vol. 7*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 344–369.
4. Paronyan, Sh. (2026). Sociocultural Pragmatic Differences of Complaining in English. In: *Bulletin of Yerevan State University B: Philology*, 17 (1), 90–100. DOI: 10.46991/BYSU.B/2026.17.1.090.
5. Andryushchenko, O. K. (2014). Speech act of complaint: semantics, pragmatics, typology. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 1 (1), 46–50 (in Russ.).
6. Wei, M. (2024). A contrastive study of Chinese and American online complaints: Speech act construction in relation to face management. In: *Pragmatics and Society*, 15 (3), 376–399. DOI: 10.1075/ps.21059.wei.
7. Brown, P. & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Sauer, M. (2000). *Complaints: a cross-cultural study of pragmatic strategies: Master of Arts Thesis*. Victoria, Canada: University of Victoria.
9. Ivanova, S. A. (2022). Genres of oral speech. Complaint. In: *XXV Open Conference for Philology Students at St. Petersburg State University: Abstracts*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 139–140 (in Russ.).
10. Lipko, Yu. G. (2006). *Communicative and pragmatic aspects of the complaint discourse in modern English* [dissertation]. Irkutsk (in Russ.).
11. Kolyadov, D. M. (2020). Terms of address as discourse markers. In: *Topics in the study in language*, 6, 7–30. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.7-30 (in Russ.).

12. Vázquez, C. (2011). Complaints Online: The Case of TripAdvisor. In: *Journal of Pragmatics*, 43 (6), 1707–1723.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Екатерина Геннадьевна (г. Москва) – аспирант Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0009-0006-0943-8967>; e-mail: sokolova-nl@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina G. Sokolova (Moscow) – Postgraduate Student, Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
<https://orcid.org/0009-0006-0943-8967>; e-mail: sokolova-nl@rudn.ru

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2026. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературные редакторы М. С. Тарасова, Н. С. Харченко
Переводчик, корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – Б. В. Булгаков

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,75, уч.-изд. л. 11,25.

Подписано в печать: 27.02.2026 г. Дата выхода в свет: 03.03.2026 г. Заказ № 2026/02-09.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А